

ISSN 2311-5793

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

Социально-гуманитарные науки

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы
- Педагогика и образование

Выпуск № 2 (6), 2015 г.

УДК 009
ББК 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор – Радугин А. А., засл. деятель науки РФ, д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Зам. главного редактора – Перевозчикова Л. С., д-р философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э. А., д-р соц. наук, проф. (г. Киев)
Бубнов Ю. А., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Ильин М. В., д-р полит. наук, проф. (г. Москва)
Коростылева Н. Н., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ледяев В.Г., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Моисеев В. И., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Скрипникова Н. Н., д-р филол. наук, проф. (г. Воронеж)
Черников М. В., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Чупров В. И., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ярецкий Ю. Л., д-р истор. наук, проф. (г. Воронеж)
Delwyn L. Harnisch, Professor & Fulbright Scholar University of Nebraska Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Маслихова Л. И., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)

В серии «Социально-гуманитарные науки» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии, педагогики, образования и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна тем, кто занимается изучением социально-гуманитарных наук.

Статьи печатаются в авторской редакции

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.
Каб. 5302, тел. (4732) 71-50-04

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Белоусов В. В., Остроухов А. Ю. История изучения римских монет и монетных кладов в отечественной науке.....	5
Жиброва Т. В. О деятельности аптекарского приказа в провинции во второй половине XVII – начале XVIII вв.....	18
Жиров Н. А. Особенности изменения естественного прироста населения Орловской губернии в начале XX в. (микродемографическое исследование).....	25
Кирчанов М. В. Проблемы режима Карлиса Улманиса в современной постмодернистской латышской историографии.....	30
Погорельский А. В. Особенности идеологии немецкого национализма перед началом Первой мировой войны.....	37
Стукалов П. Б. Национализм как идеология: миф или реальность?	42
Тонких В. А., Фарберова О. Е., Шевченко В. Н. Российское предпринимательство: историко-философский феномен	47

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Бочарова И. М. П. Флоренский – фанатик с лицом Савонаролы.....	53

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ашмаров И. А. Крымские противоречия России и Запада.....	58
Волкова Е. А. Роль и развитие семейных ценностей в современной России.....	64
Дмитриева С. И., Минашкина Е. Б. Ядерная программа исламской республики Иран: основные вехи развития.....	75
Зюзина Е. Б., Романовский А. А. Проблемы реформирования местного самоуправления в современной России (на примере Воронежской области).....	80
Морозова В. Н., Золотарев Д. П. Германский опыт интеграции мигрантов в принимающее общество.....	87
Садовая И. И. Зрелость институтов гражданского общества – гарантия национальной безопасности.....	93
Форет И. В., Степняк С. С. Правовые и социальные проблемы применения смертной казни и эвтаназии во Франции.....	100

CONTENTS

HISTORY

Belousov V. V., Ostroukhov A. Ju. History of the study of Roman coins and coin treasures in Russian science.....	5
Zhibrova T. V. About the activities of the pharmacy prikaz in the province in the second part of the XVII – the beginning of the XVIII centuries	18
Zhirov N. A. Features changes of Oryol province natural population growth at the beginning of XX centry (the microdemography study).....	25
Kirchanov M. V. The problems of Karlis Ulmanis regime in modern Latvian postmodernist historiography.....	30
Pogorelsky A. V. Features of ideology of German nationalism before the First world war.....	37
Stukalov P. B. Nationalism as an ideology: myth or reality?	42
Tonkikh V. A., Farberova O. E., Shevchenko V. N. Russian business: historical and philosophical phenomenon.....	47

PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

Bocharova I. M. P. Florensky - a fanatic with a face of Savonarola	53

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Ashmarov I. A. The Crimean contradictions between Russia and the West	58
Volkova E. A. The role and development of family values in modern Russia.....	64
Dmitrieva S. I., Minashkina E.B. Nuclear program of the Islamic Republic of Iran: milestones	75
Zyuzina E. B., Romanovsky A. A. The problems of local government reform in contemporary Russia (on the example of Voronezh region).....	80
Morozova V. N., Zolotarev D. P. German experience of migrants integration into host society.....	87
Sadovaya I. I. The maturity of civil society's institutions as the guaranty of the national safety.....	93
Foret I. V., Stepniak S. S Legal and social problems of the death penalty and euthanasia in France.....	100

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 930:902

*Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры археологии и истории древнего мира
В. В. Белоусов
Магистр истории А. Ю. Остроухов
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 239-29-35;
e-mail: bvv8408@mail.ru.*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of Archaeology
and Ancient History
V. V. Belousov
MA in History A. Ju. Ostroukhov
Russia, Voronezh, tel. (473) 239-29-35;
e-mail: bvv8408@mail.ru.*

В. В. Белоусов, А. Ю. Остроухов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РИМСКИХ МОНЕТ И МОНЕТНЫХ КЛАДОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В статье приведен обзор отечественной литературы, посвященной римским монетам и монетным кладом. Проанализированы все значимые работы, касающиеся заявленной тематики. Авторами выделены 4 этапа в изучении данной проблематики: 1. До начала XIX в.; 2. Нач. XIX – нач. XX в (до революции); 3. 20 – 60-е гг. XX в.; 4. 60-е гг. XX в. по настоящее время.

Ключевые слова: история изучения, нумизматика, монеты, денарии, клады, римское время.

V. V. Belousov, A. Ju. Ostroukhov

HISTORY OF THE STUDY OF ROMAN COINS AND COIN TREASURES IN RUSSIAN SCIENCE

The article provides an overview of the national literature on Roman coins and coin treasures. All significant works on the announced theme are analyzed. The authors identified 4 stages in the study of this problem: 1. Till the beginning of XIX century; 2. Beginning XIX – beginning XX century; 3. 20-60ies of XX century; 4. 60ies of XX century till the present time.

Key words: history of research, numismatics, coins, denarius, treasures, Roman times.

В истории изучения римских монет и монетных кладов можно выделить несколько периодов, каждый из которых отличается степенью и глубиной исследования заявленной темы в отечественной науке:

1. До начала XIX в. – характеризуется спорадическими сообщениями непрофессиональных исследователей о находках римских кладов и монет.

2. Нач. XIX – нач. XX в (до революции) – характеризуется публикацией находок кладов и монет римского времени с профессиональным описанием. В это время происходит накопление источниковой базы по теме исследования без её глубокого анализа.

3. 20 – 60-е гг. XX в. – характеризуется появлением работ, посвященных анализу монетных кладов и монет римского времени как исторического источника и заканчивается изданием крупных монографий-сводов находок монет и кладов применительно ко всей территории СССР.

4. 60-е гг. XX в. – настоящее время – характеризуется регионализацией в изучении заявленной темы. Появляются работы, посвященные анализу монет и кладов римского времени применительно к вопросам методологии.

Первые сведения о римских монетах и медальонах, найденных на славянских землях, содержатся в сочинении польского историка Матвея Меховского (Трактат о двух Сарматиях, изданном в Кракове в 1517г). Средневековый хронист сообщает, что римские монеты назывались у местного славянского населения денариями св. Иоанна Крестителя [34. С. 75]. На Украине римские монеты именовались также Ивановыми головками. Судебные документы начала XVII в. сохранили науке ценные сведения о Ласковском кладе, найденном на Волыни в 1610 г. В состав клада входили, судя по описанию, римские золотые медальоны различного размера и веса. Качество и подробность судебных бумаг была такова, что на их основе уже в советское время, в 1960 г., была написана целая статья, автором которой является Тиханова М.А. В ней она подвергает подробному анализу не только обстоятельства находки и судьбу клада, но и проводит подробный анализ находки в системе подобных ей древностей с одновременной датировкой [59. С. 196-204]. В частности она отметила, что Ласковский клад очень близок морфологически к Борочицкому, найденному в Украине в 1928 г. и датированному рубежом IV-V или началом V в.н.э. Исходя из этого автор сделала вывод о том, что время «зарытия» Ласковского клада следует относить к этому же времени [59. С. 204].

Сведения о кладах римских монет, найденных в пределах административных границ бывшего СССР, мы встречаем в некоторых исторических сочинениях и нумизматических работах XVIII и начала XIX в. Однако, вплоть до начала XIX в., в русской нумизматической науке значение монетных кладов как ценного источника для решения общих историко-экономических вопросов не осознавалось. Происходит это лишь в первой половине XIX в., когда появились труды Х. Френа и П.С. Савельева по топографии кладов куфических и сасанидских монет. К этому времени с момента первого упоминания о кладах римских монет в России прошло уже более 200 лет.

Однако для дореволюционной науки в области изучения истории античного мира характерна методологическая ограниченность и узость интересов, это ярко проявилась в том, что первые публикации кладов римских монет, найденных в России, принадлежали не антиковедам, а специалистам по русской истории и археологии.

Первая краткая публикация клада римских монет впервые появилась в «Вестнике Европы» в 1804 г. под названием: «О древних римских монетах, найденных в Ахтырском уезде» [42. С. 127]. В первой половине XIX в. регистрация и издание кладов и отдельных находок римских монет еще не были организованы, а производились от случая к случаю в различных периодических изданиях. Найденные монеты, как правило, не поступали к специалистам на научное определение. Поэтому не случайно Б. Кене в своем исследовании «Описание европейски монет X, XI и XII вв., найденных в России» писал по этому поводу: «Эти древние монеты (римские) встречаются в таком малом числе, что очевидно они служили не монетою, а предметом украшения и роскоши [21. С. 4]. Во второй половине XIX в. научным центром, где производилось определение кладов и систематическая регистрация монетных находок, становится Археологическая комиссия, основанная в Петербурге в 1859г.

Важным источником для восстановления состава утраченных кладов являются рукописные тетради Ю.Б. Иверсена, найденные в архиве отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Иверсен, являясь хранителем отдела нумизматики Эрмитажа, определил несколько кладов римских и византийских монет, найденных в России во второй половине XIX в., а некоторые клады даже приобрел для своей нумизматической коллекции (например, знаменитый Пашковский клад, найденный в г. Нежин в 1873 г. – крупнейший клад римских серебряных денариев в Украине, насчитывавший 1312 монет). В рукописных тетрадях Иверсена сохранились более полные данные о составе определенных им кладов, чем в делах и отчетах Археологической комиссии и кратких публикациях самого Иверсена. К сожалению, далеко не все поступавшие на определение клады приобретались для нумизматического собрания Эрмитажа и других музеев. Обычно из кладов выбирались для Эрмитажа наиболее ценные и редкие монеты, а остальные передавались другим музеям или

частным лицам. Некоторые клады дурной сохранности или клады с рядовыми монетами, не представлявшими, по мнению нумизматов того времени, особой ценности, Археологическая комиссия не сохраняла для науки, а передавала для переплавки на Монетный двор. Наконец, многие клады, поступавшие в музеи, по разным причинам не сохранились до нашего времени. Так, например, из нескольких кладов, поступивших на хранение в Государственный исторический музей в Москве, сохранился целиком только один клад римских монет (Клад римских монет из с. Пражуха Калишского воеводства, найденный в 1886 г. [26. С. 8]. Остальные клады, по-видимому, были перемешаны с систематической коллекцией монет и утратили паспорта. Такая же судьба постигла многие клады, переданные в другие музеи.

Значительная часть кладов вообще не поступала в Археологическую комиссию и музейные собрания, а расходилась по рукам и попадала в частные коллекции. Но даже те из них, которые поступили на определение в Археологическую комиссию или Эрмитаж, зачастую определены очень суммарно, поэтому проверить или уточнить данные о составе кладов теперь, к сожалению, уже невозможно.

Одновременно с деятельностью Археологической комиссии во второй половине XIX в. сбор и регистрация кладов и монетных находок были организованы в крупных университетских городах России: Киеве, Харькове, Одессе, Казани и др. В связи с ростом краеведческого движения и развитием нумизматической науки составляются каталоги музейных собраний, археологические карты губерний и сводки монетных находок в различных областях России. В 1866 г. К. Страшкевич издает описание некоторых кладов нумизматического собрания Киевского университета [56-58], а Н.Ф. Беляшевский в 1889 г. публикует сводку о монетных кладах Киевской губернии [8]. Начиная с этого времени, появляются сводки монетных находок в Киевской [14. С. 260-264], Харьковской [15. С. 374-410], Екатеринославской [16. С. 302-313], Черниговской [70. С. 1915] губерний. Кроме того, значительный материал о находках римских монет был собран в археологических картах Киевской [5], Волынской [6], Гродненской [43, С. 1-65], Ковенской [44], Подольской [54. С. 197-354] и Харьковской [7. С. 1-92] губерний. Таким образом, за более чем столетний период был накоплен значительный материал по находкам римских монет в Европейской части Российской Империи, особенно в Украине. Число кладов исчислялось уже десятками, в которых насчитывалось тысячи монет разной чеканки и номинала. Весь этот материал требовал своего осмысления. Исследователем, попытавшимся это сделать, стал Д.Я. Самоквасов. Он выступил с рядом работ, в которых он попытался дать историческое объяснение появлению римских монет в Восточной Европе.

В своих исследованиях на эту тему ученый ввел в научный оборот ценные сведения о находках римских монет, но его историческая концепция не была принята в науке. Д.Я. Самоквасов, как и многие другие историки XIX в., считал, что прародина славян находилась на Дунае. Под натиском римских легионов во II в. славяне, которых ученый отождествлял с гето-дакийскими племенами, переселились в Восточную Европу. Клады римских монет, найденные в России являются, по его мнению, сокровищами, которые славяне принесли с собой из своей дунайской прародины [52; 53. С.31-43].

Большую дискуссию вызвали публикации находок римских монет в Украине, сводку которых составил киевский историк и краевед В.Г. Ляскоронский. В 1901 г. он опубликовал небольшую статью о находках римских монет в Среднем Приднепровье [30. С. 458-464]. В последующие годы исследователь продолжал систематический сбор сведений о находках римских монет в Восточной Европе. В итоге, в 1927 г. он опубликовал на украинском языке статью о находках римских монет в Киеве [31. С. 29-41]. Именно эта статья вызвала большое количество вопросов. В частности, многие историки отмечали, что некоторые клады римских монет, например, клады, будто бы найденные на Сенном базаре в 1874-1875гг. (теперь Львовская площадь), на Некрасовской улице в 1911-1912гг., на Кирпичном заводе, опубликованные В.Г. Ляскоронским в этой работе, внушают большие сомнения в своей достоверности. Тем не менее, данная статья, наглядно продемонстрировавшая обилие кладов

римских монет, обнаруженных на территории Киева и в его окрестностях, привела некоторых историков к мысли, что центр готской державы Германариха - Danpar stadir - находился на Среднем Днепре, на месте современного Киева. Как бы то ни было, в итоге ученый написал рукопись монографии под заглавием «Римская монета в южной России и сопредельных странах, как исторический источник», законченная автором незадолго до смерти в 1928 г., но так и не опубликованная. В этом обширном исследовании проф. В.Г. Ляскоронского приведены многочисленные сведения о находках римских монет в Восточной Европе, взятые из литературы и собранные им лично за 30 лет его научной деятельности в этой области [26. С. 9].

Большие заслуги в области изучения монет Северного Причерноморья принадлежат А.Л. Бертье-Делагарду, уделявшему особое внимание вопросам экономического характера. Важнейшие его труды основаны на изучении не только русских, но и иностранных монетных собраний. Такие его работы, как «Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды» и «Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене» [9], не утратили своего значения и по сей день. Как отмечал в свое время один из ведущих специалистов по монетному делу Северного Причерноморья А.Н. Зограф, полная сводка весовых данных, которую составил для монет Северного Причерноморья А.Л. Бертье-Делагард, может служить «ценной подготовительной работой» [18, в. 16. стр. 21] при создании корпуса монет Северного Причерноморья.

После революции, приостановившиеся было исследования возобновились. По-прежнему, большое значение имеют публикации материалов. В 20-е гг. XX в., как и в дореволюционное время, продолжают создаваться сводки находок монет и кладов в разных губерниях и регионах: Курской [13. С. 33-44], Рязанской [65] губерниях, в Нижнем Поволжье [17].

В 30-40-х годах сведения о находках римских и византийских монет на Украине собирали В.А. Шугаевский и С.В. Коршенко, но, к сожалению, их работа в этой области почти не нашла отражения в печати.

Большую работу по сбору сведений о находках римских и византийских монет проводила секция нумизматики и глиптики ГАИМК в Ленинграде в лице А.Н. Зографа, Р.Р. Фасмера, Н.П. Бауэра и других сотрудников этой секции [63. С. 287-308; 64, С. 281-324]. В плане работ секции, наряду с другими темами по составлению топографических сводок, стояли: Топография римских монет и Топография византийских монет, но эти работы не были выполнены.

Тем не менее, наряду с публикациями, появляется все больше работ, посвященных собственно анализу монет и кладов римского времени как источника по истории различных регионов и эпох. В довоенный период значительный шаг вперед в изучении монетного дела Северного Причерноморья сделал А.Н. Зограф. Ученый, обладавший большими знаниями в области античной истории, филологии и нумизматики, поставил изучение монетного дела городов Северного Причерноморья на широкую историко-экономическую базу, сумев дать полную картину развития монетного дела и денежного обращения в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. Он приступил и к основной задаче современной нумизматики - к созданию корпуса монет городов Северного Причерноморья. Первый и пока единственный выпуск корпуса монет г. Тиры [19] появился уже после смерти автора. Однако особую значимость имеет его обширный труд, также опубликованный посмертно, «Античные монеты» [18] – единственная общая работа по античной нумизматике, имеющаяся на русском языке.

Не вдаваясь в подробности этой работы, скажем лишь, что она дала мощный толчок развитию нумизматической проблематики в отечественной науке, в том числе, что касается и нашей темы. Особой заслугой А.Н. Зографа является разработка в его исследовании методологических вопросов. В частности, он блестяще применил в работе метод сравнения штемпелей, что позволило ему точно датировать и установить последовательность некоторых монетных серий.

Кроме того, основываясь на изучении находок монетных кладов, а также находок в погребениях и при раскопках городищ, А.Н. Зограф сделал ряд ценных выводов относительно экономических связей городов Северного Причерноморья с другими государствами, а также окружавшими их племенами.

А.Н. Зограф поставил вопрос о пересмотре схемы Эккеля, предлагая вместо географического принципа хронологический (принцип синхронности) и деля всю античную нумизматику на четыре общих периода – архаический, классический, эллинистический и римский императорский.

В послевоенный период интерес к находкам римских монет и кладов на территории СССР значительно оживился, что было связано главным образом с развернувшимися археологическими исследованиями на Украине и попытками решить на основе археологического материала проблему происхождения славян и древней Руси.

В это время среди советских нумизматов, кроме А.Н. Зографа, появилось значительное количество исследователей, посвятивших себя изучению античных монет Северного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. Свои исследования они проводили на базе крупнейших музейных собраний и использовали новые находки.

Античными монетами Северного Причерноморья многие годы занимался искусствовед, археолог и нумизмат Л.П. Харко, перу которого принадлежат интересные статьи о монетах царя Аки [66], о ранних монетах г. Ольвии [67], очерк о возникновении одной из наших нумизматических коллекций [68]. Еще одним исследователем была Н. П. Розанова, которая занималась Римской нумизматикой и монетами скифских царей [48]. Ю. К. Крушкол на базе собрания античных монет Государственного Исторического музея разработала ряд тем по нумизматике Северного Причерноморья и опубликовала интересный клад античных монет [29].

Большую известность приобрели Д. Б. Шеллов, П. О. Карышковский и К. В. Голенко. Д. Б. Шеллов написал монографию о ранних монетах Боспорского царства, дополняющую исследование А. Н. Зографа и уточняющую некоторые детали. Многие его статьи содержат высоконаучные публикации кладов античных монет. П. О. Карышковскому принадлежат важные теоретические статьи по ольвийской и боспорской нумизматике [20].

Но особо следует отметить работы двух исследователей, открывших острую дискуссию относительно истории ранних славян – Б.А. Рыбакова [49. С. 73-80; 50, С. 42 и сл.; 51, С. 23 и сл] и П.Н. Третьякова [62, С. 147-149, 170-172]. В их общих работах были высказаны некоторые замечания о характере экономических связей славянских племен с Римской Империей и о находках римских монет в Восточной Европе в связи с общими вопросами социально-экономического развития восточных славян в I тысячелетии н.э. Оба исследователя исходили из положения, что славяне обитали в области Среднего Поднепровья и на Волыни с глубокой древности, являясь автохтонным населением. Б.А. Рыбаков и П.Н. Третьяков поставили различные археологические культуры Восточной Европы в единый генетический ряд, полагая, что скифские земледельческие племена (скифы-пахари) являлись предками восточных славян. Черняховская культура, по их мнению, была генетически связана с предшествовавшей зарубинецкой культурой и последующими славянскими памятниками VIII-X вв. Таким образом, в работах указанных археологов возникло и укрепилось представление об антском периоде в истории восточных славян, который охватывал II-VII вв. Упомянутые археологические культуры являлись в их представлении как бы различными стадиями социально-экономического и культурного развития восточнославянских племен от Геродота до возникновения древней Руси. По мнению Б.А. Рыбакова, вывоз славянского хлеба в Римскую империю обусловил интенсивный приток на берега Днестра и Днепра римских монет и товаров. Экономические и культурные связи населения Среднего Поднепровья с римскими провинциями отразились на материальной культуре славянских племен, в частности, в появлении гончарного круга и широком распространении типичной гончарной посуды. Распространение фибул с

выемчатой эмалью и других украшений, привезенных из римских провинций, окрасило культуру местного населения в римские провинциальные тона. Совпадение русских и римских мер сыпучих тел (амфореус равен четверику, полосмина квадранталу) Б.А. Рыбаков объяснил заимствованием их восточными славянами в первые века нашей эры [50. С. 42-43]. Влияние римской провинциальной культуры на различные области Восточной Европы не было одинаковым. Племена, обитавшие по границам римского лимеса, поддерживали непосредственные связи с Римской империей; по мере удаления от римских границ экономические связи ослабевали и воздействие римской провинциальной культуры сказывалось на местных культурах значительно слабее.

Экономические связи славянских племен с античным миром имели, по мнению Б.А. Рыбакова, исторически прогрессивный характер, так как ускоряли социально-экономическое развитие славянского общества, расшатывали старые родовые устои и способствовали выделению и обогащению славянской знати [49. С. 73-80; 50, С. 42-46].

Напротив, по мнению П.Н. Третьякова, представления о прогрессивной роли Рима в развитии экономической и культурной жизни славянских и германских племен отнюдь нельзя назвать объективными. «Они являются, - писал он, - не чем иным, как апологетикой колониальной экспансии, перенесенной в далекое прошлое. Они исходят из ложной мысли, что европейские племена, которые прошли до этого времени большой путь самостоятельного развития, вдруг почему-то остановились, стали топтаться на месте и смогли продвигаться вперед лишь при помощи Рима.

В действительности влияние Рима на соседние племена было крайне односторонним. Выкачивая у своих северных соседей огромные богатства: хлеб, скот, кожи, рыбу, янтарь и, самое главное, черпая из их среды подневольную рабочую силу - сотни тысяч рабов, Рим способствовал развитию местной экономики лишь в своих интересах, истощая силы и средства своих соседей и давая им взамен то, что не представляло особой ценности: ткани, вино, украшения. Это были отношения колониального характера, когда один из партнеров неизбежно оказывался в убытке.

Именно поэтому нарушение экономических связей с римским миром в III в. н.э. привело славянские племена отнюдь не к упадку экономической и культурной жизни, а, наоборот, к ее росту и расцвету: к дальнейшему развитию местного ремесла, к установлению местных экономических связей, к возрождению местных культурных традиций. Внутренние экономические и культурные силы освободились от тормозящего их рост благотворного римского влияния и их развитие быстро пошло вперед» [62. С. 148-149].

Данная дискуссия нашла живой отклик в советской исторической науке. Вскоре после Ю.А. Рыбакова и П.Н. Третьякова со своей оценкой роли римского влияния на варварские племена Центральной и Восточной Европы выступил украинский археолог М.Ю. Брайчевский. Его позиция во многом была сходной с точкой зрения П.Н. Третьякова [10; 11]. Исследователь полагал, что завоевательная политика Римской империи на северо-востоке была продиктована двумя причинами:

- 1) желанием расширить свои границы и присоединить к империи новые земли (в Дакии и Причерноморье);

- 2) стремлением получить новые источники для вывоза дешевого зерна в Рим.

При этом автор считал, что Рим подвергал жестокой эксплуатации варварские племена Центральной и Восточной Европы, основной формой которой стала неэквивалентная торговля, когда римские купцы вывозили огромное количество ценных товаров (хлеб, пушнину и пр.), расплачиваясь небольшим числом в основном серебряных монет. В качестве аргумента М.Ю. Брайчевский приводит статистику, согласно которой насчитывал всего 94 пункта находок римских монет и кладов на соответствующей территории, что крайне мало для столь огромной территории [10. С. 87-88].

Эта статья была подвергнута критике Н.Я. Мерпертом. Проф. К. Маевский в статье «Западнославянские земли в древности и Римская империя» [33. С. 161] согласился с критикой взглядов М.Ю. Брайчевского, признав ее убедительной.

В целом, работы украинского ученого и последующая критика его взглядов вскрыла одну из главных проблем – отсутствие обобщающего труда, где была бы представлена, прежде всего, полная сводка находок монет и монетных кладов римского времени на территории СССР. Именно использование неполных сведений о находках монет и кладов Римского времени в Украине привели его к необоснованным выводам. Этот пробел был в скором времени заполнен историком и нумизматом В.В. Кропоткиным. В первой половине 1950-х гг. выходит несколько его статей, посвященных находкам римских и византийских монет на территории СССР [22; 23; 24]. Итогом же его многолетней работы стала монография «Клады римских монет на территории СССР», опубликованная в 1961 г. [26]. Данная работа имеет комплексный характер. Прежде всего, в ней содержалась на тот момент самая полная сводка всех находок римских монет и кладов на территории СССР. Уже благодаря этому она является ценнейшим источником при изучении истории торговых отношений Рима и различных регионов Восточной Европы. Кроме того, ученый не ограничился простым описанием кладов и монет. Он подверг их комплексному анализу с целью уточнения датировок. И наконец, опираясь на весь изученный материал, сопоставив соотношение находок монет и кладов с количеством находимых вещей римского производства, он сделал ряд важных выводов относительно особенностей и характера экономических связей Рима с Восточной Европой в первом тыс., многие из которых не утратили актуальности и по сей день. В частности, важным достижением ученого стало формулирование постулата о различии в составе денежных масс, обращавшихся на варварской и романизированной территориях. Причем В.В. Кропоткин основывался не только на археологическом материале, но и на свидетельствах римских историков. Развивая идеи М.Ю. Брайчевского и ссылаясь на Публия Корнелия Тацита и Диона Кассия Кокцеана, ученый доказал, что раз дальние соседи римлян предпочитали полноценную монету, в первую очередь, серебро, то подданным империи приходилось довольствоваться низкопробными деньгами. По собранным В.В. Кропоткиным данным, активное проникновение денария на рынки Восточной Европы началось при Нероне Клавдии Цезаре (Нерон) (54–68 гг. н.э.), испытало пик при Антонинах и фактически завершилось при Северах [26. С. 27]. В.В. Кропоткин объяснял это явление падением качества римского серебра в III в. н.э. В порче монеты он видел и причину редкости кладов позднейших монет имперского чекана.

Примечательно и то, что ученый попытался объяснить появление варварских подражаний римскому золоту и серебру. Ученый справедливо заключил, что варвары Восточной Европы, столкнувшись с нехваткой полноценной монеты имперского чекана, были вынуждены наладить на местах эмиссию собственных подражаний. Его гипотезы о месте и обстоятельстве появления в обращении отдельных серий таких имитаций остаются актуальными и до сих пор. Чуть позже В.В. Кропоткин дополнил свою сводку находок римских монет и кладов на территории СССР [27].

После публикации работ В.В. Кропоткина тональность работ по нумизматике римских монет меняется. Наличие полного свода монет и кладов позволило исследователям, с одной стороны, сосредоточиться на изучении проблем монетного дела отдельных регионов, особенностей экономических связей различных племен Восточной Европы и Закавказья. С другой стороны, все актуальней становится вопрос методологии исследования нумизматических серий, в том числе и кладов.

Уже сам В.В. Кропоткин, основываясь на его сводке находок кладов монет римского времени, публикует в 1967 г. монографию «Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э.», ставшую значительным комплексным трудом, в котором предпринята попытка выявить особенности экономических отношений Рима и варварских племен на

основе анализа нумизматических серий в связи с вещевыми находками римского времени [28].

Крупным специалистом по монетам римского времени Поднестровья и Подунавья являлся А.А. Нудельман. В 70-80-е гг. он занимался сбором, систематизацией и публикацией находок соответствующих монет на территории Молдавской ССР [39; 40]. Одновременно с этим он разрабатывает проблемы древнего денежного обращения в регионе [41]. В связи с данным регионом следует упомянуть работы еще одного автора – Э.А. Рикмана [46; 47]. В своих работах он также уделял основное внимание монетам и вариантам их обращения в варварской среде. В частности, исследователь отстаивал зародившуюся ранее теорию о том, что римские монеты попадали к представителям черняховской культуры в основном торговым путем [46. С. 89-95]. Кроме того, на основе нумизматического материала, им в последствии, была предпринята попытка восстановить этническую историю Поднестровья и Подунавья в первых веках н.э. [47].

В связи с проблемой торговли и роли в ней римских монет нельзя не упомянуть статью М.А. Тихановой «К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры» [60]. Анализируя находки римских монет I-II в., которые были обнаружены на черняховских памятниках III в., она делает вывод о том, что римская монета поступала не к черняховскому населению, а к предшествовавшему ему зарубинецкому [60. С. 70-72]. Отмечая спорность подобной трактовки, с ней полемизирует Б.В. Магомедов. Он отмечал, что более вероятно поступление основной массы римских монет к черняховскому населению во время Готских войн 30-70-х гг. III в. в качестве добычи или контрибуций [32. С. 79].

Но, как мы уже говорили, большое значение приобретают работы методологического характера. В 1979 г. вышла статья М.А. Тихановой «К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами» [61]. Как видно из названия, в ней была затронута очень важная проблема – насколько достоверна датировка различных комплексов (погребений, строений и пр.) на основе римских монет. Подобная тема родилась из сложившейся к этому времени традиции воспринимать подобные даты некритически. Она же на ряде примеров показала, что датировка комплексов на основе только монет, найденных в нем, может привести к неверным выводам [61. С. 41-42].

Следует отметить работу Д.Б. Шелова и А.И. Анисимова «Находки монет в Танаисе в 1973-1980 гг.», изданную в 1984 г. [69]. В ней ученые приводят сводку монет, найденных за многие годы исследования древнегреческого города Танаиса и его окружи. Несмотря на то, что основная часть помещенной в статье сводки монетных находок относятся к античным монетам, чеканенным причерноморскими городами, в ней содержатся сведения и о единичных находках здесь римских монет.

Развал Советского Союза больно ударил по нашей науке. На долгое время приостановились многие исследования, в том числе и по нумизматике. Лишь в конце 1990-х – начале 2000-х возобновляется изучение нумизматических материалов римского времени. Происходит это уже в рамках двух основных школ – русской и украинской.

Среди ведущих отечественных исследователей, имеющих отношение к нашей теме, можно назвать К. Преда, Е.С. Столярика и С.Ю. Сапрыкина. В последние годы вышли в свет их монографии, посвященные анализу состава денежного обращения отдельных регионов Восточной Европы: исторической Дакии, Северо-Западного Причерноморья и Юго-Западного Крыма. Также следует отметить научную деятельность видного Российского ученого М.Г. Абрамзона [1; 2; 3; 4]. Он внес богатейший вклад в изучение монет и монетных кладов римского времени, в изучение античного искусства, *ученый предпринял попытку предположить, какими событиями – религиозно-философскими идеями и личными устремлениями императоров – было вызвано появление тех или иных монетных типов, и на какие слои населения они были ориентированы. Делает научную основу по превращению отдельных монетных находок и кладов в ценнейший исторический источник.*

Если же говорить об украинской науке, то здесь особо следует остановиться на работах по нумизматике и монетам римского времени в ареале черняховской культуры, написанные Мызгиным К.В. Его перу принадлежит целая серия публикаций, посвященных самым разным аспектам проблемы римских монет на территории Восточной Европы. Однако основу его изысканий составляет изучение проблемы источников поступления римских монет к черняховскому населению соответствующего региона [35; 36; 37; 38]. Главным результатом его работы стало понимание того, что нельзя трактовать источники поступления римских монет к черняховцам однозначно. Следует понимать, что на разных исторических этапах они были разными, и зависели не только от ситуации в Римской империи, но и от ситуации в самой варварской среде [38. С. 14].

Также некоторое внимание ученых уделяет проблеме трактовки единичных находок римских монет на варварских территориях Восточной Европы [37]. При этом дискуссионным остается вопрос о трактовке кладов. К.В. Мызгин, решая, на наш взгляд, эту проблему слишком однозначно. Он пишет, что «...клады не могут играть серьезной роли», так как «являясь, по сути, спрятанным богатством, монеты, оставленные в кладах, тщательно отбирались их хозяевами» [35. С. 52]. Как видим, исследователь однозначно настаивает на лишении крупных нумизматических памятников всякой исторической ценности. Нам же подобная точка зрения видится несколько опрометчивой и абсолютно лишеной здравого смысла. Ведь любая монета, будь она бронзовая, а, тем более, золотая, могла являться «богатством» и неоспоримым историческим источником. Естественно, с исторической и нумизматической точек зрения тоже.

В заключение нашего исторического очерка поговорим о нашей территории – Подонье. Если говорить о находках здесь римских монет и кладов, то значительное время в этой проблематике не происходило никаких сдвигов. Долго единственным источником, в котором затрагивалось Подонье в контексте рассматриваемой темы была работа В.В. Кропоткина. В частности, в ней было зафиксировано лишь четыре находки отдельных римских монет II в. на территории Верхнего Подонья, а также находка одного клада в количестве 40 монет [26, рис. 27]. Чуть раньше вышла в свет статья К.В. Голенко, в которой была приведена небольшая сводка находом римских денариев на территории Курской и Воронежской областей [12]. В 1984 г. в свет выходит статья Д.Б. Шелова и А.И. Анисимова, посвященная находкам античных монет в Танаисе и его округе. Среди многочисленных монет причерноморских городов и Боспора ими были упомянуты находки трех монет времен чеканки римских императоров Антонина Пия, Траяна и Фаустины Младшей (I – II вв.н.э.), а также монет разных императоров Западной Римской Империи в количестве 6 штук, относящихся к концу IV – началу V вв.н.э. [69. С. 53].

Ситуация меняется в последней четверти XX в., когда в связи с активными археологическими изысканиями участились и находки кладов. Повышению продуктивности сбора данных по находкам монет и кладов способствовала и активная работа краеведов.

В 2002 г. воронежский археолог Ю.Д. Разуваев опубликовал клад римских монет, найденных в с. Казаки Елецкого района Липецкой области. Хотя клад был найден еще в 1984 г., возможность его подробно изучить представилась только в начале 2000-ых гг. [45] Статья стала первым весомым вкладом в дело изучения топографии и датировки монетных кладов римского времени на территории Верхнего и Среднего Подонья. Публикация отличается высоким качеством: в ней приведен не только перечень монет оп императорам, но и их полная сводка, с указанием размеров, веса и пр. Весьма тщательно автор подошел к датировке клада, приведя исчерпывающие аналогии всем имеющимся монетам. Также в статье приведены качественные фотографии [45. С. 170-171]. В целом эта публикация стала первым примером введения в научный оборот подобных находок применительно к территории Подонья. Всего было опубликовано 126 денариев, которые поступили на хранение в Липецкий краеведческий музей.

В 2010 г. уже на территории Воронежской области состоялась еще более крупная находка римских денариев – в с. Верхней Карабут Подгоренского района Воронежской области. В кладе содержалось 133 монеты, однако для изучения, в конечном счете осталось только 82. Клад был опубликован частным коллекционером Н.Н. Скоком в 2011 г. [55]. К сожалению, следует констатировать не слишком высокое качество публикации, фотография, приведенная в ней, низкого качества, очень общо приведено описание состава клада, указаны приблизительные датировки. Тем не менее, значение данной публикации для нашей науки достаточно велико.

И наконец, в 2013 г. на территории Тамбовской области, в окрестностях с. Ракша Моршанского района, была сделана очередная находка клада римских денариев I – II вв. н.э. Находка была сделана искателями, однако до того, как он разошелся по частным коллекциям, удалось его изучить и составить сводку монет, которые в нем содержались. Публикация, где были приведены довольно подробное описание и качественные фотографии были размещены в сети на сайте автора статьи [71].

Таковы, на наш взгляд, основные этапы разработки в отечественной науке вопросов, касающихся изучения римских монет и кладов как исторического источника применительно к разным аспектам исторической науки. Как видно из всего выше сказанного, сделано очень многое, но еще больше предстоит сделать. Развитие отечественной археологической науки, быстрый рост числа раскопок, а главное публикаций по нумизматике значительно обогащают наши возможности по изучению заявленной тематики.

Библиографический список

1. **Абрамзон, М. Г.** Император и армия в римской монетной типологии / М. Г. Абрамзон // ВДИ. – 1996. – № 3. – С. 122–137.
2. **Абрамзон, М. Г.** Тема борьбы с племенами Европейской Сарматии и Скифии в монетной чеканке Римской империи / М. Г. Абрамзон // ВДИ. – 1999. – № 2. – С. 177–186.
3. **Абрамзон, М. Г.** Римские золотые монеты из собрания Государственного Исторического музея (часть I) / М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова // ВДИ. – 2006. – № 1. – С. 80–103.
4. **Абрамзон, М. Г.** Римские золотые монеты из собрания Государственного Исторического музея (часть II) / М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова // ВДИ. – 2006. – № 2. – С. 53–78.
5. **Антонович, В. Б.** Археологическая карта Киевской губернии / В. Б. Антонович. – М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1895. – 167 с.
6. **Антонович, В. Б.** Археологическая карта Волынской губернии с картой, указателем имен географических, указателем предметным и перечислением источников, послуживших при составлении карты / В. Б. Антонович // Труды XI АС. – Т. 1. – М., 1901. – С. 1 – 133.
7. **Багaley, Д. И.** Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии / Д. И. Багaley // Труды XII АС. – Т. I. – М., 1905. – С. 1-92.
8. **Беляшевский, Н. Ф.** Монетные клады Киевской губернии / Н. Ф. Беляшевский. – Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. – 162 с.
9. **Бертъе-Делагард, А. Л.** Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене IVв. до Р.Х. / А. Л. Бертъе-Делагард // НС. – Т. 1. – М., 1911. – С. 1-100.
10. **Брайчевський, М. Ю.** До питання про так звані римські впливи в культурі древніх слов'ян / М. Ю. Браїчевський // Археологія. – 1951. – Вып.V. – С. 81-91.
11. **Брайчевский, М. Ю.** О распространении римских монет у древних восточных славян / М. Ю. Браїчевський // ВДИ. – 1951 – № 1 – С. 119-134.
12. **Голенко, К. В.** Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях / К. В. Голенко. – СА. – 1959. – № 1. – С. 265-267.

13. **Горохов, Т. А.** Монетные клады Курской губернии / Т. А. Горохов // Изв. Курского губернского общества краеведения. 1927. – № 4. – С. 33-44.
14. **Данилевич, В. Е.** Монетные клады Киевской губернии до первой четверти XV в. / В. Е. Данилевич // Труды IX АС. – Т. 1. – М.:, 1895. – С. 260-264.
15. **Данилевич, В. Е.** Карта монетных кладов и находки единичных монет в Харьковской губернии / В. Е. Данилевич // Труды XII АС. – Т. 1 – М., 1905. – С. 374-410.
16. **Данилевич, В. Е.** Монетные клады Екатеринославской губернии / В. Е. Данилевич // Сборник статей Екатеринославского научного общества по изучению края. – Екатеринослав, 1905. – С.302-313.
17. **Зайковский, Б. В.** Из монетной летописи Нижневолжской области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных находок древнего времени до XIII в. включительно / Б. В. Зайковский // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. – Вып. 35. – Ч.1 (Археологический сборник). – Саратов, 1926. – С. 41-49.
18. **Зограф, А. Н.** Античные монеты / А. Н. Зограф // МИА. – Вып. 16. – М., 1951. – 308 с.
19. **Зограф, А. Н.** Монеты Тиры / А. Н. Зограф. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 132 с.
20. **Карышковский, П. О.** О монетах с надписью ЕΜΙΝΑΚΟ / П. О. Карышковский // СА. – 1960. – № 1. – С. 179-195.
21. **Кене, Б. В.** Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России / Б. В. Кене. – СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1852. – 224 с.
22. **Кропоткин, В. В.** Клады римских монет в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // ВДИ. – 1951. – № 4. – С.243-281.
23. **Кропоткин, В. В.** О распространении римских монет у древних восточных славян / В. В. Кропоткин // ВДИ. – 1954. – №1. – С.119-134.
24. **Кропоткин, В. В.** Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР / В.В. Кропоткин // ВДИ. – 1954. – №3. – С.152-180.
25. **Кропоткин, В. В.** Новый клад римских монет из села Турии / В. В. Кропоткин // ВДИ. – 1956. – № 4. – С.153-156.
26. **Кропоткин, В. В.** Клады римских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин. МИА, САИ Г4-4. – М., 1961. – 126 с.
27. **Кропоткин, В. В.** Новые находки римских монет в СССР (Дополнение к "Своду археологических источников", вып. Г4-4) / В. В. Кропоткин // НЭ. – 1966. – VI. – С. 74-102.
28. **Кропоткин, В. В.** Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. / В. В. Кропоткин. – М.: Наука, 1967. – 135 с.
29. **Крушкол, Ю. С.** Патрэйский клад 1950 г. / Ю. С. Крушкол // КСИИМ. – Т. 66. – М.-Л., 1956. – с. 116-117.
30. **Ляскоронский, В. Г.** Находки римских монет в бассейне Среднего Приднепровья / В. Г.Ляскоронский // Труды XI АС. – Т.1. – М., 1901. – С. 458-464.
31. **Ляскоронський, В.** Римські монети, які знайдено на території м. Києва / В. Ляскоронський // Український музей. – Вип. 1. – Киев, 1927. С.29-41.
32. **Магомедов, Б. В.** Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья / Б. В. Магомедов. – Киев: Наукова думка, 1987. - 110 с.
33. **Маевский, К.** Западнославянские земли в древности в Римской империи / К. Маевский // ВДИ. – 1958. – № 1. – С. 150-164.
34. **Меховский, М.** Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. Пер. С. А. Аннинского. – М.-Л.: АН СССР, 1936
35. **Мызгин, К.В.** К вопросу о времени поступления римских монет в среду черняховского населения / К.В. Мызгин // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – Вып. 40. – 2008. – С. 50-63.

36. **Мызгин, К. В.** Хронология и периодизация поступлений римских монет к население Украинской лесостепи и Молдовы во второй четверти I тысячелетия н.э. / К. В. Мызгин // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – Вып. 41. – 2009. – С. 18-28.
37. **Мызгин, К. В.** Находки римских монет провинциальной малоазийской чеканки II – III вв. н.э. на территории черняховской культуры / К. В. Мызгин // Древнее Причерноморье. – Вып. IX. – 2011. – С. 321-328.
38. **Мызгин, К. В.** Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления / К.В. Мызгин // SP. – № 4. –2013. – С. 1-16.
39. **Нудельман, А. А.** Топография кладов и находок единичных монет / А. А. Нудельман // Археологическая карта Молдавской ССР. – Вып. 8. – Кишинев, 1976. – 196 с.
40. **Нудельман, А. А.** Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная / А.А. Нудельман // Нумизматика античного Причерноморья. – Киев, 1982. – С. 125-133.
41. **Нудельман, А. А.** Очерки истории монетного обращения в Днестро-Прутском регионе / А. А. Нудельман. – Кишинев: Штиинца, 1985. - 180 с.
42. О древних римских монетах, найденных в Ахтырском уезде // Вестник Европы. –1804.– Ч. XVIII. – Вып. 22. – С. 127-129
43. **Покровский, Ф. В.** Археологическая карта Гродненской губернии / Ф. В. Покровский // Труды IX АС. – Т. 1. – М., 1895. – С.1-65.
44. **Покровский, Ф. В.** Археологическая карта Ковенской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1899. – 166 с.
45. **Разуваев, Ю. Д.** Клад римских денариев из с. Казаки Липецкой области / Ю. Д. Разуваев // РА. – 2002. – № 2. – С. 165-171.
46. **Рикман, Э. А.** Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках нашей эры / Э. А. Рикман // Нумизматика и Эпиграфика. – Т. IX. – М., 1971. – С. 89-95.
47. **Рикман, Э. А.** Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э. А. Рикман. – М.: Наука, 1975. – 334 с.
48. **Розанова, Н. П.** Монеты царя Фардзоя / Н.П. Розанова // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху // МИА. – Вып. 50. – М.–Л., 1956. – С. 197-208.
49. **Рыбаков, Б. А.** Ранняя культура восточных славян / Б. А. Рыбаков // Исторический журнал. – 1943. – № 11-12. – С.73-80.
50. **Рыбаков, Б. А.** Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 802 с.
51. **Рыбаков, Б. А.** Древние русы / Б. А. Рыбаков // СА. – XVII. – 1953. – С. 23-104.
52. **Самоквасов, Д. Я.** История русского права. Вып. II. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян / Д. Я. Самоквасов. –Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1884. – 145 с.
53. **Самоквасов, Д. Я.** О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов / Д. Я. Самоквасов // Труды VIII АС. – Т. III. – М., 1897. – С. 31-43.
54. **Сецинский, Е.И.** Археологическая карта Подольской губернии / Е. И. Сецинский // Труды XI АС. – Т.I. – М., 1901. – С. 197-354.
55. **Скок, Н. Н.** Находки римских монет и денежное обращение на территории Среднего Подонья в I-III вв. н.э. / Н. Н. Скок // Восточноевропейские древности скифской эпохи: Сборник научных трудов. (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского) – Воронеж, 2011. – С. 236-245.
56. **Страшкевич, К.** Клады, рассмотренные в Мюнц-кабинете Университета св. Владимира с 1836 по 1866 г. / К. Страшкевич // Университетские известия. – 1866. – № 10. – С. 1-38.

57. **Страшкевич, К.** Клады, рассмотренные в Мюнц-кабинете Университета св. Владимира с 1836 по 1866 г. / К. Страшкевич // Университетские известия. – 1866. – № 11. – С. 1-30.
58. **Страшкевич, К.** Клады, рассмотренные в Мюнц-кабинете Университета св. Владимира с 1836 по 1866 г. / К. Страшкевич // Университетские известия. – 1866. – № 12. – С. 1-42.
59. **Тиханова, М. А.** Ласковский клад / М. А. Тиханова // СА. – 1960. – № 1. – С. 196-204.
60. **Тиханова, М. А.** К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры / М. А. Тиханова // КСИА. – 1974. – Вып. 138. – С. 66-73.
61. **Тиханова, М. А.** «К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами» / М. А. Тиханова // КСИА. – 1979. – Вып. 159. – С. 37-43.
62. **Третьяков, П. Н.** Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – Изд.2. – М.: Изд. АН СССР, 1953. — 312 с.
63. **Фасмер, Р. Р.** Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики ГАИМК, ч. I / Р. Р. Фасмер // Сообщения ГАИМК. – Т. I. – М., 1926. – С. 287-308.
64. **Фасмер, Р. Р.** Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики ГАИМК, ч. II. / Р.Р. Фасмер // Сообщения ГАИМК. – Т. II. – Л.: 1929. – С. 281-327.
65. **Федоров, А. Ф.** Монетные клады Рязанской губ. / А. Ф. Федоров // Тр. Спасского отделения общества исследователей Рязанского края. Вып. II. – Спасск, 1928. – 17 с.
66. **Харко, Л. П.** Существовал ли царь Αχλς? / Л. П. Харко // ВДИ. – 1948. – № 2. – С. 135-141.
67. **Харко, Л. П.** Монеты из раскопок Ольвии в 1946 -1947 гг. / Л. П. Харко // Ольвия, Теменос и агора. – М.-Л., 1964. – С. 321-379.
68. **Харко, Л. П.** Мюнц-кабинет Московского университета / Л. П. Харко // Труды ГМИИ им. А. С. Пушкина. – М.: Искусство, 1960. – С. 340-372.
69. **Шелов, Д. Б.** Находки монет в Танаисе в 1973-1980 гг. / Д. Б. Шелов, А. И. Анисимов // Нумизматика и эпиграфика. – 1984 – Вып. 14. – С. 50-60.
70. **Шугаевский, В. А.** Краткий обзор монетных находок Черниговской губернии / В. А. Шугаевский. – Чернигов: тип. Губ. земства, 1915. – 8 с.
71. <http://dobroslav13.livejournal.com/321422.html> – Клад монет Римской империи на Тамбовщине.

Список принятых сокращений:

АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВДИ – Вестник Древней истории
ГМИИ им. А.С. Пушкина – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ДА – Донская археология
РА – Российская археология
КСИА – Краткие сообщения института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК – Краткие общения института истории материальной культуры.
МИА – Материалы и исследования по археологии.
НС – Нумизматический сборник
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
SP –Stratum plus.

УДК 970

*Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
Т. В. Жиброва
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 252-47-38;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru*

*Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Humanities Chair
T. V. Zhibrova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 252-47-38;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru*

Т. В. Жиброва

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА В ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

В статье рассматривается деятельность Аптекарского приказа во второй половине XVII – начале XVIII вв. на примере его взаимодействий с местной администрацией русской провинции в лице воеводы. Автор анализирует проблему заготовления лекарственных средств для первых аптек, меры, предпринимаемые приказными дяками по борьбе с эпидемиями. На основе архивных материалов предпринимается попытка показать повседневную жизнь первых отечественных лекарей.

Ключевые слова: Аптекарский приказ, лекарственные средства, лекарь, таможенная изба, Воронежский уезд.

T. V. Zhibrova

ABOUT THE ACTIVITIES OF THE PHARMACY PRIKAZ IN THE PROVINCE IN THE SECOND PART OF THE XVII – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

The article deals with the activities of the Pharmacy prikaz in the second part of the XVII – the beginning of the XVIII centuries on the example of its interactions with the local administration of the Russian province in the face of the governor of the province. The author analyzes the problem of preparing medicines for the first pharmacies, the measures taken by the authorities to fight against epidemics. An attempt to show the everyday life of the first Russian healers on the basis of archival materials is made.

Key words: the Pharmacy prikaz, medicines, healer, customs house, Voronezh county.

Проблема становления государственной медицинской службы, связанная с созданием Аптекарского приказа в 1620 г. царем Алексеем Михайловичем, до сих пор остается актуальной для исторической науки и находит свое отражение в работах исследователей [1]. Отсутствие отечественных врачей, преобладание среди них иностранных специалистов, закупка лекарственных средств за границей, необходимость создания сети государственных аптек, - именно эти проблемы стояли перед русским правительством в период формирования абсолютизма. Изначально в сфере деятельности Аптекарского приказа преимущественно находились вопросы о здоровье членов царской семьи, позже сюда же добавились заботы о приближенных царя, его боярах и войске, борьба с многочисленными эпидемиями, которые в документах того времени именовались «моровыми поветриями» [2. С.5].

Из документов Аптекарского приказа XVII в. наибольший интерес вызывают так называемые докторские «сказки», то есть прообразы современных историй болезней пациентов, составляемые врачами прошлых столетий, которые отражали уровень медицинских знаний в России в XVII веке. В «сказках» есть сведения об осмотрах больных и раненых, способах их лечения, описывался характер ранений, методы лечения ран, давался перечень применявшихся для лечения трав, минеральных средств. По данным «сказок»

можно судить об известных в XVII веке болезнях: ангина, рожа, опухоли, «падучая», «сухотка» (туберкулез), водянка, «каменная», «лихорадочная», «чечуйная» (геморрой). Как видим из «сказок», врачи нередко затруднялись в постановке правильного диагноза, поэтому указывали лишь симптомы болезней («распух», «ноги опухли», «лом в ногах», и др.) [3].

В материалах XVII - начала XVIII вв. нашли отражение упоминания также о таких болезнях, как язвы, цинга, лекарства от которых, как таковых, населению не предлагалось. Вплоть до конца XVII столетия ведущее положение среди лекарственных средств, применяемых и царской семьей и ее подданными, занимали так называемые «народные снадобья». Собственно, в основу применяемой врачами разного уровня терапии было положено использование лекарственных средств растительного, животного и минерального происхождения. В тот период в стране была лишь одна аптека, открытая Иваном Грозным в 1581 году. Основным предназначением этой аптеки было снабжение царской семьи лекарствами, поэтому население покупало лекарства в зеленых и москательных лавках, где велась свободная торговля «зелем». Их владельцы, так называемые «лавочные сидельцы», или «зелейники», торговали лекарственными травами, готовили из них сложные композиции, изучали целебное действие различных лекарственных растений.

Наиболее доступными и потому распространенными лекарственными средствами того времени были свиное сало, собачье сало, змеиное мясо, сало угря, дикой кошки, волчье, барсучье, лисье, зайца, медведя, лошади. Однако использовались также и экзотические средства: щучьи зубы, зерна раковые, вепревы и волчьи зубы, козлиная кровь, рог оленя. Среди лекарственных средств минерального происхождения можно назвать драгоценные камни [4].

Чудесным лекарством от всех болезней долгое время считалась «инрогова кость» - якобы рог единорога - мифического животного. На самом же деле, скорее всего, «инрогова кость» представляла собой клык нарвала, животного из семейства китообразных. Этому средству приписывали различные чудодейственные свойства, называя его даже универсальным противоядием.

Интересно, что в 1655 году для государственного обихода производилась закупка этого удивительного лекарства по баснословной даже для того времени цене, до десяти тысяч рублей. Летом 1655 г. царский окольный Иван Милославский собирался купить у иноземца П. Марселиса трости, изготовленные из костей единорога. Так, читаем: *«июня в 14 день писал еси к нам, что дохтур Артман Граман тебе сказал: за два рога инроговых болиих доведется дать триста рублей. И ты по дохтурове сказке иноземцу Петру Марселису за два рога болиих давал пять тысяч рублей, а за меньшей рог триста рублей собольми, и Петр Марселис сказал, что за те роги дать, за болиой за лутчей рог пять тысяч рублей а за средней четыре тысячи рублей а за меньшей тысячу рублей а менши тое цены ему Петру за те роги взять не мочно, и чтоб нам его Петра пожаловать, велень за те роги по цене дать собольми и куницами и лисицами. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б торговал ... чтоб купить ... менши десяти тысяч рублей мягкой рухлядью»* [5. С. 241-242]. Скорее всего, покупка действительно состоялась, оплаченная, по всей видимости, не рублями, а ценными шкурами и шубами.

На основании изученных документов можно говорить о том, что для XVII столетия вполне естественным было злоупотребление ядовитыми и сильнодействующими веществами, что потребовало введения государственной регламентации продажи лекарственных средств. К тому же растущая российская армия постоянно требовала регулярного снабжения войск медикаментами. В связи с этим в 1672 г. была открыта вторая в стране «...аптека для продажи всяких лекарств всяких чинов людям».

Новая аптека располагалась на Новом гостином дворе на Ильинке, близ Посольского приказа. Царским указом от 28 февраля 1673 г. за обеими аптеками закреплялось право монопольной торговли лекарствами.

Производством лекарств занимался все тот же Аптекарский указ. В обозначенный период уже было известно, в какой местности преимущественно произрастает то или иное лекарственное растение. Например, зверобой - в Сибири, солодовый (лакричный) корень - в Воронеже, черемица - в Коломне, чечуйная (противогеморройная) трава - в Казани, можжевельниковые ягоды - в Костроме. Можно говорить о новой возникшей «лекарственной» повинности для российских провинций. Для осуществления сбора необходимых трав Аптекарский приказ контактировал с другими приказами, Сибирским, Разрядным и др.

Распоряжение начать сбор лекарственных средств поступало из Москвы местным властям в лице воеводы и строго контролировалось. Так, осенью 1675 г. царская грамота была отправлена Верхотуровскому воеводе Ф.Г. Хрущову *«об отыскании в Сибири лекарственных трав и приготовлении из них лекарств»*. Подобные грамоты были разосланы и в другие сибирские города: Тобольск, Томск, Якутск и др. Согласно грамотам, велено было *«сыскивать для лекарственных составов и водок трав и иных вещей знающим людям, и набрав лекарственных трав строить из них лекарства и водки и присылать к Москве в Сибирской приказ»* [5. С. 561].

Помимо того, что провинциальные власти должны были, таким образом, организовывать выполнение новой «лекарственной повинности», осуществляя сбор необходимых трав, они также решали новую задачу по поиску «сведущих», знающих людей, которые сами могли изготовить необходимые для отправки в Москву лекарства. Скорее всего, речь шла о народных знахарях. Однако всегда ли они были готовы сотрудничать с представителями власти?

К тому же, возникала проблема наличия необходимого числа грамотных людей. Как известно, в русской провинции грамотных было немного. Критерий грамотности даже не являлся обязательным при занятии даже весьма значимых должностей: воеводы, таможенного и кабацкого головы, земского старосты и др. Тем не менее, местные власти, осуществив сбор трав, обязаны были в срочном порядке отправить груз в столицу, заблаговременно *«подписав, что к какому лекарству годно и запечатав прислать»*.

За невыполнение царских распоряжений полагалось суровое наказание, вплоть до тюремного заключения. Так, зимой 1664 г. в Аптекарский приказ из Воронежа была послана отписка Фомы Кривцева о сборе корня солодки. Распоряжение организовать сбор лекарственного сырья поступило, как следует из документа, еще в мае 1663 г. из Аптекарского приказа за приписью дьяка Ивана Десятого, *«велено сказать воронежским посадским людям, чтобы они собрали солодкового корня 10 пудов по весне и в осеннее время, а собрав, отправить в Москву»* [5. С. 337-338]. Организовать сбор корня солодки воронежский воевода поручил земскому старосте Петру Ляпину, который направил для сбора необходимых трав 6 человек из числа посадских людей во главе с Д. Прибытковым. Судя по всему, воронежцы с заданием не справились: *«всего собрали полшеста пуда и с рогожами ... послано в Москву с Д. Прибытковым в Аптекарский приказ»*.

Решение властей оказалось суровым, *«принять коренья и записать в книги; а Фому Кривцова посадить в тюрьму до указа; да на нем же взять за недоборное коренье по пяти рублей за пуд»*.

Помимо организации сбора лекарственных средств в российских уездах, сопряженное с большим числом самых разных накладок и проблем: несвоевременность выполнения указа, нехватка опытных людей, доставка груза в столицу в удовлетворительном состоянии и т.д., Аптекарский приказ начинает создавать государственные аптеки и в самой Москве. Аптекарские огороды появились у Каменного моста, в Немецкой слободе и на других московских окраинах, например, на территории нынешнего Ботанического сада.

Судя по всему, лекарственных средств, все равно, было недостаточно, поэтому дьяки Аптекарского приказа рассылали свои грамоты за рубеж иноземным специалистам, которые направляли в Москву требуемые лекарственные средства, конечно, за значительные денежные средства.

Еще одной задачей, стоявшей перед русским правительством в обозначенный период времени была проблема подготовки своих собственных медицинских специалистов, способных наладить производство отечественных медикаментов, а также заменить собой иностранных врачей, что действительно происходит довольно быстро и набирало обороты в начале XVIII века уже под управлением нового царя.

Иностранные врачи должны были по прибытии в Россию держать специальный экзамен, предоставив свои документы об образовании в Аптекарский приказ. Такая процедура должна была защитить царский двор от шарлатанов, стремившихся разбогатеть в далекой России. Жалование многочисленный штат Аптекарского приказа получал из Москвы, причем более щедро, по-прежнему, оплачивались услуги иностранных специалистов [6. С. 65-67].

Помимо заботы о пациентах и изготовления лекарственных средств штат Аптекарского приказа должен был осматривать получивших увечье должностных лиц (от этого часто зависело их жалование или судьба челобитья) и солдат. Особой заботой врачей была защита населения от опасных инфекционных болезней – «моров», ими в этом случае должны были предприниматься особые превентивные меры.

На сегодняшний день, ни один автор в исследовательской литературе, что понятно, не может поставить точного диагноза заболевшим. Чума, холера или любое другое опасное заболевание вызывало оправданный страх у местного населения и требовало принятия срочных государственных мер. Судя по всему, во второй половине XVII столетия государство наиболее часто сталкивалось с бубонной чумой. Расспросы прохожих о внешнем виде заболевших людей, «с язвами или без» умирали они в большом количестве, свидетельствуют о том, что о страшной болезни было собрано уже достаточно сведений, и что именно она считалась самым страшным бедствием наших предков.

Судя по всему, эпидемии во второй половине XVII века становятся частым явлением, для борьбы с которым государственные чиновники уже выработали определенный порядок действий. Во-первых, это ограничение контактов с зараженной территорией. На дорогах и перевозах устраивались заставы, на которых специальные люди опрашивали и не пропускали дальше в здоровые области ни конного, ни пешего, каким бы ни было его дело, и какого бы сословия он не был. Так, в начале сентября 1654 г. была прислана грамота новгородского митрополита Макария Тихвинского монастыря архимандриту Иосифу с братьею о мерах предосторожности от «морового поветрия».

В грамоте сообщалось, о том, что уже было «*писано в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю Юрию Петровичу Буйносову Ростовскому да к дьяку к Василью Шпилкину, а велено в Великом Новгороде и в Новгородском уезде учинити заказ крепкой под смертную казнь, и дороги, которые от Москвы в Великий Новгород и в Новгородский уезд и в иные Государевы города, велено все засечь, и на тех дорогах велено поставить заставы крепкие*» [5. С. 223].

Во-вторых, местные власти получали строжайшее предостережение против сокрытия сведений о заболевших людях. А если «*у себя учнут держать тайно, тем людям за то бытии в смертной казни, безо всякие пощады*» [5. С. 223].

В-третьих, проводился сбор сведений о ситуации в других городах и уездах. «*И в Новгороде и в Новгородском уезде нет ли на люди какого упадка? И будет есть, и сколь давно, и в которых местех сколько человек померло? И долго ль те люди были больны и какую болезнью, и с язвами ль померли или без язв? И о том о всем розыскать подлинно велено отписать и роспись прислать ко Государю Царевичу в стан в Троицкий Сергиев монастырь*» [5. С. 224].

В-четвертых, к середине XVII столетия уже выработался порядок действий в том случае, если распространения эпидемии избежать не удалось. Умерших хоронили жители тех же городов и деревень, то есть их соседи, которые сами могли стать источником заразы. В отношении их же соблюдался карантин. Все контакты людей с зараженных территорий со

здоровыми людьми пресекались, у их дворов ставились специальные сторожа. Речь, таким образом, шла как бы о «домашнем карантине», даже к колодцу за водой выйти родственникам и соседям умерших людей не дозволялось.

Так, читаем, *«велено мертвых людей погребать тех же дворов достальным жилиецким людем, безо всякого мотчанья, чтоб от того моровое поветрие не множилось, а дворы их велено обламывать и у тех дворов велено поставить сторожи крепкие и тем сторожам велено приказывать накрепко, чтоб они из тех дворов достальных жилиецких людей никого не выпускали отнюдь, некоторыми делы, а в которых дворех колодезей нет, и к тем дворам велено сторожам приносить воду, а из тех дворов никого выпускать не велено»* [5. С. 226].

Интерес для исследователя проставляет вопрос о продолжительности карантина, который, как мы видели выше, мог затруднить нормальную работу государственных служб, не говоря уже о быте обычных местных жителей. В имеющихся в нашем распоряжении документах эти сроки оговариваются особо.

Так, 22 февраля 1657 года из Москвы была послана царская грамота Верхотурскому воеводе Хитрово «о мерах предосторожности против морового поветрия и во время оногo». Воеводе, как водится, предписывалось устанавливать заставы, опрашивать прохожих, записывать их «речи за руками», отправлять назад всех идущих из опасных областей. Заслушание воеводе грозила смертная казнь [5. С. 248-249].

В этом же документе находим, что если *«милостью Божию»* опасности больше нет, *«и больных с язвами нет и минуло будет тому моровому поветрию по се число два месяца»* прохожих уже дозволяется *«пускать по здоровым местам»* [5. С. 248-249].

Таким образом, срок от двух месяцев во второй половине XVII столетия считался достаточным для снятия предупреждающих карантинных мер. Тем не менее, государство заботилось о быстрой ликвидации последствий «морового поветрия». Так, читаем *«а в которых дворех на Верхотурье и в Верхотурском уезде люди мерли а в тех дворех после умерших осталось платье всякое в коробьях и вы б то платье велели вымыть и розвесить на морозе и выморозить, а которое платьишко было у тех умерших носящее и на чем они лежали и вы б то платье и постели велели сжечь»* [5. С. 248-249].

Выживших людей надо было перевести в другие здоровые дворы на две недели, чтобы *«в тех дворех от морозов гораздо прозябло»*. Затем избы надо было вытопить можжевельными дровами и положить полынь, *«велеть топить дни по три, чтобы в тех избах духу можжевельного и полынного понадержалось гораздо»* [5. С. 248-249].

Морозы, можжевельник, полынь, - вот и все, что могло предложить государство своему населению, страдающему от частых «моровых поветрий». После стихания страшной угрозы всем ее пережившим было «велено жить по-прежнему» [5. С. 248-249].

В виду того, что Аптекарский приказ не мог оказать действенной помощи заболевшим, снабдить их лекарством и др.; вся борьба сводилась к действиям предупреждающего характера: введение строгого карантина, несоблюдение которого каралось на государственном уровне, организация заставных сторож на дорогах и пресечение любых контактов с зараженным населением.

Среди многочисленного штата Аптекарского приказа можно выделить фигуру лекаря. Лекарь XVII-начала XVIII веков - это специалист, закончивший университетский медицинский курс, врач, занимающийся, в основном, лечением ран и кровопусканием.

На протяжении всего столетия Аптекарский приказ должен был готовить и направлять в полки необходимое количество лекарей и обеспечивать их набором необходимых лекарственных средств. Иностранцев для этих целей зачастую не хватало, поэтому главной задачей московского правительства того времени становиться подготовка собственных кадров. Первоначально русских талантливых юношей прикрепляли к иностранным врачам в качестве учеников, затем открыли специализированную лекарскую школу, которая с 1654 г. подготовила и выпустила более 100 лекарей, отправленных на

службу в стрелецкие полки. Позднее при Петре I Аптекарский приказ был преобразован в Аптекарскую канцелярию, затем в Медицинскую канцелярию и Медицинскую коллегию. Его штат при этом вряд ли претерпел серьезные изменения.

По имеющимся в нашем распоряжении документам пока тяжело проследить, как именно организовывалась служба отечественных врачей в России, каков был механизм получения жалования и его размер, кому непосредственно они подчинялись. Все это может стать объектом отдельного самостоятельного исследования.

В архивных материалах русских уездов можно найти документы, связанные с повседневной службой военных лекарей начала XVIII века. Среди лекарей того времени по-прежнему много иностранцев. Архивные документы сохранили нам их имена. Так, в 1700 г. лекарем на юге России служил иноземец Хрестьянов. В декабре 1700 г. он осматривал раны толмача Николая Ахрамеева, полученные им в драке с иностранцем Симоном Петровым, который *«напал ... напрасно... и просек ... голову шпагою в двух местах да того ж шпагою колнул ... в бок и пробил платья... в двух местах при старонних свидетелях»*. Когда же пострадавший толмач пришел к лекарю для осмотра ранений, то к своему ужасу встретился там с недавним обидчиком, который поспешил тут же затеять новую драку и хотел его *«ножом зарезать напрасно»* [7].

При осмотре лекарь засвидетельствовал полученные раны: *«а на осмотру бою на нем на левом выше глаза в двух местах ... что наколона да на левом боку на кафтане сквозь наколоно»*. Чем закончился конфликт толмача с иностранцем, к сожалению, по имеющимся документам, проследить не удалось.

К августу 1704 г. относится докладное письмо еще одного иностранного лекаря Абрама Энса об отпуске лекарств на лечение содержащегося на карауле иноземца Целограцкого. Причина содержания последнего под стражей, как в прочем и болезнь заключенного, к большому сожалению, в документе не отражены. Интерес представляет то, что на обороте документа Абрам Энс расписался собственноручно латинскими буквами [8].

Среди архивных документов, хранящихся в Государственном архиве Воронежской области, нам удалось найти несколько документов, содержащих сведения о лекаре несомненно русского происхождения – Даниле Лебедеве. Смеем предположить, что лекарь Даниил Лебедев, практикующий на государственной службе в войсках на юге России в начале XVIII века, мог закончить уже упоминавшуюся лекарскую школу при Аптекарском приказе и получить распределение в южнорусские стрелецкие полки.

Пласт документов, содержащих его имя, это, в основном, докладные записки и росписи лекарств, относящиеся к 1704 г.

Так, в августе 1704 г. в докладных расписках Данилы Лебедева об отпуске ему лекарств для лечения больных солдат среди лекарственных средств упоминаются: микстуры из рогов оленей, хна, соль полынная, водка. Здесь же содержится диагноз: *«а болезнь у него лихорадка с огневицею и головная боль»* [8].

Лекарь Данила Лебедев грамотен, на обороте документа мы видим его надпись *«к сему осмотру лекр Данило Либедев руку приложил»*. Документ составлен как *«роспись что надобно лекарств»*. На обороте есть помета о том, что лекарства были выданы: *«лекарь Данило Либедев лекарства все сполна принял и росписался»* [8].

Лекарь Данила Лебедев в сентябре 1704 г. снова просил выделить необходимые для лечения солдат лекарства. Среди указанных диагнозов упоминаются жар, головная боль и лихорадка. Среди его пациентов – полковник Владимир Емельянович Жаворонков и Богдан Тевяшов.

Судя по всему, повседневные будни русского лекаря Данилы Лебедева были насыщены постоянными осмотрами, проведениями операций и перевязок и бумажной работой, состоявшей в составлении бесчисленного количества росписей лекарств и запросов. В августе 1704 г. он осматривал солдат нескольких полков.

Среди перечисления необходимых лекарств содержится описание ранений солдат и сведения о продолжительности лечения. *«У берца правой ноги гниет, из кости выпала пуля. Тое болезни дано ему из казны государевой лекарство и тем лекарством мало число не вылечился и послан был он Андрей на работу из будар хлеб выгружать и на той работе ногу повредил и от того нога росгноилась а то лекарство все ... изошло»* [9].

Данила Лебедев, судя по последнему приведенному документу, выполнял обязанности хирурга, терапевта и санитарного врача. Необходимость расписываться в расходных книгах свидетельствует о строгой отчетности в выдаче лекарственных средств.

К сожалению, нам осталось неизвестно, кто распоряжался лекарственным запасом и заботился о его пополнении. Не известно также, каковы были условия жизни русского лекаря, содержался ли он вместе с офицерами и солдатами, сколько получал жалования и т.д.

Тем не менее, изученные документы приоткрывают завесу над первыми страницами медицинской системы петровской России начала XVIII века, когда на смену иностранным врачам приходят отечественные специалисты [10].

Таким образом, деятельность Аптекарского приказа во второй половине XVII – начале XVIII вв. касалась целого круга проблем, большая часть которых решалась довольно эффективно для своего времени. Наладилась система заготовления лекарственных средств путем создания новой «лекарственной повинности» для местного населения, решалась проблема комплектования штата отечественными медицинскими специалистами, обслуживающими не только царскую семью и московское боярство, но постепенно и все население страны, и в приоритете, государственную армию, установился определенный порядок действий по защите жителей от частых эпидемий. Постепенно государственная медицинская служба в России выходила на новый уровень своего развития, связанный уже с преобразованиями петровской эпохи.

Библиографический список

1. **Аникин, И. Л.** Естественно-научные взгляды русских лекарей XVII века. / И. Л. Аникин // Советское здравоохранение.- 1990. -№ 9.- С.75-77.
2. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI-начало XX в.) / М. В. Поддубный, И. В. Егорышева, Е. В. Шерстнева, Н. Н. Блохина, С. Г. Гончарова; **под ред. Р. У. Хабриева.** - М., 2014. - 248 с.
3. **Аникин, И. Л.** Использование лекарственных растений для лечения ран в российской медицине XVI-XVII вв. / И. Л. Аникин// Вестник хирургии им. Грекова. -1991. -Т. 146. -№ 5/6. -С.138-140.
4. **Грибанов, Э. Д.** Представления о болезнях и их лечении по материалам рукописных источников России / Э. Д. Грибанов, Т. Л. Мазуркевич // Клиническая медицина. - 1984.- Т.62.- № 11. – С.149-153.
5. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 4. - 1645-1676. – Спб., 1842.
6. **Мирский, М. Б.** Английские врачи в России в XVI-XVII веках. (Из истории русско-английских связей) / М. Б. Мирский // Клиническая медицина.- 1995. – № 2.- С.65-67.
7. ГАВО. Ф. И–171. Оп. 1. Д. 14. Л. 16-17.
8. Там же. Ф. И–5. Оп. 2. Д. 426. Л. 1-1 об.
9. Там же. Д. 431. Л. 2.
10. **Жиброва, Т. В.** Из истории медицинской службы на юге России в начале XVII века (русский лекарь Данила Лебедев) / Т. В. Жиброва // Исторические записки. – Воронеж, 2015. – С. 36-41.

УДК 930:314

*Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
Кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры российской истории и
археологии Н. А. Жиров
Россия, г. Елец, тел. 89513068957;
e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru*

*Yelets State University named
after I.A. Bunin
PhD in History, Senior Lecturer of Department
of Russian history and archaeology
N. A. Zhirov
Russia, Voronezh, tel. 89513068957;
e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru*

Н. А. Жиров

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В. (МИКРОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Статья посвящена изучению динамики естественного прироста в крестьянской среде Орловской губернии на микродемографическом уровне. В основе работы лежат статистические сведения метрических книг населенных пунктов Орловской губернии, хранящихся в Государственном архиве Орловской области. В работе показана территориальная неравномерность роста естественного прироста населения, обеспеченного во многом снижением смертности, а не увеличением рождаемости, что являлось свидетельством начальной стадии демографического перехода.

Ключевые слова: историческая демография, крестьянство, рождаемость, смертность, естественный прирост, Орловская губерния.

N. A. Zhirov

FEATURES CHANGES OF ORYOL PROVINCE NATURAL POPULATION GROWTH AT THE BEGINNING OF XX CENTRY (THE MICRODEMOGRAPHY STUDY)

The article is devoted to the study of natural population dynamics in peasant environment of the Oryol province on microdemography level. The statistics on the births settlements in Orel province kept in the State archive of Oryol region is the basis of the article. The paper shows the territorial unevenness of natural population growth largely caused by reduced mortality rather than an increase in the birth rate which is evidence of the initial stage of the demographic transition.

Key words: historical demography, the peasantry, birthrate, the mortality, the natural population growth, Oryol province.

Естественный прирост населения является интегральным показателем демографического развития общества, отражением соотношения рождаемости и смертности населения. Микродемографические материалы позволяют более детально выяснить механизмы изменений соотношения рождаемости и смертности в отдельно взятых приходах и входящих в их состав населенных пунктов. Сравнение приходских результатов с уездными и губернскими данными дает более полноценное представление о тенденциях развития этого показателя в начале XX в.

Для изучения процесса изменения естественного прироста населения были выбраны населенные пункты приходов Кромского, Болховского и Ливенского уездов Орловской губернии.

Приход с. Старые Турьи располагался в юго-западной части Кромского уезда, расположенной на границе с Фатежским уездом Курской губернии. В его состав входили деревни Черемошнее, Крапивка, Свапские Дворы и Ветренка. Основная часть жителей прихода относилась к государственному крестьянству, остальное население являлось потомками бывшего владельческого крестьянства.

С конца XIX в. в уезде фиксировалась значительная миграция населения, связанная с нехваткой земли и отсутствием экономических условий для жизни возраставшего населения. Муравльская волость, в которую входило с. Старые Турьи и его приход, относилась к числу наименее обеспеченных надельной землей в уезде, но жители прихода имели большее количество земли, что несколько тормозило трудовую миграцию населения [1, с. 40].

Динамика роста естественного прироста населения в Пятницком приходе с. Ст. Турьи в начале XX в. показывала стремительное снижение – за период с 1903 по 1918 гг. ее уровень упал с 55 до 15 человек в среднем (или 72%) [2]. Этот результат был достигнут в результате снижения рождаемости, на фоне мало сокращавшейся смертности. Процесс сокращения естественного прироста в приходе не носил поступательного характера, и было отмечено три подъема – (1905, 1907, 1913 гг.) и три спада – (1903, 1910, 1914 гг.).

Первый пик прироста был зарегистрирован в 1905 г. и являлся самым максимальным за весь исследуемый период. Он появился благодаря сочетанию низкой смертности в приходе в этот год и большому количеству новорожденных. То же самое, но с незначительными отличиями повторилось в 1907 г. Последний зарегистрированный относительный всплеск прироста был зафиксирован в 1913 г. Его уровень был обусловлен подымавшейся рождаемостью приходского крестьянства, хотя и она и уровень смертности находились в пределах среднегодовых значений.

Первый минимум прироста, зафиксированный в 1903 г. произошел по причине маленького количества новорожденных в приходе, тогда как число умерших держалось на среднем уровне. Два остальных пика падения естественного прироста были связаны с увеличением летальности местного крестьянства в эти годы.

Естественный прирост в военный период 1915-1917 гг. остался на уровне 1912 г. хотя при этом были отмечены сокращение рождаемости и смертности в приходе. Этот факт указывал на отрицательное влияние Первой мировой войны на жизнь русской деревни, принесшей количественное снижение основных демографических показателей. При этом качественная традиционная связка рождаемости и смертности, результирующая в естественном приросте, существенно не изменилась. Подъем естественного прироста в приходе с. Ст. Турьи в относительно мирном для Орловской губернии 1918 г. говорило о том, что крестьянский социум начала XX в. еще продолжал сохранять традиционное демографическое поведение, хотя и с существенными изменениями [3].

Коэффициент естественного прироста в исследуемом приходе в 1903 г. составлял 17,5‰, а на промежутке с 1913 по 1916 гг. сильно колебался: 1913 – 25,7‰, 1914 – (-1‰), 1915 – 14,5‰, 1916 – 13,1‰. В среднем за обозначенные годы вышла цифра в 14‰, что вполне соответствовало среднеуездному уровню, хотя колебания по отдельным годам совершенно не совпадали. Можно сделать вывод, что коэффициент прироста все-таки был ниже среднероссийского показателя.

В целом, можно сделать вывод, что уровень естественного прироста в приходе с. Ст. Турьи в большей степени зависел от количества появлявшихся на свет детей, чем от числа умерших, хотя последние имели влияние на отдельные проявления колебаний в приросте. При этом очень высокая обратно пропорциональная зависимость числа рождений от природно-климатических условий отдельно взятых лет в приросте несколько «амортизировалась» более «естественной» смертностью.

За период с 1880 по 1897 гг. количество жителей в Ст. Турьях возросло с 480 до 546 человек, что говорило о поступательном росте населения. В начале XX в. (1903 г.) в приходе насчитывалось 1943 жителей [4. С. 500]. В 1913 г. количество прихожан сократилось до 1906 человек. Данное снижение было незначительным в абсолютных цифрах, но, естественный

прирост за эти годы составил более 400 человек. Таким образом, напрашивается вывод, что миграция населения с территории прихода существовала и была достаточно высокой.

По данным справочной книги Орловской епархии за 1903 г., в состав прихода с. Хотетово входили деревни Хожайнова, Красильникова, Конская и Житная или Житные Дворы. Приход можно отнести к пригородному, так как расстояние до г. Болхова составляло около 3-х верст. Подавляющее большинство жителей прихода являлись потомками бывшего владельческого крестьянства, за исключением д. Житной, где проживали болховские мещане. По данным 1880 г. в Хотетово числилось 60 дворов и 453 жителя [5. С. 210], а к 1897 г. население увеличилось в селе до 509 жителей, а общее число прихожан равнялось 1485 человек.

Естественный прирост в Успенском приходе с. Хотетово за период с 1900 по 1918 гг. в среднем за период поднялся с 22 до 27 человек, или на 22,7% [6]. На уездном уровне наблюдалась совершенно иная тенденция – естественный прирост населения снижался. Этот процесс проходил на фоне значительного сокращения смертности по сравнению с численностью новорожденных детей. Динамика увеличения естественного прироста прихожан носила неровный, очень резко колеблющийся характер. Всего за период было зафиксировано три максимальных всплеска – 1902, 1911, 1912 гг. и три минимальных – 1901, 1903, 1917 гг.

Первый подъем в 1902 г. имел в своей основе существенное понижение количества умерших, а рост 1911-1912 гг. был связан с ростом рождаемости, особенно в 1911 г., на фоне снижения приходской смертности.

Движение естественного прироста вниз в приходе с. Хотетово было отмечено в 1901 г. Здесь прослеживалась связь с аналогичным всплеском смертности среди прихожан, тем более количество новорожденных было значительно ниже среднестатистических значений. Причиной второго стало понижение количества появившихся детей в приходе в 1903 г., при среднем количестве умерших. В 1917 г. сложилась аналогичная последнему снижению ситуация, имевшая те же причины.

Изменение коэффициента уровня естественного прироста населения в Хотетово носило более ровный характер с небольшими вариациями. Например, в 1903 г. коэффициент равнялся 6%, в 1913 – 18,5%, а в 1916 – 14,5%. Эти годовые показатели не соответствовали значениям по Болховскому уезду, но в среднем за рассматриваемый период уездный уровень и приходской совпадал с разницей в 0,1% и равнялся 13,7%.

К 1913 г. население прихода значительно выросло – до 1706 человек, то есть на 221 жителя по сравнению с 1903 г. Естественный прирост за период с 1903 до 1913 гг. составил 260 чел. Этот факт говорил о фактическом отсутствии широкой миграции прихожан, что было свойственно всему Болховскому уезду.

Основным выводом может служить тезис о том, что рост естественного прироста был обеспечен стремительным сокращением смертности среди прихожан и протекал даже на фоне падения уровня рождаемости в это время.

Село Григорово располагалось на большой дороге из г. Болхова в г. Мценск на границе с Мценским уездом. По данным 1880 г. в селе было 32 двора с 177 жителями, имелся постоялый двор. В 1897 г. к приходу была причислена соседняя деревня Малорыбино Мценского уезда. По количеству душ приход был небольшой: 1170 прихожан обоего пола, относящихся к государственному и бывшему владельческому крестьянству.

В Николаевском приходе с. Григорово началось уверенное снижение уровня естественного прироста населения, что соответствовало общеуездной тенденции. За период с 1900 по 1917 гг. прирост сократился с 33 до 11 человек или 66,6% [7]. Это обстоятельство могло быть результатом снижения рождаемости в приходе, что происходило на фоне незначительного падения смертности среди крестьянства с. Григорово. Данное явление сложно объяснить, так как численность приходских жителей в начале XX в. росла, что свидетельствовало об отсутствии значительной миграции молодежи. По сведениям 1897 г., население с. Григорово выросло до 565, а за 10 лет, с 1903 по 1913 гг. еще на 180 человек.

Если учесть, что естественный прирост за это десятилетие составил 220 чел., то получается, что процент мигрировавшего населения был очень невысок.

Движение естественного прироста в приходе представляло собой процесс уверенного снижения без значительных колебаний. За исследуемый период был зафиксирован всего один подъем, вышедший за пределы среднегодовых значений (1911-1913 гг.), и одно падение в 1917 г. Взлет прироста в приходе был обеспечен благодаря аналогично ощутимому падению смертности в эти годы, причем, он был сопряжен с увеличением количества новорожденных.

В 1917 г. было зафиксировано единственное значительное снижение прироста, связанное именно с падением рождаемости, что было свойственно для всей губернии.

Коэффициенты естественного прироста населения в приходе с. Григорово имели следующую динамику изменения по годам: 1903 г. – 19,6%, 1913 г. – 25,9%, 1914 г. – 2,8%, 1915 г. – 0%, 1916 г. – 7%. Средний показатель в приходе оказался ниже, чем в уезде, составив – 11%.

Таким образом, в Григорово, как и в приходе с. Старые Турьи, на уровень естественного прироста населения больше влияло сокращение рождаемости, чем снижение смертности жителей. В целом, естественный прирост, как связка этих показателей держался на традиционном уровне, что породило его существенные естественные колебания даже в годы Первой мировой войны.

Село Крутое Ливенского уезда располагалось в 5 в. от г. Ливны. Население прихода, представленного только одним селом, относилось к государственному крестьянству. В 1880 г. в Крутом было 2230 жителей, школа, лавка, два крупных базара [8. С. 206]. К 1897 г. население выросло незначительно, до 2395 жителей, что могло быть свидетельством миграции населения в конце XIX в.

Естественный прирост населения в Казанском приходе с. Крутое Ливенского уезда имел аналогичные уездным данным тенденции в своем развитии: наблюдалось поступательное, с небольшим количеством колебаний движение в сторону уверенного роста этого демографического показателя. В среднем за 1900-1918 гг. естественный прирост населения увеличился почти втрое с 40 до 118 человек [9]. Это произошло благодаря практически двукратному снижению смертности в приходе на фоне увеличения рождаемости.

Данный процесс сопровождался одним пиком максимального поднятия планки прироста в 1918 г. и тремя пиками минимального – 1901, 1905, 1908 гг.

Подъем прироста в 1918 г. произошел благодаря явно компенсаторному всплеску количества новорожденных детей после минимального их количества в 1917 г. Смертность в 1918 г. находилась на низком уровне, выходящем даже за среднестатистические рамки.

Процесс изменения коэффициента естественного прироста населения в Крутом известен всего за три года: 1903 г. – 26,4%, 1914 г. – 30,2%, 1915 г. – 22,7%. Приведенная динамика указывала на высокий уровень прироста населения в приходе, что в целом, конечно, соответствовало тенденциям в Ливенском уезде, но в отдельные годы цифры разнились. В среднем в уезде коэффициент равнялся 16,8%, а в приходе – 26,5%, но, к сожалению, из-за ограниченности данных, приходской уровень можно оценивать только приблизительно и поэтому по его данным делать точные выводы достаточно сложно.

Снижение естественного прироста в 1901 г. почти до отрицательных значений было обусловлено очень низким количеством новорожденных в приходе, при высоком проценте умерших. Аналогично складывалась ситуация в 1908, 1905 гг., с той разницей, что в 1905 г. смертность среди прихожан не вышла за пределы обычных средних значений.

В 1903 г. в селе проживало 2572 человек, а в 1913 г. – 3107. Таким образом, видно, что население прихода увеличивалось бурными темпами, за период более чем на 500 человек. Естественный прирост в приходе, даже без учета данных за три года, составил 440 человек. То есть миграция с территории прихода, возможно, существовала, но она была не столь значительна и не влияла на рост численности жителей в с. Крутом.

В итоге можно заключить, что естественный прирост в Крутом за исследуемый период времени стремительно увеличивался и в отличие от предыдущих периодов снижение смертности населения играло в этом процессе ключевую роль. Как и в предыдущем периоде, естественный прирост, как связка рождаемости и смертности продолжал оставаться на традиционном уровне, хотя в годы Первой мировой войны естественное движение данного показателя было существенно нарушено.

Село Норовка Гатищенской волости относилось к населенным пунктам с преимущественно государственным крестьянством. Оно располагалось в значительном удалении от уездного центра г. Ливны (в 25 верстах). В 1880 г. числилось 257 жителей, а к 1897 г. население в селе выросло до 633 человек, то есть более чем в два раза за 17 лет.

Динамика развития движения естественного прироста в Тихоновском приходе с. Норовка за период с 1900 по 1919 гг. приобрела направление в сторону снижения [10]. За этот хронологический промежуток прирост населения сократился вдвое, с 34 до 16 человек. Данная тенденция проявила себя благодаря сильному сокращению рождаемости на фоне незначительного снижения смертности жителей.

Коэффициент естественного прироста населения в приходе с. Норовка носил колеблющийся характер: 1903 г. – 33,6‰, 1913 г. – 21‰, 1915 г. – 13,2‰, 1916 г. – 10‰. В среднем за эти годы коэффициент в приходе составил 19,4‰, что было немного выше уездного показателя.

Первый и самый значительный максимум прироста в приходе 1904 г. пришелся на сочетание крайне низкой смертности прихожан, выходящей за рамки средних показателей, и достаточно большого количества появившихся на свет. Второй – 1909 г. своим появлением обязан аналогичной ситуации, только в данном случае число новорожденных детей оказалось выше среднего уровня.

Минимум естественного прироста в приходе был отмечен в 1902 г. и достиг отрицательных значений (-30) человек. Это произошло в результате высокой смертности и очень низкой рождаемости. В 1919 г. большое число умерших при средней рождаемости повлияло на отрицательный прирост населения прихода.

По данным 1903 г. в Норовке число прихожан составляло 1366 чел., имелась церковно-приходская школа. К 1913 г. количество прихожан увеличилось до 1524 человек, по сравнению с 1903 г. рост составил 158 прихожан. Естественный прирост населения за аналогичный период составил 318 человек. В данном случае можно утверждать о миграции населения с территории прихода в размере не менее 150 человек.

В общем, в приходе с. Норовка уровень рождаемости, как и везде, больше влиял на общие тенденции в динамике естественного прироста населения, чем смертность.

В начале XX в. в с. Екатериновка числился 2071 прихожанин, имелись земская школа и школа грамоты. В приход входили деревни Грачевка, Гремячка, Ивановка. Подавляющее большинство жителей (более 90%) относились к бывшему владельческому крестьянству.

Процесс изменения в естественном приросте населения в Сергиевском приходе с. Екатериновка в начале XX в. приобрел тенденцию уверенного снижения своего уровня. За период с 1900 по 1917 гг. он сократился в среднем с 54 до 36 человек в год или на 33,3% [11]. Это явление протекало на фоне существенного уменьшения числа новорожденных в приходе и начала снижения смертности.

Коэффициент естественного прироста населения в Екатериновке был очень высоким: 1903 – 28‰, 1913 – 37‰, 1914 – 26,3‰, 1915 – 21,7‰, 1916 – 4,9‰, что в среднем за эти годы составило 23,6‰, и на 7‰ было выше среднеуездного уровня.

Характер снижения естественного прироста в приходе носил вид колеблющегося движения с чередованием фаз роста и падения своего уровня. За период было отмечено три максимальных всплеска прироста – 1904, 1912, 1913 гг. и четыре минимальных – 1902, 1905, 1916, 1917 гг.

Первый максимальный пик прироста 1904 г. произошел благодаря очень низкой смертности, в то время как рождаемость находилась в средних пределах. Вторая фаза роста прироста совпала с максимумом родившихся при средней смертности.

Минимумы 1902 и 1905 гг. были связаны с ростом смертности в приходе, а в 1905 г. – с минимальным количеством новорожденных. Вследствие последней причины в 1916-1917 гг. прирост оказался ниже среднегодовых значений, даже не смотря на то, что в 1917 г. количество умерших было минимально.

В 1913 г. количество прихожан стало 1941, за 10 лет произошло сокращение жителей на 130 человек, а естественный прирост, исходя из сохранившихся за 5 лет сведений, составил 253 человека. В данном случае можно точно утверждать о миграции населения с территории прихода, связанной, скорее всего, с аграрным переселенческим движением в годы столыпинских реформ.

Движение уровня естественного прироста населения в рассмотренных приходах было не однозначно – в 3-х из них исследуемый демографический показатель сокращался вследствие резкого снижения рождаемости на фоне малого снижения смертности. В 3-х других, наоборот, уменьшался показатель смертности при сохранении высокой рождаемости.

В целом, естественный прирост в орловских приходах находился на высоком уровне. Даже в военно-революционные годы войны он не опускался ниже 1%. Годы с отрицательным приростом являлись очень редкими. Основными причинами высокого естественного прироста крестьянского населения исследованных приходов являлись рост рождаемости и снижение уровня смертности жителей.

Библиографический список

1. Отчет Кромской уездной земской управы о положении земского хозяйства за 1902-1903 год. – Кромы, 1903.
2. Метрические книги Пятницкой церкви с. Старые Турьи. Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 101. Оп. 2. Д. 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152.
3. **Жуков, Д. С.** Фрактальное моделирование историко-демографических процессов / Д. С. Жуков, В. В. Канищев, С. К. Лямин. – М.: Ineternum; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – 195 с.
4. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской Епархии. Том I. Болховский – Кромской уезды. – Орел: Типография Губернского Правления, 1905.
5. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып.1: Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880.
6. Метрические книги Успенской церкви с. Хотетово. ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671.
7. Метрические книги Николаевской церкви с. Григорово. ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. 1302, 1303, 1304, 1305, 1306, 1307, 1308, 1309, 1310, 1311, 1312, 1313, 1314, 1315, 1316, 1317, 1318, 1319, 1320, 1321.
8. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып.1: Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880.
9. Метрические книги Казанской церкви с. Крутое. ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2797, 2798, 2799, 2800, 2801, 2802, 2803, 2804, 2805, 2806, 2807, 2808, 2809, 2810, 2811, 2812, 2813, 2814.
10. Метрические книги Тихоновской церкви с. Норовка. ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2971, 2972, 2973, 2974, 2975, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981, 2982, 2983, 2984, 2985, 2986, 2987, 2988, 2989, 2990, 2991.
11. Метрические книги Сергиевской церкви с. Екатериновка. ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631.

УДК 94 (4)

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М. В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 239-29-31;
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of Department of
Regional Studies and Foreign Countries Economics
M. V. Kirchanov
Voronezh, Russia, tel. (473) 239-29-31;
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

**ПРОБЛЕМЫ РЕЖИМА КАРЛИСА УЛМАНИСА В СОВРЕМЕННОЙ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛАТЫШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Автор анализирует особенности историографической ситуации в современной Латвии. Выявлены основные особенности развития исторических исследований транзитных обществах. Проанализированы системные черты и особенности развития латышской историографии. Автор анализирует восприятие современными латышскими историками режима Карлиса Улманиса. Показана взаимозависимость развития политического национализма и исторической науки. Выявлены основные особенности постмодернистского и конструктивистского понимания недемократических режимов в Латвии.

Ключевые слова: Латвия, историография, «большие нарративы», Карлис Улманис, историческая память, национализм, историческое воображение

M. V. Kirchanov

**THE PROBLEMS OF KARLIS ULMANIS REGIME IN MODERN
LATVIAN POSTMODERNIST HISTORIOGRAPHY**

The author analyzes the features of the historiographical situation in contemporary Latvia. The basic features of the development of historical studies in transit societies are studied. The system features and characteristics of the Latvian historiography are analyzed. The author analyzes perception of Kārlis Ulmanis regime in contemporary Latvian historiography. The relationships of political nationalism and historical science are touched upon in the article. The basic features of post-modernist and constructivist approaches to non-democratic regimes in Latvia are studied.

Key words: Latvia, historiography, "grand narratives", Kārlis Ulmanis, historical memory, nationalism, historical imagination

Особое внимание в современных исторических исследованиях в Латвии уделяется проблемам истории межвоенной независимой Первой Республики. Если в советской историографии Первая Республика воспринималась в исключительно негативном контексте в качестве буржуазного государства, а в современной нормативной историографии этот период нередко подвергается идеализации и мифологизации, то сторонники качественно иных исследовательских практик склонны рассматривать этот этап в истории в качественно иной системе координат. Взаимоотношения профессиональных историков, по мнению Р. Камерфорда, «с теми обществами, в которых они трудятся неизбежно оказываются нелегкими» [25] – особенно тогда, когда ими выдвигаются концепции альтернативные доминирующим. Если нормативная историография, которая на современном этапе оперирует «большими нарративами», идеализирует Карлиса Улманиса, то сторонники новейшего исторического ревизионизма предлагают качественно иные интерпретации, в большей степени основанные на деконструкции сложившихся исторических и политических мифов. Одна из первых попыток демонтировать или хотя бы подвергнуть умеренной и ограниченной ревизии романтический и фактический националистический образ Карлиса

Улманиса была предпринята группой латышских историков в 2007 году, которые посвятили шестой выпуск альманаха «Агора» проблемам места и роли К. Улманиса в латышской идентичности, исторической памяти, политическом и националистическом воображении.

Карлис Улманис в современной исторической памяти Латвии относится к числу не только фигур в значительной степени мифологизированных, но и является объектом / предметом разного рода новых междисциплинарных интерпретаций, в значительной степени основанных на попытках ревизии и демонтажа ранее сложившегося романтического нарратива, сторонники которого склонны К. Улманиса мифологизировать. В этом отношении часть работ современных латышских историков, которые занимаются изучением периода правления К. Улманиса, вполне можно определить в качестве ревизионистских. При этом сам концепт «ревизионизм» в этом контексте не имеет отрицательных и негативных сторон, в большей степени содействуя актуализации методологически, теоретически и, как следствия, содержательно иных и других интерпретаций и объяснений Латвии 1920 – 1930-х годов.

Интерпретации феномена Карлиса Улманиса, которые развиваются вне рамок нормативной историографии, характеризуются значительным разнообразием. Абрамс Клецкинс [11], анализируя роль и место К. Улманиса в латышской исторической памяти, пытается рассмотреть, как его образы соотносятся с различными классическими и постклассическими модусами понимания и восприятия времени и, как следствие, прошлого, в том числе – и в историзированной форме. В то время, если классические версии описания / написания истории Карлиса Улманиса, как правило, представлены «большими нарративами», то постклассический модус основан на многообразии и многоуровневом пребывании К. Улманиса в различных версиях латышской истории. В постмодерном историческом воображении, усилиями Мариты Зитмане [24] и Андриса Саулитиса [16], история утрачивает целостность, ее национальное измерение подвергается эрозии и постепенно размывается, что создает условия для актуализации локальных и региональных измерений пребывания Карлиса Улманиса в латышском историческом хронотопе второй половины 1930-х годов.

Современные латышские историки, которые не придерживаются ортодоксальных версий деятельности Карлиса Улманиса, активно используют потенциал междисциплинарных подходов. В частности, имеют место попытки (например, Сандрисом Вилцансом [19]) интерпретировать наследие К. Улманиса на символическом уровне, в контексте визуализации и имагинализации его образа. Примечательно, что подобная визуализация, которая имела место в период Первой Республики, была адресована читателю, который постепенно превращался в массового потребителя. Значительный интерес представляет попытка Андры Бриекмане [1] изучить официальный фотографический дискурс формирования и трансформации образа Карлиса Улманиса во второй половине 1930-х годов. Используя различные исследовательские практики и стратегии, предложенные в рамках семиотики, А. Бриекмане пытается раскодировать и декодировать те политические и символические послания, которые содержались на официальных фотографиях Карлиса Улманиса. Андра Бриекмане полагает, что официальный фотографический дискурс Карлиса Улманиса в значительной степени содействовал мифологизации, формируя образ президента как героя и мудрого человека, гарантирующего успешное будущее для государства и нации, что самым радикальным образом отличалось, например, от тех оценок и интерпретаций, которые доминировали в советской прессе [21, 22].

В этом историографическом контексте подобные штудии современных латышских историков не только содействуют большей фрагментации историографического пространства, но и актуализируют их обращение к междисциплинарным методам, что содействуют размыванию традиционного исторического канона восприятия Карлиса Улманиса, основанного на его мифологизации и политической канонизации. Тенденции к междисциплинарному восприятию Карлиса Улманиса в значительной степени характерны для исследований Даце Зипки [23], которая, рассматривая проблемы формирования и

отражения образов Карлиса Улманиса и коллективных представлений о нем, анализирует различные модусы описания его деятельности на страницах латышской межвоенной периодики. Восприятие К. Улманиса в Латвии осложнено тем, что на протяжении второй половины XX века имели место различные тенденции и версии его понимания, выдержанные в романтической системе координат и интегрированные в рамки, склонного к догматизму, советского подхода. Во Второй Республике образ Карлиса Улманиса оказался чрезвычайно аттрактивным и привлекательным.

Поэтому он подвергся значительной новейшей мифологизации и идеализации, в чем, как полагает Эвита Наглинска [13] и Ольга Проскурова [15], особую роль сыграли средства массовой информации, усилиями которых был сформирован канон описания и рекомендованного восприятия деятельности и жизни Карлиса Улманиса. В такой ситуации латышская историческая память оказалась склонной к фрагментации, а в ее рамках сосуществуют различные версии восприятия К. Улманиса. Значительной фрагментации коллективных представлений о К. Улманисе содействуют средства массовой информации, которые инициировали ряд проект, адресованных массовому потребителю и сфокусированных на попытках интерпретации феномена К. Улманиса в качественно иной, отличной от классической историографии, системе координат. Именно поэтому в условиях постмодерного мира, одновременного сосуществования различных коллективных представлений о прошлом возникли качественно новые образы Карлиса Улманиса, анализируемые, например, Инесе Приэдите [14], которые вряд ли могли бы появиться как в рамках ортодоксальной романтической версии деятельности К. Улманиса, так и в современной нормативной историографии.

Условия для превращения образа Карлиса Улманиса в продукт массовой культуры возникли не в 1990 – 2000-е годы, но основания для этого были заложены во второй половине 1930-х годов, что показано и изучено целым рядом современных латышских историков (Виестурс Зандерс [20], Мартиныш Капранс [10]), полагающих, что попытки форматирования книжного пространства, формирования, предложения и продвижения аттрактивных образов Карлиса Улманиса привели к его превращению в героя понятного для массового потребления широкими слоями граждан, склонными видеть в нем спасителя нации. Подобное восприятие было почти естественным, если принять во внимание изучаемые Витой Зелче [21; 22] и Зоей Горбушиной [2] коммуникативные практики, институционализированные в форме псевдонародных праздников Дня труда, Дня урожая и Праздников песни, при помощи которых режим К. Улманиса взаимодействовал с гражданами.

Латышские историки Денисс Хановс и Валдис Тераудкалнс [9] предлагают в значительной степени ревизионистский нарратив описания и восприятия периода правления Карлиса Улманиса в Латвии, который основан на отказе или, как минимум, на значительном отходе от традиционной нормативной историографии и попыткам применить при изучении истории Латвии второй половины 1930-х годов междисциплинарный подход, актуализирующий методы и исследовательские практики интеллектуальной и культурной истории, истории идей, визуального и инвенционистского поворотов. Примечательно и то, что Денис Хановс и Валдис Тераудкалнс не относятся к числу тех историков, которые первые предприняли попытку демонтажа романтически выверенных нарративов (о подобных тенденциях речь шла выше), которые фактически составляли основу официального дискурса о Карлисе Улманисе. Монография Д. Хановса и В. Тераудкалнса стала первой удачной авторской попыткой, в которой ревизия сложившихся стереотипов представлена комплексно, в синтезированной форме.

В этом контексте современная латышская историография предстает как в значительной степени интегрированная в мировой историографический канон, так как актуализирует исследовательские практики и подходы, связанные с инвенционистским поворотом, основанные на изучении различных форм, версий, уровней и измерений националистического воображения и таких его продуктов как изобретенные традиции.

Интеграция фигуры К. Улманиса в контекст массовой культуры потребления превратила его в такой же предмет потребления как личная жизнь современных звезд. В такой ситуации книжный рынок и частично журналистское сообщество оперативно отреагировали на общественные запросы, предложив не самые канонические версии жизни Карлиса Улманиса, уделив основное внимание не его политической карьере, но личной жизни, поставив, тем самым, на один уровень с кумирами современного общества потребления. Подобные телевизионные проекты содействовали не только определенной актуализации проблем, связанных с наследием К. Улманиса, но и фактически привели к тому, что Карлис Улманис из исторического героя превратился в героя современной массовой культуры, будучи интегрированным в новый информационный дискурс.

Совместная монография Д. Хановса и В. Тераудкалнса, опубликованная в 2012 году, в определенной степени является развитием тех идей, о которых речь шла выше, предлагая оригинальный модус описания и изучения опыта латышского национального авторитаризма, интегрированного в большой европейский контекст на фоне параллелей и сравнений режима К. Улманиса с другими, современными ему, авторитарными и тоталитарными режимами. Латышские историки уделили особое внимание не только проблемам генезиса недемократической власти в Латвии, но и в столь значительном объеме впервые в латышской историографии актуализировали несколько больших вопросов, ранее практически не изучавшихся в отношении периода между 1934 и 1940 годами, а именно: проблемы специфики и направленности культурных и политических технологий; дискурс политического и культурного регионализма в контексте попыток его интеграции и вписывания в национальный и государственный канон; персоналистские формы и проявления недемократического стиля политического управления; практики, стратегии и тактики авторитаризма в сфере социальной коммуникации и взаимодействия с пространством и его последующим преобразованием; урбанистическое воображение и конструирование как элемент большого государственного канона и коллективного политического дискурса идеальной воображаемой Родины; отношения авторитаризма к различным формам и проявлениям религиозности.

В уникальной по содержанию и охвату изученного материала монографии Д. Хановса и В. Тераудкалнса особое внимание уделено визуализации истории, имагинативному уровню второй половины 1930-х годов и их отражению в современной массовой культуре потребления. Книгу Д. Хановса и В. Тераудкалнса можно воспринимать и в контексте давно завершившегося в западных гуманитарных исследованиях лингвистического и перформативного поворотов: авторы анализируют не только уникальный языковой дискурс латышского авторитаризма, но и то, как, каким образом, с использованием каких коммуникативных практик недемократический режим не только формировал, воображал и конструировал свои собственные идеальные и аттрактивные образы в форме глорификации, но и в рамках своеобразны форм общения с подданными, которые определяются авторами как «политические литургии», коммуницировал с гражданами. Денисс Хановс и Валдис Тераудкалнс оказались среди первых латышских историков, которые проанализировали процессы «эстетизации» авторитаризма в форме политически и идеологически выверенной трансформации пространств, как состоявшихся, так и только планировавшихся.

В монографии Д. Хановса и В. Тераудкалнса впервые в латышской историографии рассмотрены и проанализированы временные и пространственные координаты и ориентиры развития и функционирования режима К. Улманиса, то есть показано, как и при помощи каких политических, идеологических и вербальных практик в контексте политических праздников, событий, мероприятий, юбилеев и торжеств менялся, развивался, мутировал, адаптировался к внутренним и внешним вызовам режим Карлиса Улманиса. Денисс Хановс и Валдис Тераудкалнс актуализируют визуальные и символические уровни и изменения [12] латышской истории XX века, что немаловажно на фоне малочисленных работ в этой сфере. Денисс Хановс и Валдис Тераудкалнс, развивая свои более ранние работы [3 – 9], синтезируют методы и достижения интеллектуальной истории с результатами перформативного поворота,

предполагают, что латышский авторитаризм развивался в рамках собственно идеологического измерения (текстуальные или текстуализированные формы и проявления недемократии) и перформативного измерения, основанного в сознательном продвижении тех или иных нарративов, при помощи которых одновременно конструировалась лояльность и идентичность.

В целом, Денис Хановс и Валдис Тераудкалнс предприняли интересную и, вероятно, успешную попытку позитивной и положительной ревизии истории и исторической памяти, направленной не столько на разрушение последней, сколько на формирование ее новых форм, версий и измерений. Усилиями Д. Хановса и В. Тераудкалнса предлагается не идеологически выверенный образ Карлиса Улманиса как отца нации и центральной фигуры в историческом и политическом процессе Первой Республики. Подобный устаревший и идеологически выверенный образ, наоборот, подвергается последовательной деконструкции. На смену романтически выверенным стереотипам о Карлисе Улманисе, которые продолжают оставаться сильными и заметными в традиционной нормативной историографии, приходит несколько одновременно существовавших в идентичности, в лояльности, в общественном восприятии, историческом и политическом воображении образов, измерения и проявления которых раскрываются не в форме традиционного исторического анализа, встроенного в событийную систему координат, но в контексте коллективных представлений, исторической памяти и воображений, раскрываемых через различные (текстуальные и визуальные) виды дискурса.

Библиографический список

1. **Briekmane, A.** Mīts par Kārli Ulmani žurnāla “Atpūta” fotogrāfijās 1939. Gadā / A. Briekmane // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 174. – 193. lpp.
2. **Gorbušina, Z.** “Atdzimšanas dziesmas” svētki – laikrakstu “Jaunākās Ziņas” un “Сегодня” mediju notikums 1934. gada vasarā / Z. Gorbušina // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 351. – 368. lpp.
3. **Hanovs, D.** “Tikai viņa gara elpu visi ir jutuši”. Kārlis Ulmanis un politiskais brīnums plašsaziņas līdzekļos. Vadoņa glorifikācijas sākumposms: 1934. gada maijs – 1935.gads / D. Hanovs // Etmiskums Eiropā: sociālpolitiskie un kultūras procesi / sast. A. Cimdiņa. – Rēzekne, 2008. – 232. – 241. lpp.
4. **Hanovs, D.** Cita zeme: Latgales reģions K. Ulmaņa autoritārā režīma diskursā par tautas vienotību / D. Hanovs // Latgale kā kultūras pierobeža. – Daugavpils, 2008. – 181. – 190. lpp.
5. **Hanovs, D.** Citādais – Svešais – Ienaidnieks. Refleksijas par citādību Eiropas kultūrā. Latvijas piemērs / D. Hanovs // Rēzeknes Augstskolas Raksti. Vēsture un filozofija. – Rēzekne, 2007. – 6. sēj. – 21. – 32. lpp.
6. **Hanovs, D.** Latvijas autoritārā režīma svētku kultūra: Rēzeknes gadījums / D. Hanovs // Latgale kā kultūras pierobeža. – Daugavpils, 2001. – Sēj. 2. – 98. – 115 lpp.
7. **Hanovs, D.** Uzdevums “Atdzimšanas dziesma” – politiskā liturģija autoritārajā režīmā / D. Hanovs // Latvija un latviskais. Nācija un valsts idejās, tēlos un simbols / sast. A. Cimdiņa, D. Hanovs. – Rīga, 2010. – 91. – 122. lpp.
8. **Hanovs, D.** Happy Birthday, Mr. Ulmanis! Reflections on the Construction of an Authoritarian Regime in Latvia / D. Hanovs, V. Tēraudkalns // Politics, Religion & Ideology. – 2014. – Vol. 15. – No 1. – P. 64 – 81.
9. **Hanovs D.** Laiks, telpa, vadonis: autoritārisma kultūra / D. Hanovs, V. Tēraudkalns. – Latvijā 1934. – 1940. – Rīga, 2012.

10. **Kaprāns, M.** Bišu māte ar primitīvu dvēseli: Kārļa Ulmaņa fokalizēšana Edvarta Virzas monogrāfijā “Kārlis Ulmanis” / M. Kaprāns // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 303. – 324. lpp.
11. **Kleckins, Ā.** Tacīts, “Ulmaņa laiki” un attieksme pret vēsturi (Piezīmes par pagātnes un tagadnes attiecībām) / A. Kleckins // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 21. – 29. lpp.
12. Latvija un latviskais: nacija un valsts idejās, tēlos un simbolos / **sast. A. Cimdiņa, D. Hanovs.** – Rīga, 2010.
13. **Naglinska, E.** Mīts par Kārli Ulmani latviešu presē (1989. – 2004.) / E. Naglinska // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 30. – 97. lpp.
14. **Priedīte, I.** Kārļa Ulmaņa romantisko attiecību diskurss / I. Priedīte // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 106. – 126. lpp.
15. **Proskurova, O.** Nepanesamais diktatūras vieglums. *Ulmaņa vārdnīca* Latvijas pēcpadomju dokumentālajā kino. Izpētes ieskicējums / O. Proskurova // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 98. – 105. lpp.
16. **Saulītis, A.** Parādu atlaišana un solījumi nākotnei: Kārļa Ulmaņa pēdējā vizīte Latvijas reģionos / A. Saulītis // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 403. – 429. lpp.
17. **Tēraudkalns, V.** Daugavpils Vienības nams Ulmaņa autoritārās ideoloģijas kontekstā // Latgale kā kultūras pierobeža / V. Tēraudkalns. – Daugavpils, 2011. – Sēj. 2. – 106. – 115. lpp.
18. **Tēraudkalns, V.** Luterānisma latviskošanas mēģinājumi 20.gs. divdesmitajos un trīsdesmitajos gados / V. Tēraudkalns // Latvija un latviskais. Nācija un valsts idejās, tēlos un simbols / sast. A. Cimdiņa, D. Hanovs. – Rīga, 2010. – 217. – 240. lpp.
19. **Vilcāns, S.** Lielais Kārlis “Aizkulišu” karikatūrās (1931. –1934.) / S Vilcāns. // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 127. – 140. lpp.
20. **Zanders, V.** Kārļa Ulmaņa laiks latviešu grāmatniecībā / V. Zanders // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 295. – 302. lpp.
21. **Zelče, V.** “Bēgšana no brīvības”: Kārļa Ulmaņa režīma ideoloģija un rituāli / V. Zelče // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 325. – 350. lpp.
22. **Zelče, V.** Naidis naida ielogā: Latvija Padomju Savienības publiskajā telpā 20. gs. 30. gados / V. Zelče // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 266. – 294. lpp.
23. **Zipka, D.** Kārlis Ulmanis laikrakstos “Brīvā Zeme” un “Jaunākās Ziņas” (1933. gada maijs–1934. gada maijs) / D. Zipka // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 141. – 159. lpp.
24. **Zitmane, M.** Kārļa Ulmaņa 60. dzimšanas diena – lokālās preses mediju notikums / M. Zitmane // Agora. – 2007. – 6. sēj. Reiz dzīvoja... Kārlis Ulmanis / zin. red. Vita Zelče. – 369. – 386. lpp.
25. **Камерфорд, В.** Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии / В. Камерфорд // Россия – Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11 – 12 ноября 2005 года, Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / ред. Е.Ю. Гениева, Дж. Харман. – М., 2005. – С. 171.

УДК 94

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

*Кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии, социологии и истории
А. В. Погорельский*

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: pogorelsky@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

A. V. Pogorelsky

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: pogorelsky@mail.ru

А. В. Погорельский

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С начала XX в. правящие круги Германской империи начали интенсивную подготовку к будущей войне за передел сфер влияния в Европе и мире. С целью подготовки немецкого общества к войне правительство Германии проводило длительную и кропотливую идеологическую обработку всех слоев населения с целью формирования представления о неизбежности и даже необходимости большой европейской войны, в результате которой Германия займет подобающее ей место в мире. Основу идеологии германского национализма в этот период определяли три составляющие – пангерманизм, культ кайзера и культ армии. Автор статьи делает вывод о том, что уже перед Первой мировой войной в общественное сознание немцев были внедрены идеи агрессивного милитаризма и национализма, которые в дальнейшем активно использовались идеологами германского национал-социализма.

Ключевые слова: национализм, милитаризм, пангерманизм, империализм, идеология, общественное сознание.

A. V. Pogorelsky

FEATURES OF IDEOLOGY OF GERMAN NATIONALISM BEFORE THE FIRST WORLD WAR

Since the beginning of the twentieth century the ruling circles of the German Empire began intensive training for a future war for the redistribution of spheres of influence in Europe and the world. In order to prepare German society for war German government pursued a long and painstaking indoctrination of all segments of the population to form ideas about the inevitability and even the necessity of the big European war which resulted Germany takes its rightful place in the world. The basis of the ideology of German nationalism during this period is determined by three components – the Pan-Germanism, Kaiser cult and the cult of the army. The author concludes that even before World War I in the public consciousness of the Germans were introduced the ideas of aggressive militarism and nationalism which later were actively used by the ideologists of German National Socialism.

Key words: nationalism, militarism, Pan-Germanism, imperialism, ideology, social consciousness.

В начале XX в. правящие круги Германской империи начали интенсивную подготовку к будущей войне за передел сфер влияния в Европе и мире. Наряду с военной составляющей этих приготовлений «план Шлиффена», велась длительная и кропотливая идеологическая обработка всех слоев населения с целью формирования представления о неизбежности и даже необходимости большой европейской войны, в результате которой Германия займет подобающее ей место в мире. Основу идеологии германского национализма в этот период определяли три составляющие – *пангерманизм, культ кайзера и культ армии.*

Пангерманизм возник в начале XIX века как культурно-политическое движение, в основе которого лежала идея политического единства германской нации на основе этнической, языковой и культурной идентичности. После создания Германской империи идеология пангерманизма стала перенимать идеи социал-дарвинизма. Так возникла идея превосходства германской нации, причём не только над «дикарями» Африки или Юго-Восточной Азии, но и над другими европейскими народами – славянами, романцами (французами). Как писал Йорг Ланц фон Либенфельс, австрийский публицист и журналист: «Великие правители, сильные воины, вдохновленные Богом священники, красноречивые певцы, мудрецы с ясным умом возникли из Германии, священной древней земли богов, вновь посадивших на цепи содомских обезьян, церковь святого духа и священного Грааля поднимется вновь, и земля станет «островом счастья»[1]. Он в 1904 году опубликовал книгу «Теозология», в которой превозносил «арийскую расу» (германцев) как «народ бога» и предлагал стерилизацию больных и представителей «низших рас». Ланц считал, что необходимо создать мировую систему с «расовым разделением», которая позволит «ариохристианским владыкам» править «темнокожими зверолоудьми».

Официально считалось, что германскому народу принадлежит право на ведущую роль в мире. А война для империи - это способ занять достойное место под солнцем, аналог естественного отбора в человеческой популяции. В итоге в немецкой военно-политической элите *сформировался план «Великой Германии» («Срединной Европы»)*. Этот план был выражен в работах географа Й. Парча (1906) и публициста Ф. Наумана (1915). Под властью Берлина должны были оказаться не только Германия, но и Австрия, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, Швейцария, российская Прибалтика, часть Франции (северо-восток). Под влияние «Великой Германии» подпадали родственная Скандинавия, Балканский полуостров, Малая Азия, Италия, Бельгия и Голландия. Фридрих Науман, по аналогии со Священной Римской империей, считал, что Германская империя должна занимать господствующие позиции в Центральной Европе: «Срединная Европа будет иметь германское ядро, будет добровольно использовать немецкий язык»[2]. По его мнению, малые страны не способны выжить без союза с великими державами, поэтому должны присоединиться к «германскому ядру». У конфедерации должна быть общая оборонная политика и экономическая стратегия, на основе формирования общего рынка Центральной Европы. Кроме того, «Великая Германия» должна была соединяться с «Германской Центральной Африкой», куда должны были войти Германская Восточная Африка, Германская Юго-Западная Африка и бывшие колонии французов, бельгийцев, португальцев, часть британской Африки. В Китае владения Германии и её сфера влияния должна была значительно возрасти. В Южной Америке, в противовес влиянию Соединенных Штатов, должны были появиться мощные немецкие общины.

Российская империя в этих планах представляла врагом Германии, от неё планировали отторгнуть Прибалтику, Польшу, Финляндию. Существовали планы и на «обустройство» малороссийских губерний, Крыма, Кавказа. Генерал П. Рорбах в работах «Немецкая идея в мире» и «Война и германская политика» писал: «Русское колоссальное государство со 170 млн. населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности»[3. С. 35]

В 1912 году генерал Фридрих фон Бернгарди опубликовал работу «Германия и будущая война», в которой он писал: «Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без меча»[4. С. 35]. Генерал считал, что для приобретения положения, которое соответствует мощи германского народа, «война необходима». Она должна стать основой для будущего империи, а цель войны - добиться мирового лидерства и создать великую колониальную империю, которая обеспечит будущее экономическое развитие и благосостояние германской нации. Фридрих фон Бернгарди опровергал тезис фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена о том, что война Германии против Франции и России может быть только скоротечной. Он был сторонником жестких методов ведения войны, армия должна была не останавливаться ни перед чем, чтобы нанести поражение врагу и принудить его к

капитуляции. Война, писал он, это «биологическая необходимость» и выполнение «естественного закона», закона о борьбе за существование. Государства и нации призваны или процветать (прогрессировать), или загнивать (деградировать). Германская империя стоит, в социально-политических, культурных аспектах, во главе человечества, но «зажата в узких, неестественных границах». Поэтому не надо избегать войны, а, наоборот, постоянно к ней готовиться. В войне Германия докажет своё право на существование.

Фридрих фон Бернгарди писал о необходимости раздела «мирового владычества» с Британской империей. С французами он призывал биться не на жизнь, а на смерть, уничтожить Францию как великую державу. Но главное внимание Германия должна была обратить на восток, на борьбу со славянством, «историческим врагом» германской нации. Славяне, по его мнению, становились огромной силой, подчинили себе огромные территории, которые были раньше под контролем германцев, в том числе и балтийские области. После победы над славянами генерал предлагал провести «великое насильственное выселение низших народов».

Другой идеолог пангерманизма, Гибихенфельд, утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство» [5. С. 35]. В империи создавались различные националистические организации, движения, вроде «Пангерманского союза». Он был создан в 1891 году под названием «Всеобщий немецкий союз» и в 1894 году, по инициативе А. Гинденбурга, переименован в «Пангерманский союз». Союз объединял в своих рядах крупных промышленников, землевладельцев, а также консервативную интеллигенцию и к концу Первой мировой войны насчитывал 40 тыс. членов.

Члены «Пангерманского союза» вели активную общественно-политическую деятельность. Однако «Пангерманский союз» не ограничивался лишь общественной стороной своей деятельности. Создавая свои отделения в протекторатах и колониях, он способствовал усилению германской колониальной экспансии.

Таким образом, пангерманизм как идеология способствовал распространению колониальной идеи, превознося немца как носителя высокой культуры. «Пангерманский союз» являлся одним из важных звеньев в цепи колониальной политики Германии [6. С. 75].

В сочетании с призывами к экспансии «Пангерманский союз» открыто проповедовал националистические идеи. Одним из важнейших тезисов пангерманцев была необходимость объединения всех германских народов под крышей одного государства, причем к «братьям по крови» причислялись, например, и буры - потомки голландских переселенцев в Африке [7. С. 75].

Именно сторонники пангерманской идеи сформулировали военные цели германского империализма. Они открыто призывали к войне и не раз провоцировали ее. В 1896 году «Пангерманский союз» заявил, что Германии необходимо иметь мощный военно-морской флот, и с тех пор без устали пропагандировал свои требования увеличения морских и сухопутных вооружений. «Содействовав успешным подготовлением почвы принятию рейхстагом нового морского закона, «Пангерманский союз» заслужил себе одобрение правящих сфер и его значение быстро выросло в стране» [8. С. 218].

«Пангерманский союз» добивался милитаризации империи, пропагандировал агрессивную политику Германии, выступал за отторжение от Российской империи Финляндии, Прибалтики, Царства Польского, белорусских и украинских областей. Руководитель «Пангерманского союза» генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход - война» [9. С. 35].

Филиалом «Пангерманского союза» был «Оборонный союз», во главе которого стояли: генерал Кейм, историк-профессор Мейнеке, профессор А. Вагнер, историк Г. Белов, граф Позадовский и др. Деятельность «Оборонного союза» являвшегося в отличие от Пангерманского союза массовой организацией (1913 г. в нем было 280 тыс. членов), была

направлена на военное обучение своих членов, пропаганду гонки вооружений и увеличения сухопутной армии. Особое внимание «Союз» уделял работе среди учителей и женщин, считая их лучшими проводниками своих идей.

Также «Пангерманский союз» активно сотрудничал с такими организациями как «Колониальное общество», «Флотский союз», «Морская лига», «Имперское объединение против социал-демократии».

Большая работа проводилась среди молодёжи. Прусский министр образования в 1891 году указывал на необходимость воспитания и обучения молодых людей таким образом, чтобы они «облагораживались энтузиазмом за германский народ и величие германского гения». Создавались различные студенческие, юношеские, детские военизированные организации «Вандерфогель», «Юнгдойчланд бунд», в 1910 году указом кайзера Вильгельма II создали «Юношескую армию» («Югендвер»). Эти организации в своих изданиях провозглашали: «Война прекрасна. Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных и военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным» [10. С. 36]. В германских магазинах продавалась фотография кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступленного» [11. С. 36]. Газеты часто повторяли высказывание начальника генштаба генерал-полковника Хельмута Иоганна Людвига фон Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта». Мольтке также писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора. Только успех оправдывает войну» [12. С. 36].

Нетрудно заметить, что славянофобия и русофобия были важнейшими составными элементами пангерманизма. Сам кайзер Вильгельм II заявлял: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их» [13]. В 1912г. он писал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы» [14. С. 37].

Пангерманист В. Хен писал, что «русские – это китайцы Запада», их души пропитал «вековой деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить дважды два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом. Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов». [15. С. 37].

Конечно, далеко не все немецкие интеллектуалы разделяли идеи пангерманистов. В Германии были сильны позиции социал-демократов, которые имели третью по численности фракцию в Рейхстаге. Однако необходимо напомнить, что отцы - основатели немецкого социализма К. Маркс и Ф.Энгельс сами были яркими русофобами и одним из главных препятствий для победы социализма в Европе они считали «реакционную» Россию. Их последователи, лидеры германской социал-демократии А. Бебель и В. Либкнехт также выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от ее разложения примитивной Россией, опередившей всех в терроре и варварстве» [16. С. 37].

Стремление к войне в Германии стало общенациональным. Эти настроения как нельзя лучше соответствовали натуре кайзера Вильгельма II с его жадной славы. Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Его портреты висели не только в общественных местах, но и в каждой немецкой семье. Историк Карл Лампрехт утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника» [17. С. 38]. А выдающийся немецкий физик Адольф Слаби выводил доказательства, что не было случая, когда бы кайзер ошибся.

Кстати, Вильгельм II с выводами А. Слаби согласился: «Да, это правда, моим подданным вообще следовало бы попросту делать то, что я им говорю; но они желают думать самостоятельно, и от этого происходят все затруднения» [18. С. 38]. Перед Первой мировой войной в Германии вышла книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии было написано, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние» [19].

Неизменным оставался и культ армии. Военные обладали в Германии высочайшим статусом и авторитетом. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в развитие вооруженных сил и пропаганду престижа военной службы.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что еще до начала Первой мировой войны в общественное сознание немцев были внедрены идеи агрессивного милитаризма и национализма, которые в дальнейшем активно использовались идеологами германского национал-социализма А. Гитлером, Й. Геббельсом и А. Розенбергом.

Библиографический список

1. **Самсонов, А.** Германия на пути к Первой мировой войне / А. Самсонов - (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>).
2. Там же
3. **Шамбаров, В.** Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010.
4. Там же
5. Там же
6. **Патрушева, М.** Пангерманизм и колониальная стратегия Германии в кон. XIX – нач. XX вв. / М. Патрушева. - Иркутск, 2001.
7. Там же
8. **Флит, Ф.** К истории пангерманского союза / Ф. дер Флит // Красный архив.- М., 1939. – Т.1.
9. **Шамбаров, В.** Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010.
10. Там же
11. Там же
12. Там же
13. **Самсонов, А.** Германия на пути к Первой мировой войне / А. Самсонов - (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>).
14. **Шамбаров, В.** Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010.
15. Там же
16. Там же
17. Там же
18. Там же
19. **Самсонов, А.** Германия на пути к Первой мировой войне / А. Самсонов - (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>).

УДК 930.1

*ФКОУ ВПО Воронежский институт ФСИН
России
Кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник П.Б. Стукалов
Россия, г. Воронеж, тел. 89042136593;
e-mail: papen2007@mail.ru*

*FKOU VPO Voronezh Institute of the Russian
Federal Penitentiary Service
PhD in History, senior scientific researcher
P.B. Stukalov
Russia, Voronezh, tel. 89042136593;
e-mail: papen2007@mail.ru*

П. Б. Стукалов

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье рассматривается вопрос о сущности феномена национализма. Указывается, что данная проблема не имеет однозначного решения на современном этапе развития обществоведческих наук, в связи с чем национализм воспринимается в качестве чрезвычайно противоречивого и многогранного явления. Одним из аспектов исследования данного феномена является восприятие его в качестве политической идеологии. В связи с этим автором выделяются основные идеологемы национализма в качестве самостоятельной идеологии, подчеркивается взаимосвязь национализма с другими типами общественно-политического мировоззрения, а также зависимость содержания националистической идеологии от конкретной общественно-политической конъюнктуры.

Ключевые слова: национализм, идеология, нация, национальный прагматизм, принцип политического действия, Всероссийский национальный союз.

P. B. Stukalov

NATIONALISM AS AN IDEOLOGY: MYTH OR REALITY?

The article discusses the question of the essence of the phenomenon of nationalism. It is pointed out that this problem has no unique solution at the present stage of social sciences development, thereby nationalism is perceived as an extremely contradictory and multi-faceted phenomenon. One aspect of the study of this phenomenon is its perception as a political ideology. Therefore the author highlights the main ideologies of nationalism as an independent ideology, emphasizes its relationship with other types of social and political ideology as well as the dependence of the content of the nationalist ideology of a particular social and political situation.

Key words: nationalism, ideology, nation, national pragmatism, principle of political action, Russian National Union.

Проблемы исследования сущности феномена национализма и его проявлений являются своеобразной ахиллесовой пятой общественных наук. Так, несмотря на то что к настоящему времени изданы десятки диссертаций по различным специальностям, монографий, научных статей, переиздано огромное количество трудов классиков «нациоведения», единой и обоснованной точки зрения по этим вопросам не существует. В этой связи российский политолог и этносоциолог Э. А. Паин совершенно справедливо констатирует, что «это самый спорный и запутанный вопрос в мировом обществоведении».[6. С. 15-16].

Представляется, что ключевым фактором, препятствующим рассмотрению проблематики национализма, является стремление анализировать данное явление с точки зрения субъективных морально-нравственных критериев, не имеющих ничего общего с принципами научной объективности. Другими словами, в рамках подавляющего количества исследований национализм зачастую рассматривается в противоположных смыслах: с одной стороны, в едином синонимичном ряду с понятиями «национальная исключительность» и

«национальное превосходство», с другой – в качестве естественной защиты интересов национальной общности, в основе которой находятся сугубо позитивные морально-нравственные категории, такие как любовь и уважение. Однако и в том и в другом случае, убедительных доказательств не приводится.

На наш взгляд, «гносеологическую тупиковость» восприятия национализма, используя указанный подход, убедительно подтвердил современный политолог М. Ю. Мартынов. В своей работе он отметил, что «стремление избежать подобных затруднений заставляет сторонников указанной позиции заниматься, по сути, манипуляциями со смысловым содержанием понятия «национализм». Наиболее распространенным приемом подобного рода становится различение плохого и хорошего национализма». При этом «внешне привлекательные рассуждения о необходимости уметь балансировать между национализмом и интернационализмом при попытках соотнести их с действительностью оказываются не более чем словесной эквилибристикой». [5. С. 139]

Следствием отмеченного «методологического несовершенства» анализа категории «национализм» является чрезвычайная смысловая вариативность его рассмотрения. Выделим лишь основные концепции понимания сущности национализма:

- в качестве категории, выражающей сущность рыночной экономики;
- в качестве политического принципа, отражающего сущность этничности, основу которого составляет особая теория политической законности, в соответствии с которой этнические границы не должны пересекаться с политическими;
- в качестве особого типа политизированной культуры, основными мировоззренческими компонентами которой являются тезисы о действительном существовании специфичной национальной общности и необходимости сохранения национальной идентификации как ведущего социологического принципа;
- в качестве метода формирования особой социальной группы – нации и национального самосознания как ключевой ее характеристики;
- в качестве естественной реакции развивающихся обществ на экономическое и политическое угнетение со стороны развитых государств;
- как способ коллективной самоидентификации, достигаемый «в ходе максимального группового взаимодействия в многонациональном государстве, основанный на различном по интенсивности переживании групповой толерантности и солидарности, изначальным источником которых могут являться биологическое, территориальное или какое-либо другое единство». [3. С. 46]

Кроме того, в некоторых исследованиях национализм рассматривается в качестве синонима таких явлений, как этатизм, протекционизм, изоляционизм, сепаратизм.

В рамках исторических и политологических исследований национализм рассматривается также в качестве особой, специфичной идеологии. При этом среди исследователей возникают серьезные споры, отражением которых является существование двух противоположных точек зрения.

Представители первой из них не усматривают в национализме черты, свойственные самостоятельной идеологии. Классическим примером такого подхода является позиция последователей марксизма, которые рассматривают национализм исключительно в качестве инструмента политической борьбы, используемого с целью реализации узкоклассовых интересов буржуазии и подрыва единства рабочего движения.

Некоторые современные западные исследователи не рассматривают национализм как самостоятельную идеологию по причине отсутствия в его основе целостной системы связанных между собой идеологем. В этой связи, например, швейцарский социолог, политолог, признанный специалист в области межнациональных отношений У. Альтерматт подчеркивает, что «поскольку национализм не располагает никакой определенной доктриной, то он обладает способностью обращаться ко многим людям, в его неопределенности заключается его сила. [Цит. по:6. С. 15]

Развивая указанную точку зрения авторы отечественного концептуального исследования по национализму утверждают, что он представляет собой «не единое явление, а совокупность взаимосвязанных идеологий и политических практик, так или иначе ссылающихся на приоритет нации перед другими формами организации жизни». [1. С. 20]

Вторая группа исследователей признает национализм самостоятельной идеологией. Главным аргументом является обоснование существования специфического идейного концепта национализма, нацеленного на практическую реализацию четко определенных политических целей посредством использования разнообразных политических технологий. При этом констатируется их чрезвычайное разнообразие, что позволяет выделять множество разновидностей национализма. В этом смысле, по мнению В. С. Малахова и О. В. Ерохина, национализм можно рассматривать в качестве идеологии становления государства особого типа, идеологии национальной интеграции – нациостроительства, идеологии антиколониализма, идеологии этнического сепаратизма. [4. С. 16-17; 2. С. 21-22]

На наш взгляд, вторая точка зрения более справедлива. В вопросе понимания содержания категории «идеология» мы разделяем точку зрения В.С. Малахова, по мнению которого, этот феномен следует рассматривать в качестве системы определенных верований и убеждений, отличной от других идеологий, системы взглядов, обосновывающих определенного типа политическую практику, а значит – определенное мировоззрение. [4. С. 10].

В связи с вышесказанным реальное существование той или иной общественно-политической идеологии может быть доказано, на наш взгляд, во-первых, наличием определенного идейного концепта, представленного в форме системы, в рамках которой ключевое значение имеет не только содержание основных компонентов – идей, но и особенности их сочетания, классификация по приоритетному значению, во-вторых – существованием субъектов политической деятельности, идентифицирующих себя в качестве реализаторов конкретной идеологии, в-третьих, сформированной на основе конкретной идеологии специфичной политической практики, представители которой преследуют четко определенные цели.

Представляется, что наличие этих характеристик, позволяющих идентифицировать национализм в качестве самостоятельной идеологии, убедительно доказывается историческими примерами.

Так, в России национализм в качестве политической идеологии сформировался в начале XX в. Ее основным носителем являлся Всероссийский национальный союз – умеренно-правая кадровая политическая партия, ведущее звено которой – парламентская фракция играла важную роль в процессе реализации концепции столыпинского реформирования. Другими словами, идеология русского национализма являлась компонентом официальной государственной доктрины, реализуемой в межреволюционный период.

Кроме того, исторические данные, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что элементы националистической идейной доктрины содержались в идеологиях ведущих правых и праволиберальных партий, действовавших в Российской империи в начале XX в.

На наш взгляд, следует выделять следующие ведущие идеи концепта националистической идеологии:

1. Представление о нации как об объективно существующей, устойчивой социальной группе, обладающей качественной этнической и политико-культурной спецификой. В тоже время нация воспринимается как ведущий субъект исторического развития, а отношения между ними детерминируются законами социал-дарвинизма, основным из которых является борьба за существование. Наряду с этим в контексте обеспечения бытия нации обосновывается возможность использования как мирных, так и насильственных средств. Другими словами, для националистического общественно-политического мировоззрения

характерно восприятие дихотомии «мы - они», в связи с чем ксенофобия воспринимается в качестве естественного общественно-политического инстинкта самосохранения.

Представляется, что вышеуказанный компонент объективно содержит в себе конфликтогенный потенциал, как свидетельствуют исторические примеры, использование насильственных методов в рамках политической практики национализма, как правило, является ответной реакцией на возникновение объективных угроз бытию национальной общности. Вместе с тем эта ведущая характеристика националистической идеологии может использоваться и как ключевая причина обоснования откровенно реваншистско-шовинистических устремлений, что убедительно демонстрируют примеры существования фашистской и национал-социалистической идеологии.

2. Наличие концептуальных историософских мифов, созданных с целью, с одной стороны, обоснования национального единства, а также ведущего значения нации как субъекта политической системы, а с другой – формулирования перспективной программы государственной политики, направленной на реализацию национальных интересов;

3. Восприятие национального государства как ведущей общественно-политической ценности, а в качестве его главной функции – последовательной реализации и отстаивания национальных интересов. Таким образом, в рамках националистической идеологии категории «нация» и «государство» воспринимаются в качестве тождественных и равнозначных. В этой связи для националистов характерно стремление обеспечить совпадение границ ареала нации и отдельного государства, а идеалом для них выступает моноэтническое государство;

4. Утверждение в контексте осуществления государственной политики в рамках полиэтнического государства приоритетного значения проблематики межнациональных отношений. При этом основным принципом решения национального вопроса является дифференцируемый подход, основанный на закреплении различий правовых статусов отдельных наций в составе государства.

Таким образом, ключевым приоритетом националистической практики является принцип национального прагматизма, реализация которого предполагает использование разнообразных средств и методов, характерных для конкурирующих типов общественно-политического мировоззрения – консерватизма, либерализма и социализма. Именно указанная особенность дает основание некоторым исследователям не воспринимать националистическую идеологию самостоятельно, а обосновывать существование национал-консервативной, национал-либеральной и национал-социалистической идеологии. Как было указано выше, нам такой подход представляется не обоснованным.

Еще одной проблемой современной общественной науки, связанной с определением сущности национализма в качестве идеологии, является вопрос о его генезисе. В рамках настоящей статьи не представляется возможным всесторонне рассмотреть указанную проблему. На наш взгляд, возникновение и развитие национализма обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Среди первых ключевым является процесс трансформации этнической общности в нацию, детерминированный становлением и развитием капиталистических отношений. В этих условиях нация, сформировавшаяся в качестве особой социо-политической общности, объективно нуждалась в идеологии, обосновывавшей ее претензии на статус ключевого фактора легитимности государственной власти. Такой идеологией и стал национализм.

Субъективные факторы возникновения национализма определяются характеристиками конкретной исторической конъюнктуры. В этой связи, как указывает О. В. Ерохин, в современной литературе отмечаются следующие факторы, влияющие на возникновение национализма:

1. Существование национального неравноправия либо прямой национальной дискриминации в рамках полиэтнического государства, или в межнациональных отношениях наций, проживающих в разных странах;

2. Возникновение угрозы потери государственного суверенитета либо культурной идентичности;

3. Потребность в социальной мобилизации и идентификации в качестве необходимого условия осуществления комплексного реформирования государства;

4. Активизация протестного движения колоний;

5. Великодержавные амбиции отдельных государств. [4. С. 144]

Таким образом, оценивая субъективные факторы, влияющие на возникновение националистической идеологии, можно согласиться с мнением В. С. Малахова о том, что в качестве главной предпосылки данного процесса следует рассматривать обострение проблем политического суверенитета и идентичности, которые определяются культурной однородностью граждан государства. [4. С. 215]

В завершение следует еще раз подчеркнуть реальность существования как националистической идеологии, так и политической практики национализма. Вместе с тем представляется невозможным рассматривать национализм в виде четко определенного теоретического конструкта. Другими словами, при анализе конкретных особенностей националистической идеологии ведущим методом должен стать принцип историзма, учитывающий особенности влияния конкретно-исторической конъюнктуры на процессы становления, развития и практического проявления национализма.

Библиографический список

1. **Дробижева, Л. М.** Демократизация и образы национализма в РФ в 90-е гг. / Л. М. Дробижева, А. Р. Акмеев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.
2. **Ерохин, О. В.** Политический национализм. дисс. канд. полит. наук / О. В. Ерохин. – Ростов н /Д, 2007. – 166 с.
3. **Заикина, Н. В.** Государственно-правовые формы институционализации национализма / Н. В. Заикина. - дисс. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 154 с.
4. **Малахов, В. С.** Национализм как политическая идеология / В. С. Малахов. - М., КДУ, 2005. – 320 с.
5. **Мартынов, М. Ю.** Заметки о понятиях «национализм» и «патриотизм» / М. Ю. Мартынов // Социологические исследования. – № 11. – 2009. – С.138-141.
6. **Ким, Т. Ю.** Русский национализм и его особенности в современной России / Т. Ю. Ким. – дисс. канд. полит. наук. М., 2006. – 175 с

УДК 94 (47+57)+94 (470)+330.8+340.1

*Воронежский институт кооперации (филиал)
Белгородского университета кооперации, экономики
и права*

*Доктор исторических наук, профессор кафедры
гуманитарных и социально-юридических дисциплин*

В. А. Тонких

Россия, г. Воронеж, тел.(473)236-26-05

E-mail: socyrlist@yandex.ru

*кандидат исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой гуманитарных и социально-юридических
дисциплин*

О. Е. Фарберова

Россия, г. Воронеж, тел.(473)259-87-16

E-mail: socyrlist@yandex.ru

*Воронежский государственный архитектурно-
строительный университет*

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологи и истории*

В. Н. Шевченко

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

*Voronezh Institute of Cooperation (Branch) of
Belgorod University of Cooperation, Economics and
Law*

*Ph. D in History, Professor of the Humanitarian and
Social Juridical Disciplines Chair*

V. A.Tonkikh

Russia, Voronezh, tel. home (473) 236 26 05

E-mail: socyrlist@yandex.ru

*Ph. D in History, Associate Professor, the Head of
the Humanitarian and Social Juridical Disciplines
Chair*

O. E.Farberova

Russia, Voronezh, tel. home (473) 259-87-16

E-mail: socyrlist@yandex.ru

*Voronezh State University of Architecture and Civil
Engineering*

*PhD in History, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair*

V. N. Shevchenko

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

В. А. Тонких, О. Е. Фарберова, В. Н. Шевченко

**РОССИЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
ФЕНОМЕН**

Статья посвящена анализу историко-философских основ формирования российского предпринимательства, специфических черт российского бизнеса в историческом аспекте.

Ключевые слова: история российского предпринимательства, цивилизация, государство, бизнес, собственность, капитал.

V. A. Tonkikh, O. E. Farberova, V. N. Shevchenko

RUSSIAN BUSINESS: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PHENOMENON

The article devoted to the analysis of historical and philosophical basis of Russian business's foundation, the specific features of Russian business in historical perspective.

Key words: the history of Russian business, civilization, State, business, property, capital.

При всем многообразии исторических и социально-философских исследований по проблемам отечественного предпринимательства историко-философские теоретико - методологические проблемы становления и эволюции феномена предпринимательства в России изучены недостаточно и неравномерно по различным историческим периодам. Исследователи чаще пишут о предпринимательстве как о состоявшемся феномене [1], не уделяя достаточного внимания историко-философским причинам и специфике российского явления в связи со становлением и генезисом российской цивилизации. Именно в такой связи коренится, на наш взгляд, специфика российского бизнеса и социального слоя промышленников и купцов с периода средневековья [2] и вплоть до наших дней [3]. Особого внимания заслуживает период становления и эволюции отечественного

предпринимательства в 1990-е годы, когда происходило возрождение социально-экономических традиций бизнеса в новых цивилизационных условиях [4]. Следует положительно оценить исследования краеведческого характера, рассматривающие процесс эволюции предпринимательства в регионах России [5].

Российское предпринимательство имеет более чем тысячелетнюю историю [6], истоки которой следует искать в социально-философской сущности славянской, а позже – российской (русской) цивилизации [7]. Идеолог неославянофильства Н. Я. Данилевский в своем широко известном труде «Россия и Европа» подчеркивал ненасильственную природу русского народа: «Самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом» [8. С. 480].

С какими обстоятельствами связаны подобного рода нравственные характеристики? Прежде всего, речь идет о географических факторах. Природно-климатические условия породили особый тип хозяйственной деятельности русского народа, основой которого стал коллективный, общий труд, породивший в свою очередь и особый тип социальной организации – крестьянскую общину. Выжить в суровых природных условиях можно было лишь сообща, только в коллективном труде противостоять суровой природе. Отсюда во многом становится понятным отставание по росту производительности труда, когда в России на единицу производимой продукции приходилось затрачивать неизмеримо больше усилий, чем в странах Западной Европы с более мягким климатом. Это обстоятельство отмечал известный британский историк А. Тойнби: «Боковая ветвь православно-христианской цивилизации в России подверглась вызову лесов, дождей и морозов, еще более суровому, чем тот, с которым пришлось бороться западной цивилизации» [9. С. 182].

Ситуация осложнялась и рваным ритмом производства, когда более интенсивная хозяйственная деятельность приходилась на недолгое летнее время, требовавшее усилий по заготовке и сохранению продукции, необходимой для поддержания жизни до нового урожая. Российское сельское хозяйство развивалось в зоне так называемого «рискованного земледелия», когда каждые три-четыре года приходились на природные катаклизмы, нередко приводившие к голоду и прочим природным катастрофам.

Существенным фактором становления и эволюции цивилизации и как следствия предпринимательства, формирующегося в рамках данной цивилизации, является религия. Православная цивилизация наложила отпечаток на содержание и традиции российского предпринимательства. В России сложился тип предпринимательства, неразрывно связанный с православием. Эта особенность хозяйственной деятельности русского народа нашла отражение в историческом памятнике XVI столетия «Домострое». В основе «Домостроя», его нравственных норм лежит христианская мораль, переработанная и переосмысленная применительно к духовным ценностям русского общества. Положения «Домостроя» тождественны евангельским нормам и правилам поведения: «Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам – не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним – дружелюбным, к младшим и убогим – приветливым и милостивым...» [10. С. 318].

Более раннее свидетельство подобного рода находим и в сочинениях ведущего проповедника нестяжательства Нила Сорского (1433-1508). Он сформулировал учение о внутреннем духовном совершенствовании, изучал причины появления грехов, среди которых наиболее губительными считал чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Нил Сорский призывал к отказу от богатства, кормлению от результатов собственного труда, нестяжанию и смирению [11]. Православные традиции российской трудовой модели, в которой доминирующими чертами были честь, совесть, милосердие, сострадание, помощь ближним, формировались, таким образом, в течение нескольких столетий [12].

Особое место в истории формирования российского предпринимательства занимает проблема отношения к богатству. Русская Православная Церковь, как известно, не осуждает богатства, нажитого честным, праведным трудом. В то же время, исходя из нравственных норм Евангелия, осуждается несправедное обогащение, достигнутое в ущерб ближним, воровство, мошенничество и т.п. «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мат.19, 23). И далее: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мат. 16, 26). В этих высказываниях развернута целостная нравственная философия поведения человека и его отношения к богатству.

Следование христианским нравственным традициям показательны для русской классической литературы, приветствовавшей честный труд и, наоборот, критиковавшей несправедное обогащение, что характерно для художественных сочинений Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Островского, М. Горького, В. Шишкова и других писателей. Эти же настроения отмечены в русских народных пословицах и поговорках, собранных В.И. Далем: «Деньгами души не выкупишь», «Через золото слёзы льются», «Деньги, что камень: тяжело на душу ложатся», «Богатому черти деньги куют», «Богатому сладко естся, да плохо спится», «Меньше денег – меньше хлопот» [13. С. 110-114].

В научной литературе значительный интерес представляют исследования по эволюции традиций российского предпринимательства [14]. Старые национально-религиозные традиции предпринимательства в духе православного христианства до рубежа XIX-XX веков в большей степени сохранили русские старообрядцы, из среды которых вышли многие известные промышленники и купцы-меценаты [15]. Дело в том, что в царской России старообрядцам было запрещено поступать на государственную службу. Поэтому всю свою энергию они направляли в торговлю и коммерцию, в благотворительность и на этой ниве добились немалых успехов [16].

Со второй половины XIX века, особенно после отмены крепостного права, российское предпринимательство вышло на новый уровень эволюции. С одной стороны, с огромной энергией пробивали путь хищнические законы капитализма, быстрыми темпами росла экономика [17]. С другой стороны, сказывался фактор высокой степени религиозности населения, в том числе и предпринимателей, который выливался в благотворительность и меценатство. К началу XX столетия благодаря упорному труду народа Россия вышла на показатели самых высоких в мире темпов экономического развития. Одновременно стали решаться и социальные проблемы.

Традиционная привычка к повседневному тяжелому труду русского купечества, крестьянства, ремесленников привела к принятию в XX столетии в Советской России мобилизационной экономической модели, связанной с индустриализацией и коллективизацией, Великой Отечественной войной и восстановлением разрушенного народного хозяйства, гонкой вооружений периода «холодной войны», освоением новых территорий на востоке и севере страны.

К рубежу 1980-1990-х годов ресурсы мобилизационной экономики, как и трудовые ресурсы советского народа, оказались полностью исчерпаны. Мобилизационная экономическая модель перестала работать при отсутствии достаточных социально-экономических стимулов, что вызвало серьёзный социально-экономический кризис. К тому же непродуманные эксперименты в аграрной сфере второй половины 1950 - начала 1960-х годов привели к фактическому подрыву трудовых основ русской деревни.

Социально-экономические реформы второй половины 1965 года, проводившиеся по инициативе А. Н. Косыгина, оказались саботированными партийно-государственной бюрократией, опасавшейся утраты своих властных позиций. К сожалению, предложенные реформы по ряду объективных и субъективных причин не получили достаточной практической реализации, что в дальнейшем привело к снижению темпов роста и застойным явлениям в экономике.

В этих обстоятельствах страна осуществила переход к рыночной экономической модели в начале 1990-х годов. Данная модель в корне не отвечала духовно-нравственным основам русского народа и была навязана сверху либерально-радикальными реформаторами из команды Б. Ельцина, коренным образом рвавшими с позитивным историческим опытом прошлого, нарушавшими преемственность исторической эволюции российского общества, механистически, без научного анализа применяя и искажая диалектический закон отрицания отрицания.

В XX столетии российская цивилизация дважды перенесла чудовищные по силе и масштабам тотальные разрушения – в 1917 году и на рубеже 1980-1990-х годов, когда основания были уничтожены сами общественные устои, исторические нормы и традиции, стереотипы поведения народа. Примем во внимание постоянные войны, которые вела наша страна в послереволюционный период. Только материальные потери СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов составили третью часть национального богатства. К этому следует добавить невосполнимые людские потери, прежде всего трудоспособной части мужского населения.

В этих условиях в начале 1990-х годов пришлось заново выстраивать качественно новую социально-экономическую и политическую систему. Одновременно происходило уничтожение прежних экономических и социальных структур и возрождение новых социально-экономических моделей. Развивался фондовый рынок, открылись возможности для частной инициативы, роста капитала и формирования предпринимательского слоя – непеременимых атрибутов новой общественной системы.

В 1990-х годах в стране протекало два совпавших по времени социально-экономических процесса: с одной стороны, процесс первоначального накопления капитала, пройденный промышленно развитыми странами в XVIII - первой половине XIX столетий, с характерными для него признаками, описанными К. Марксом в первом томе «Капитала». «Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей» [18. С. 771-772].

В России в 1990-е годы первоначальное накопление капитала сопровождалось тягчайшими преступлениями – убийствами, крупным мошенничеством, банальным воровством и присвоением чужой собственности, расхищением национальных природных и человеческих ресурсов, высокой степенью эксплуатации трудящихся. Доля заработной платы в нашем обществе составляет всего 30 %, в то время как в США – выше 70 % [19]. По сути, это капитализм XVIII-XIX веков, когда основная масса работников довольствуется остатками прибыли крупного бизнеса. Построенный в России уклад получил наименование «бандитский капитализм».

С другой стороны, в стране начался процесс перераспределения собственности, когда при попустительстве государственной власти и при прямом ее участии наиболее ценные сектора государственной собственности передавались в частные руки, что породило феномен российского олигархического капитала. Российские миллиардеры не производят никаких товаров, новых технологий, а занимаются лишь добычей, переработкой и перепродажей природных ресурсов, принадлежащих всему обществу. Две трети совокупного дохода в стране создается не производительной деятельностью, не в сфере промышленного капитала, не трудом наёмных работников, а эксплуатацией природных ресурсов – леса, земли, недр. Присваивая природную ренту, олигархи лишают госбюджет огромных денежных вливаний. По подсчетам Института оценки госсобственности РАН только разведанные минерально-сырьевые ресурсы России составляют 380 триллионов долларов, что на 60 триллионов больше, чем в США и Канаде. В пересчете на душу населения на лицевом счете каждого гражданина РФ должно быть по 2,5 млн. долларов в год [20]. По примеру ряда стран (Норвегия, Аляска для коренных жителей) можно было бы открывать лицевые счета для жителей за эксплуатацию природных ресурсов.

Российское общество в 1990-е годы столкнулось с целым рядом негативных социально-экономических последствий перехода к капитализму: резкое обнищание значительной части населения; становление сырьевой модели экономики и превращение России в сырьевой придаток развитых стран; чудовищная социальная дифференциация населения; кризис науки, образования и культуры. В начале XXI века «олигархический капитализм» уступил место «номенклатурному капитализму». Обе модели, тем не менее, носят антисоциальный, антинародный характер.

Российскому обществу при усердном содействии отечественных реформаторов была навязана протестантская модель социально-экономического и нравственного устройства, сущность которой наиболее выпукло выразил один из лидеров методистской церкви Джон Уэсли: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали всё, что можно, то есть стремились к богатству» [21. С. 123]. Критерием божественной избранности в протестантской этике стал достижение земного успеха в рамках избранной деятельности – в бизнесе, науке, образовании и т.п., т.е. приумножение капитала. Величина капитала играет определяющую роль в личной избранности Богом.

России была навязана модель, при которой капитал, прибыль, деньги превратились в абсолютную общественную ценность, затмили собой все прежние духовно-нравственные ценности, присущие исторически российской цивилизации и культуре. Удовлетворение насущных потребностей, личное обогащение в данной модели олигархического капитализма утратило всякий человеческий смысл, вышло за рамки нормальной жизнедеятельности личности. Справедливо пишет видный российский экономист В.Ю. Катасонов о том, что в России сформировалась не экономика в строгом смысле этого термина («экономика» в переводе с греческого означает «домостроительство»), а хрематистика (термин введен Аристотелем), т.е. искусство накопления богатства [22. С. 9]. Достаточно взглянуть на представленные декларации о доходах представителей российской законодательной и исполнительной власти [23], чтобы подтвердить данный тезис. Многие министры, не говоря о руководителях госкорпораций, получают доходы, в разы большие, чем Президент РФ и глава правительства. Для успешной борьбы с коррупцией следует дополнить декларации о доходах декларациями о расходах, а правоохранительным органам сравнить обе позиции [24].

В этой социально-экономической модели не нашлось места таким издавна характерным для российского предпринимательства христианским духовно-нравственным явлениям, как добротолубие, милосердие, сострадание, благотворительность и т.п. Россия в очередной раз на пути своей многовековой исторической эволюции оказалась в состоянии, при котором возможна утрата былой самобытности и превращение в малозначимую, второстепенную страну, прозябающую на задворках исторического прогресса.

Библиографический список

1. **Семененко, С. В.** Российское предпринимательство в XX – начале XXI века: история, право, теория и практика / С. В. Семененко, В. А. Тонких, О. Е. Фарберова. – Воронеж: Научная книга, 2012.– 208 с.
2. **Перхавко, В. Б.** Торговый мир средневековой Руси / В. Б. Перхавко. – М.: Academia, 2006. – 607 с.; Он же. История русского купечества / В. Б. Перхавко. – М.: Вече, 2008. – 510 с.
3. **Хасанова, Н. Г.** История российского предпринимательства в начале XXI века / Н. Г. Хасанова. – М.: Изд-во СГУ, 2008.– 159 с.
4. **Тонких, В. А.** Социально-экономические предпосылки становления российского предпринимательства в 1990-е годы / В. А. Тонких, О. Е. Фарберова // Вестник БУКЭП. – 2012. – №3. – С.122-127.

5. **Кублов, Р. М.** История становления и развития предпринимательства в России в XVIII – начале XX в. (на примере Курского края) / Р.М. Кублов: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Курск, 2005. – 27 с.
6. **Каменецкий, И. Б.** История предпринимательства в России (IX – начало XX в.) / И.Б. Каменецкий. – М.: Экономика, 2007. – 285 с.
7. **Тонких, В. А.** Теоретико-методологические основы исследования истории российского предпринимательства / В. А. Тонких, О. Е. Фарберова // Российская цивилизация на рубеже веков и тысячелетий / под ред. В. А. Тонких и О. Е. Фарберовой.– Воронеж: Научная книга, 2014. – С.8-19.
8. **Данилевский, Н. Я.** Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
9. **Тойнби, А.** Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций: пер. с англ. / А. Тойнби. – М.: АСТ, 2009. – 672 с.
10. Домострой // Древнерусская литература. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1995. – 380 с.
11. См.: Сорский Нил (преподобный). Сочинения / Нил Сорский (преп.). – СПб.: Изд-во О. Абышкова, 2005. – 422 с.
12. **Тонких, В. А.** Православная педагогика: учебное пособие / В. А. Тонких, О. Е. Фарберова. – Воронеж: Научная книга, 2012. – 100 с.
13. **Даль, В.И.** Пословицы русского народа: в 3 т.: т.1 / В.И. Даль. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – С.110-114.
14. **Гавлин, М. Л.** Российские предприниматели и меценаты / М. Л. Гавлин. – М.: Дрофа, 2005. – 430 с.
15. **Тонких, В. А.** Русское старообрядчество в благотворительной и меценатской деятельности / В. А. Тонких, Е. А. Поган // Реформы и власть: особенности становления и функционирования гражданского общества.– Воронеж: Научная книга, 2010. – С.119-125.
16. **Соколов, А. Р.** Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII - конец XX в.) / А. Р. Соколов. – СПб.: Лики России, 2006. – 648 с.
17. **Чумаков, В. Ю.** Русский капитал. От Демидовых до Нобелей / В. Ю. Чумаков. – М.: ЭНАС, 2009. – 336 с.
18. **Маркс, К.** Капитал: Критика политической экономии: Т.1 / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд.: т.23. – М.: Изд-во политической литературы, 1960. – 907 с.
19. **Гринберг, Р.** Страна заслужила миллионеров. Но она не вынесет миллиардеров / Р. Гринберг // Комсомольская правда. – 2011. – 20 мая.
20. **Сироткин, В.** Аншлаг на пепелище / В. Сироткин // Литературная газета. – 2002. – №43.
21. Цит. по: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. – 2-е изд. / М. Вебер. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.
22. **Катасонов, В. Ю.** Религия денег: духовно-религиозные основы капитализма / В. Ю. Катасонов. – М.: Кислород, 2014. – 408 с.
23. См.: Комсомольская правда. – 2015. – 17-18 апреля.
24. **Фарберова, О. Е.** Коррупция в России / О. Е. Фарберова, Е. А. Клименко // Современные подходы к модернизации экономики, образования и кооперации: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско - преподавательского состава и аспирантов. – Белгород, 2012. – С.336-339.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

УДК 130.121

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. М. Бочарова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. M. Bocharova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

И. М. Бочарова

П. ФЛОРЕНСКИЙ – ФАНАТИК С ЛИЦОМ САВОНАРОЛЫ

В настоящее время тема софийности довольно интересна и востребована в научном, философском и религиозном сознании. В статье рассматриваются взгляды П. Флоренского, который стал основоположником нового типа православного богословствования не схоластического, а опытного. Софии принадлежит заметное место в православии. София у П. Флоренского – основа, мощь и сила бытия. Он уверенно вводит софийность в православную догматику.

Ключевые слова: София, софиология, православие, Сердце, любовь.

I. M. Bocharova

P. FLORENSKY - A FANATIC WITH A FACE OF SAVONAROLA

Currently the sophianic theme is quite interesting and demands in the scientific, philosophical and religious consciousness. The article examines the views of P. Florensky who became the founder of a new type of Orthodox theology, which is not scholastic, but experienced. Sofia belongs to a prominent place in Orthodoxy. Sofia by P. Florensky is a base, power and the power of being. He confidently enters sophianic the Orthodox dogmatics.

Key words: Sofia, sophiology, Orthodoxy, Heart, love.

Метафизика П. Флоренского характеризуется достаточно неоднозначно и оригинально в отечественной духовной литературе.

На начальном этапе его философия представлена собой религиозно-философские поиски русской мысли, которые фокусируются на классической тематике. Это критерии – Абсолютного, связь Бога и мира, вечные темы православного сознания. Русские философы, стоящие на христианском миропонимании, почти все рассматривали христианство как подлинную религию любви и свободы [1. С. 211]. Чтобы оценить вклад этого движения достаточно указать на имена В. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкого и Е. Н. Трубецкого, о. С. Булгакова, Н. Бердяева, Мережковского, С. Франка и др. Но о. П. Флоренский занимает исключительное место. В. Розанов настороженно характеризует его так: «Вся натура его ползучая. Он ползет как корни дерева в земле» [2. С. 319]. Н. Бердяев отмечал, что П. Флоренский – это человек, хотя враждебный и чуждый ему, но очень оригинален и больших дарований: «Это один из интересных фигур интеллектуальной России того времени, обращенных к православию» [3. С. 160]. От П. Флоренского его отталкивало «его магизм, первоощущение заколдованности мира, вызывающее не восстание, а пассивное мнение, отсутствие темы о свободе, чувства Христа, его стилизация и упадочность, которое он ввел в русскую религиозную философию» [3. С. 160]. В мировоззрении П. Флоренского при

большой всесторонней одаренности и обширных знаниях чувствовалось «большая слабость, бессильная борьба с сомнением, искусственная и стилизованная защита консервативного православия, преобладание стихии религиозного мнения» [3. С. 161]. «В его личности, – пишет Н. Бердяев, – в самой душевной структуре чувствовалось что-то тепленькое и отсутствие свободного духа» [3. С. 160].

П. Флоренский – явление очень сложное и подвести его под какое-то направление нельзя, хотя он сам себя называл символистом.

П. Флоренский стал основоположником нового типа православного богословствования не схоластического, а опытного [3. С. 161]. Это было новое направление для России. Он строит свое учение на мистическом восприятии и отгораживается от ложной мистики.

Со многими представителями русской религиозной философии были связаны надежды на новое откровение в православии. В целом религиозная философия конца XIX – начала XX вв. не воспринималась официальной церковью в России. Центральное место в этой философии заняла София, починившая себе все остальное богословские идеи [3. С. 161]. Вокруг Софии сконцентрировались онтология, гносеология, этика. Софийных учений было много. С определением В. Соловьева «София – душа Мира» формируется целая софиологическая тема, которая для русской философии, развивающейся в установках, присущих православию, стала решающей [4. С. 32].

В настоящее время тема софийности довольно интересна и востребована в научном, философском и религиозном сознании. Уже встречаются такие понятия как «софийное образование», «софийная педагогика», «софийная история».

Среди софиологических позиций можно выделить те, которые при всех стихийности сформировали устойчивую тенденцию движения к опосредованию. Это выражено в способности построить логическое умозаключение, найти нужное слово, дающее определение Софии. У Соловьева – это «единство духовного и материнского», «Субстанция Святой Троицы». У С. Булгакова – это «единство тварного и нетварного», «духовная чувственность». Был автор, который хотя не занимался непосредственно проблемой Софии, но высказал очень оригинальные мысли. Этот автор – А. Лосев, который писал, что София «не есть свет, а дополнение к нему... Созерцаемая как сгусток бытия относительно самостоятельный от Бога, как выступающая вперед навстречу свету тьма ничтожества, т.е. созерцаемая от Бога по направлению в ничто» [5. С. 435]. Далее сравнение Софии идет «с переливами света от голубого и фиолетового до розового и красного [5. С. 435]. Голубая или розовая она зрится как Мировая Душа, как духовная суть мира, как голубое «покрывало» [5. С. 435]. В третьем направлении София предстает «золотисто-зеленым и прозрачно-изумрудным светом моря» [5. С. 435].

П. Флоровский старался тщательно охранять границы православия от домыслов светского богословия. София у него – основа, мощь и сила бытия. Однако он уверенно вводит в православную догматику софийность.

Но в ортодоксальном христианстве мифологема Софии не приобрела прочного статуса, хотя Софии принадлежит заметное место в православии. Ее почитали в народном сознании, она не отделима от Христа, Богородицы, Церкви. В церковной памяти русского православного народа представление о Софии хранилось как условие религиозной жизни. София есть некая богословская метафора, символ небесной церкви [6. С. 44].

Сначала София признавалась в Византии, в Болгарии, где даже город был назван. Это проявилось и в названии храмов. София в понимании византийских греков по преимуществу предмет созерцания [7. С. 389]. Вслед за Софией Константинопольской были сотворены Софийский собор в Киеве, затем в Новгороде, Ярославле, в которых находились соответствующие храмовые иконы. Икона Софии – одна из древнейших русских икон. В мозаичной Оранте киевской Софии присутствует образ молодого киевского христианства, уже прикоснувшегося к глубинам эллинского мировоззрения, но еще простодушного, и немного мирского по своему складу, еще не выстрадавшего трагической утонченности, здорового, бодрого и цельного [8. С. 47]. В Софии Новгородской видели олицетворение

отвлеченного свойства Божия, атрибута его мудрости, но не Личной, Ипостасной Мудрости Божией, а мудрости абстрактной [7. С. 383]. В Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры образ Софии на иконе характеризуется как Премудрость Божия, в которой проявляет себя Пресвятая Богородица.

П. Флоренский объясняет, что София – это и есть Богородица, храм ипостасной премудрости [7. С. 385]. Через храмы и иконы София приходит в русское религиозное сознание, в душу российского этноса. Икона Софии Премудрости Божией существует во многих вариантах и это уже доказывает, что в Софийской иконописи было подлинное религиозное творчество, созданное народом.

Русский историк П. Н. Милуков так же отмечал, что многообразие значений Софии П. Флоренского подтверждается изображениями Софии в иконописи [9. С. 191]. П. Флоренский считал идею Софии основной в русском религиозном сознании в самых его истоках и в ней же глубочайшая основа его своеобразия. По его мнению все богословские и философские вопросы вытекают из основной идеи Софии и к ней проиводят. Учение о Софии, – делает он вывод, – есть душа Православия, как Христос его разум, а Матерь Божия – Сердце [7. С. 389].

В самом слове «София» содержится определенный смысл: мудрость, творчество, художество. Но П. Флоренский раскрывает этот смысл совершенно по-новому: «Премудрость, вечная женственность, любовь любви, любовь – идея – монада, четвертое лицо Бога – таковы имена Софии» [7. С. 350].

П. Флоренский разделяет точку зрения В. Соловьева, что София – есть Церковь, невеста Божьего Логоса, она есть Пресвятая Дева Мария, «Если София есть Человечества, то душа и совесть Церкви – Церковь Святых, то душа и совесть Церкви Святых – Ходатанца, Заступница за тварь пред Словом Божиим, судящим тварь и рассекающим ее надвое. Матерь Божия – миру Очистилице, – опять таки есть София [7. С. 350].

Идея Софии – универсальна, как известно, она играет роль посредника между Богом и миром.

Сопоставив отношения Логоса и Софии, он дает им следующую характеристику:

София божественная – семя (идея) Софии тварной.

София тварная – есть семя (идея) Логоса вещей и процессов.

Обожествление Слова наиболее полно выразилось в христианстве как религия бессмертного Слова – Логоса.

София божественная – есть общечеловеческий дух, а София тварная – есть духовное творчество личности [7. С. 350].

София единая в боге вне бога рассыпается в дробность идей о твари.

Сама софиология есть учение о живом слове, которое раскрывается в практической жизни в священном Слове, поэтическом Слове и инструментальном.

Русский этнос «пронизан религией Слова [10. С. 83], – писал ныне полузабытый философ В. Эрн.

Когда Слово проникает внутрь и завладевает всей полнотой человеческих переживаний, оно выражает себя не пером и не устами, а божественной глубиной и «мукой искания» [10. С. 89]. Русский народ пронизан «религией Слова». Это дает новое прочтение Софии.

В условиях современного социокультурного кризиса образ Софии стал более привлекательным. Важно в Софии увидеть ее человекосозидательную и образовательную возможность. Проблема Софии приобретает особое звучание, с нашей точки зрения, потому что России принадлежит особая миссия опосредования и синтеза культур. Софиологи уделяли внимание мессианству, защите России и оправданию православия. Идея мессианского призвания русского народа, стало центральным элементом учения о Софии. В целом в софиологических построениях можно выделить следующие моменты, связанные с пониманием и интерпретацией образа Софии:

1. София есть особая личность, не тождественная какому-либо из лиц Св. Троицы. Как четвертое лицо, она не образует Божественное единство, она не образует Божественное единство, она не есть Любовь, но входит в общение Любви.
2. София представляет собой Вечную Женственность (или Вечную Девственность). Дева благодатная, а само Девство – есть источник созерцания Софии.
3. Онтологически София близка к миру идей Платона как совокупность мыслей Бога о мире, и в то же время представляет собой целостный и сознательный организм.
4. София есть источник человеческой культуры во всем многообразии ее проявлений.
5. Будущее человечества – коллективное воплощение Софии. В отношении твари – София есть Ангел-Хранитель.
6. София отождествляется с Церковью, Богородицей, Ангелом как женственная Ипостась Божества, Истинная Церковь Божия, Истинное тело Христово. Богородица – носительница Софии. В ней сочетается сила Софийная и человеческое смирение.
7. София проявляется в мире как красота, гармония, упорядоченность и связанность [11. С. 366]. Она есть идеальный умопостигаемый мир [12. С. 133].
8. София есть разум твари, смысл, истина или правда ее, духовность твари, святость, чистота.

София П. Флоренского теснейшим образом связана с проблемой человека, иначе она не имела ни особого смысла, ни значения. П. Флоренский определяет сущность человека с нескольких позиций.

Во-первых, П. Флоренский характеризует человека как телесное существо, а его сердце как «очаг духовной жизни», поэтому важно «уцеломудрить» свое сердце. В человеческом теле сосредоточено все, что есть лучшего и совершенного в видимом мире: оно есть малый мир, полный величия, стройности и красоты [7. С. 267].

Во-вторых, человек есть тварное чувство. И в отношении твари П. Флоренский предлагает Софию расценивать как Ангела-Хранителя твари [13. С. 16]. Человека в соответствии с новозаветной традицией роднит с Богом воля и разум. Человек есть существо, которое «выполняет культ». Он существует благодаря своей вере, которая является источником бытия и истины (Бога): «если тварь отрывается от корня своего, то ее ждет неминуемая смерть» [7. С. 32], и в первую очередь, смерть духовная, что страшно для христианина. Без веры в Бога жизнь духовная невозможна, а духовная деформация человека есть зло, поэтому исправление личности происходит через «духовную ортопедию» [7. С. 32]. Духовная жизнь – это спасение для любого человека. Человеческую душу благодаря духовности заполняет «чувство любви к окружающему миру, свет Божественной любви освещает границу личности» [7. С. 32]. Характеризуя человека уже не как тварь, а как личность (лик), П. Флоренский сближается с традицией европейского Возрождения. Христианство, по его мнению, породило невидимую ранее влюбленность в тварь и нанесло сердцу «рану влюбленной жалости о своем сердце» [7. С. 32]. Это отношение к твари стало возможным лишь тогда, когда в твари увидели самостоятельное и самоответственное творение Бога, «возлюбленное Богом и способное отвечать на любовь Его» [7. С. 267]. Наши предки возлюбили чистоту отдельной души. И тогда София повернулась к их сознанию аспектом духовного совершенства. София как церковь на протяжении тысячелетия формировала и воспитывала душу российского этноса. И душа эта сверкает как голубой бриллиант [5. С. 435].

Свобода и ответственность личности проявлялась «в даровании развиваться по собственным законам в добровольном ограничении самого себя» [7. С. 267]. Идея о смирении Божиим, о самоумалении Божиим – это идея впервые дала почву для признания самостоятельности, нравственной ответственности за себя перед Богом [7. С. 267]. Человек должен нести и несет ответственность перед Богом за все, что происходит между живыми существами на земле, но самое главное – он несет ответственность за человека.

Идеалом нравственного подвига наделены, по мнению П. Флоренского, подвижники: «Очищение сердца дает общение с Богом, а общение с Богом – выпрямляет и устрояет вся

лючность подвижника. Иночество есть ни что иное как духовность, а духовность не может не быть не связана с иночеством. Они призваны молиться за весь наш мир. София также направлена на развитие одухотворенности всего этноса и каждого отдельного человека.

Принцип Софии направлен на защиту православия и русского народа, на защиту его призвания – народа-богоносца.

Философия П. Флоренского подпитывалась мифологией, литературой, тысячелетней русской церковной культурой, которая получила свое развитие в зодчестве, живописи, пении, письменности, подвигах святых [14. С. 60]. Но появилась эта философия по обычаю «совы Минервы». В целом контексте русской духовности идеи П. Флоренского были периферическими относительно философского центра.

Впоследствии П. Флоренский сформировал хорошую задачу: произвести синтез церковности и светской культуры, соединить их с церковью. Православная Церковь должна возвысится как воплощение божественной Софии. София вступает как надмировая память.

Октябрь в России разрушил философскую культуру и привел к гибели большинства ее авторов. Возвращение к духовным истокам возможно только в настоящее время.

Библиографический список

1. **Лосский, Н.** Бог и мировое зло / Н. Лосский. – М., 1994. – 305с.
2. **Розанов, В. В.** Опавшие листья. Короб первый. В 2т. Т. 1. / В. В. Розанов. – М., 1990. – 610 с.
3. **Бердяев, Н. А.** Самопознание / Н. А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 190 с.
4. **Зеньковский, В.** История русской религиозной мысли XX в. / В. Зеньковский // Типы религиозной мысли в России. – М., 1991. – 705 с.
5. **Лосев, А.** Диалектика мифа / А. Лосев // Из ранних произведений. – М., 1990. – 145 с.
6. **Дурылин, С.** Град Св. Софии. Царьград и Святая Русь в русском народном религиозном сознании. / С. Дурылин. – М., 1915. – 273 с.
7. **Флоренский, П.** Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – М.: «ПРАВДА», 1990.- 496 с.
8. Древнерусского искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972. — 364 с.
9. **Милюков, П. Н.** Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милюков. – Москва : Издат. группа «Прогресс-Культура», 1994. – 256 с.
10. **Эрн, В.** Борьба за Логос. Нечто о Логосе, русской философии и научном духе. / В.Эрн. – М., 1991. – 296 с.
11. **Радугин, А. А.** Энциклопедический словарь по культурологии / А. А. Радугин. – М., 1997. – 478 с.
12. **Булгаков, С.** Свет невечерний: Созерцания и умозрения. / С. Булгаков. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
13. Нравственное православное богословие. – СПб., 1869. – 83 с.
14. **Кириков, О.** Русское православие. Духовно-догматические ориентации. / О. Кириков – Воронеж, 1996. – 217 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 355.01

Воронежский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Р.Ф.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной и муниципальной службы и кадровой политики И. А. Ашмаров.

*Россия, г. Воронеж, тел. (473) 241-91-79;
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

Voronezh Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

*PhD in Economics, Associate Professor of State and Municipal Service and Personnel Policy Chair
I. A. Ashmarov*

*Russia, Voronezh, tel. (473) 241-91-79;
e-mail: dobrinka75@mail*

И. А. Ашмаров

КРЫМСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

В статье даётся анализ современных нам военных конфликтов, в основе которых, как правило, лежит борьба за власть и ресурсы. Автор статьи приходит к выводу, что большинство современных военных конфликтов порождены во многом ложными причинами, навязанными странам извне. К таким искусственно созданным противоречиям относятся и противоречия между Россией и странами Европы, которые больше приобретут от сотрудничества друг с другом, чем от режима санкций или войны.

Ключевые слова: национальные интересы, борьба за власть, противоречия между Россией и странами Запада.

I. A. Ashmarov

THE CRIMEAN CONTRADICTIONS BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

The article provides an analysis of contemporary armed conflicts which are based, as a rule, on the struggle for power. The author concludes that the majority of modern military conflicts generated largely by false reasons inflicted on the country from outside. Such contradictions can be attributed contradictions between Russia and Europe which will gain more from cooperation with each other than by sanctions or war.

Key words: the national interests, the struggle for power, the contradictions between Russia and the West.

Взаимоотношения одной отдельно взятой страны, особенно такой великой страны, как Россия, складываются с внешним окружением, то есть другими соседними странами, как правило, всегда не просто. Независимая внешняя и внутренняя государственная политика в современном зависимом мире может обходиться весьма дорого, и её проведение, естественно, будет наталкиваться на определённые противоречия с другими странами. Интересы различных стран мира далеко не всегда находятся в одном и том же русле, иногда они просто расходятся, иногда противоречат друг и другу, что может вылиться в скрытое противостояние и даже открытый политический и вооруженный конфликт. Большинство войн и военных конфликтов происходили и происходят на различной почве противоречивых интересов, которые разъединяют людей, разделяют целые народы и страны мира. Все конфликты можно подразделить на несколько основных групп, а именно: 1) межнациональные и внутринациональные конфликты, возникающие на национальной почве, 2) религиозные конфликты, соответственно возникающие на религиозной основе, 3) политические конфликты, возникающие по причине борьбы за власть и ресурсы, и, понятное дело, 4) смешанные конфликты.

В современном мире большинство конфликтов происходит на религиозной почве, то есть преобладают религиозные конфликты, большинство из которых связано с т.н. воинствующим исламом, то есть борьбой исламистских радикально настроенных групп за

власть, ресурсы и политическое влияние. Таким образом, получается, что все социальные конфликты только формально отличаются друг от друга, а, по своей сути, представляют собой борьбу за власть и разграничение сфер влияния в более или менее завуалированном виде. Получается, что со времени Никколо Макиавелли (1469-1527) мир очень мало или, можно сказать, практически совсем не изменился, где “государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью” [1], но в основном, конечно же, силой оружия.

Борьба за власть, за господство в государстве приводит к вооружённым конфликтам и кровопролитию, и всё это происходит в просвещённом XXI веке, когда человечество обладает огромными знаниями в самых различных областях жизни. Нет, к сожалению, только такого знания, которое могло бы остановить войны, спровоцированные борьбой за власть отдельных высокопоставленных и без того облечённых большой властью особ, борющихся за ещё большую власть. Из этого можно сделать вывод и прийти к заключению, что природа современных вооружённых конфликтов может быть самая различная (религиозная или межнациональная), но главными движущими силами любых конфликтов всё-таки была и остаётся политическая борьба за власть и экономические ресурсы. Это как раз то, что является подлинной причиной и движущей силой многих войн и вооружённых конфликтов в мировой истории и современности.

В результате дефицит власти и ресурсов в обществе сам по себе создаёт условия для открытой или скрытой борьбы за власть и ресурсы, что способствует возникновению войн и краткосрочных вооружённых конфликтов. И какими бы “красивыми вывесками” ни прикрывались противоборствующие силы в основе их действий, как всегда, лежит борьба за власть в открытом или скрытом виде. В результате повторимся ещё раз, действительно мало что изменилось в мире со времен Н. Макиавелли и поэтому “люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу...”[1], и образец этот представляет собой прямой вооружённый конфликт двух и более сторон, не нашедших мирных путей для разрешения своих разногласий.

На основании анализа современных конфликтов мы заключаем, что в основе большинства современных конфликтов в обществе, равно как и тех, что имели место в истории различных стран и народов мира, лежит именно борьба за власть и ресурсы. Борьба за власть разделяет и в то же самое время объединяет самых разных людей и различные социальные группы, государства и их коалиции и союзы. Следует, вероятно, даже заключить, что борьба за власть и ресурсы в обществе, коль скоро она совершается с такой завидной регулярностью и постоянством, является одним из видов социальных отношений наравне с прочими социальными отношениями между социальными группами, которые проявляют себя уже как некая социальная закономерность. Поэтому борьба за власть закономерна, она случалась и раньше и имела место, начиная с древней истории, происходит также и в настоящее время и будет, что вероятнее всего, происходить и далее в будущем. Такова данная нам социальная реальность и действительная природа человека как такового. Вероятно, что общество всегда будет раздираемо властными конфликтами, то есть конфликтами, в основе которых лежит неприкрытая или, наоборот, завуалированная, борьба за власть, которая также подразумевает противоборство и за различные виды ресурсов.

Борьба за власть, подразумевающая под собой борьбу за ресурсы и обладание ими, предполагает возвышение одних социальных групп и их представителей за счёт других, рост влияния одних стран на другие страны мира, когда одни усиливаются и укрепляют свою мощь и влияние над другими. Это происходит в то самое время, когда остальные страны мира, менее сильные, служат лишь средством, своего рода вспомогательным инструментом в укреплении влияния и борении за властные функции и полномочия. Так что в итоге мы склонны сделать следующее заключение о том, что немалая часть социальных взаимоотношений и взаимодействий, не говоря уже о политических отношениях, представляют собой более или менее явную борьбу именно за власть. Борьба за власть – это, по сути, борение за влияние и ресурсы. И это противоборство в самых разных его ипостасях

в буквальном смысле пронизывает все социальные отношения, начиная с уровня отдельной личности и отдельно взятой семьи, и так далее, поднимаясь выше на уровень социальной организации, социального института, всего общества в целом и целого государства и даже всего мирового сообщества. Таким образом, мы считаем, что на всех уровнях социального взаимодействия и социальных отношений происходит не что иное, как борьба за власть в самых различных её проявлениях в открытом или скрытом виде. Борьба за власть всегда выступала в прошлом и вступает сегодня как извечная основа скрытых и открытых конфликтов в обществе.

Современная ситуация с санкциями против России почти всех развитых стран мира – стран ЕС, США и Канады – ещё больше демонстрирует очевидную зависимость одних стран от других и, в частности, развитых европейских экономик от мирового политического и экономического лидера – США.

В чём, спрашивается, причина такого единодушия против России? Вероятно, что в военно-политическом сотрудничестве и союзе стран НАТО или в политическом и финансовом давлении США на своих союзников, либо стремлении США установить свою абсолютную гегемонию в мире. Макрополитические интересы США давно уже проникли повсюду в мире, они присутствуют с удивительным постоянством внутри многих стран мира, даже территориально удалённых от США. Мы видим проникновение американских военно-вооружённых сил и их глобальных интересов почти повсюду на постсоветском пространстве: в открытом виде – на территории Грузии и Украины, Прибалтики, в скрытом виде – на территории других постсоветских республик, где с их присутствием ведут “незримый бой”, в том числе в Белоруссии и в России. Здесь любые комментарии будут избыточны, ибо, как было сказано ещё в Библии по данному поводу, что “всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит” [2].

Таким образом, можно отметить опасную тенденцию установления однополярного мира и претензии на мировое господство со стороны такой страны, как США, и их желание проводить политику своих интересов, невзирая на лица и институты мирового развития, такие как ООН и/или ВТО. Сегодня складывается такая ситуация, что если есть такая необходимость нарушить правила игры, то они обязательно будут нарушены претендентом на мировое господство – Соединёнными Штатами Америки. Установлению мирового господства мешают другие крупные и независимые от США страны, такие как Россия, Индия и Китай, что заставляет столь могущественные державы объединяться против США в рамках различных объединений и организаций ШОС, БРИК и т.д., чтобы отстаивать своё международное право проводить независимую и самостоятельную политику. Как в этих условиях России, а также и другим странам, которые стремятся и имеют такую возможность сохранить самостоятельную политику, не противоречить США и их союзникам? США, без стеснения, применяют свои вооружённые силы по отношению к заведомо более слабым странам, таким, как Кувейт или Ирак, поставляют оружие группам, ведущим открытую вооружённую борьбу с официальным правительством Сирии и т.д.

Что в результате получается? Получается, что на мировую авансцену вышел игрок, который нарушает правила игры, установленные всем мировым сообществом в целом. США эти правила открыто нарушают и никаких санкций в ответ на это не получают. Другое дело – те страны, которые не являются Соединёнными Штатами или их союзниками, например, Россия. Здесь, по мнению правительственных кругов США, необходимо применение санкций, причём своих санкций мало, нужны санкции союзников, вот и получается, что Россия снова оказывается чуть ли не в изоляции от стран Запада, которым, кстати, Россия поставляет ресурсы. История, как говорят, повторяется, происходит нечто похожее, что происходило перед тем, как началась Крымская война в середине XIX века.

Крымская война 1853-1856 гг., или Восточная война, – это война между Российской империей, с одной стороны, и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства, с другой. Боевые действия разворачивались на Кавказе,

в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. И наибольшего напряжения они достигли именно в Крыму. Кстати, формальной причиной нынешнего раздора стран Запада и России снова стал Крым. Это очень симптоматично. Если следовать логике развития событий, то, очень возможно, что Россию ждёт новая война за Крым, как это ни прискорбно.

Существенной предпосылкой военного конфликта 1853-1856 гг. было то, что в Западной Европе с 1840-х наблюдалось усиление антироссийских настроений. В западной прессе того времени подчёркивалось желание России овладеть Константинополем. В действительной реальности Николай I и его правительство изначально никогда не ставили целей присоединения к России каких-либо балканских территорий [3].

Сегодняшние крымские противоречия между Россией и Западом – это, конечно, не повод к войне, однако надо иметь в виду, что оказываться в изоляции от стран Запада и открыто противостоять США и их союзникам – это не самый оптимальный вариант внешней политики для России. Не вариант для России и подчинять свои интересы чужой геополитике и допускать военные базы НАТО к своим границам. Процесс расширения НАТО на Восток идет уже давно имеет одну очевидную цель – «противостоять влиянию России на востоке Европы». И он словно обрел новую силу после событий на Украине, когда стало ясно, что Россия не отступит от своей позиции. «Расширение на восток» происходит и в интересах НАТО, и в интересах Евросоюза (ЕС). ЕС желает упрочить своё влияние на востоке Европы, а НАТО, «философия которого претерпела кризис после падения Берлинской стены и распада СССР», нужны новые инициативы, чтобы подтвердить свою нынешнюю сущность, которую этот блок описывает в категориях «мира и безопасности на востоке Европы». Вот поэтому этим двум европейским структурам и нужен восток Европы [4].

Точно такая же ситуация уже также имела место в истории нашей страны, когда СССР оказался в изоляции в то время, когда фашистская Германия подчинила себе все страны Западной и Восточной Европы – и в результате началась Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Те глобальные противоречия также были разрешены только в ходе глобального военного конфликта. Думается, современной России нет смысла повторять эту историю, равно как и повторять сделанные геополитические ошибки тех лет. Поэтому России срочно необходимо найти себе союзников в лагере стран, которые объявили санкции России, хотя это будет и очень непросто, если это вообще возможно. Необходимо констатировать, что в настоящее время Россия и окружающий её мир находятся на грани хрупкого баланса, который может быть нарушен в результате противоречивого характера складывающихся сегодня геополитических интересов и взаимоотношений. По нашему мнению, крымские противоречия России и Запада должны быть разрешены как можно скорее, причём дипломатическим, а не вооружённым путём, пока ситуация не стала необратимой и не завела заинтересованные стороны в тупик военного конфликта.

Относительно санкций, вступивших в силу в отношении России, то, согласно последним совместным заявлениям от имени ЕС и стран Большой Семерки (G-7), санкции связаны не только с действиями России в Крыму, но также инициированы «обострением обстановки на востоке Украины», в чем также обвиняется Россия [4].

Страны Запада, и прежде всего США и Великобритания, будучи странами морскими (атлантическими), исторически всегда были заинтересованы в максимальной открытости мирового рынка, в максимальной свободе мировой торговли. Доступность и легкость выхода в мировой океан, относительно небольшая протяженность морских путей, близость основных экономических центров к морскому побережью делают открытость мирового рынка максимально выгодной для морских стран. При полностью открытом рынке мировой торговли континентальная страна (типа России) всегда окажется в проигрыше прежде всего потому, что морские перевозки гораздо дешевле сухопутных и воздушных, а также потому, что все перевозки в случае ярко выраженной континентальности оказываются более длинными, чем в случае, когда страна является морской. Эти факторы определяют более высокую стоимость всех товаров внутри континентальной страны, что больно бьет по

материальному благополучию граждан этой страны. В невыгодном положении оказываются и отечественные товаропроизводители, продукция которых не в состоянии выдержать конкуренции на мировом рынке уже потому, что всегда будет более дорогой из-за дороговизны перевозок. Исключения составляют те продукты, которые поддаются транспортировке по трубопроводам, - это нефть и газ или электроэнергия, передающаяся по проводам. Континентальность и связанные с ней трудности интеграции в мировой рынок не означают, однако, что экономическая политика России должна быть изоляционной. Но Россия не может и не должна идти по тому пути, который ей экономически не выгоден, сколько бы ее ни склоняли к избранию такого пути. Она должна, следовательно, проводить исключительно гибкую внешнюю экономическую политику, сочетающую в себе формы открытых рыночных отношений с методами развития внутреннего рынка и защиты отечественного товаропроизводителя.

Противоречие национальных интересов России и стран Запада обусловлено также тем, что Россия является одним из крупнейших мировых производителей и экспортеров нефти и газа, тогда как западные страны являются импортерами этих продуктов. Россия заинтересована в высоких мировых ценах на нефть и газ, тогда как страны Запада заинтересованы в обратном - в более низких ценах. На мировом рынке военных технологий и вооружений постоянно имеет место ожесточенная конкуренция, прежде всего между Россией и США. Распад СССР и ослабление России привели к сокращению российского рынка военных технологий и вооружений по сравнению с тем, которым обладал СССР. Между тем продажа одних только автоматов Калашникова - не говоря уже о более сложных изделиях, таких, как военные самолеты или танки, - способна приносить России многомиллионные прибыли. Разумеется, речь может идти о продаже изделий военного назначения только на совершенно законной основе и в соответствии с правилами международной торговли.

Все названные выше факторы однозначно говорят о том, что Россия нуждается в международном противовесе, чтобы противостоять монопольному контролю со стороны США и Великобритании над всеми сферами мировой жизни, над всеми регионами планеты. Следует вместе с тем особо подчеркнуть, что Россия заинтересована в установлении равных и устойчивых отношений со всеми странами мира. Она также заинтересована в расширении самых разнообразных контактов с максимально большим числом международных партнеров. При этом в ее международной политике должны быть выделены приоритеты, обусловленные, прежде всего, геополитическим положением страны. Одним из важнейших приоритетов является создание противовеса абсолютной гегемонии США и их стратегической союзницы Великобритании на мировой арене [5].

США ведут себя по отношению к России как к побеждённой державе - как к Советскому Союзу, проигравшему "холодную войну", усиливая тем самым нынешнюю и будущую негативную реакцию российской стороны. Возможно, что это позволит достичь сиюминутных целей, но посеет семена обиды и разочарования, что вызовет лавину ещё более серьёзных противоречий и конфликтов между Россией и Западом в более отдалённом будущем [6].

На наш взгляд, противоречия между Россией и западными странами мира инициированы, прежде всего, самим политическим руководством США, которые пользуясь своим влиянием в мире, а также своим сильным геополитическим положением и удалённым расположением на другом континенте могут позволить себе политику натравливания одних стран на другие, основанной на принципах и культуре властвования, известных ещё со времени Древнего Рима, а именно: "разделяй и властвуй". Европейские союзники США по блоку НАТО как страны, находящиеся в самой непосредственной близости от России, первыми могут начать военные действия, и они же первыми будут испытывать военную мощь нашей страны. США, впрочем, как всегда в мировой истории, будут оказывать союзническую помощь военной техникой и вооружением, финансированием, но сами практически очень мало будут вовлекаться в военный конфликт. Это подтверждает

российско-грузинский вооруженный конфликт 2008 года, названный журналистами «пятидневной войной», а также текущий внутриукраинский конфликт, в котором по необходимости, защищая себя, участвует русское население восточной Украины [7].

В настоящее время воинские контингенты и военные базы США находятся более чем в 150 странах мира: на Гавайях, захваченных США в ходе Второй мировой войны и превративших их в свой штат в 1959 году, 50-й по счёту, на Филиппинах, в Японии, во многих других странах Азии, Америки, Африки и Европы. Сегодня американские войска под эгидой НАТО находятся вдоль российских границ: в Прибалтике, в Грузии, на Украине. Очевидно, что такая агрессивная внешняя политика США обладает имперским захватническим характером по отношению к другим странам, и не сулит им ничего хорошего, в особенности России. Санкции со стороны США и их союзников заставляют России отказаться от роли и статуса мировой державы, отказаться от Крыма, отказаться от урегулирования конфликта на Украине и установить там своё полное влияние и господство. И в этом случае Украина вместо нашей братской славянской республики окажется враждебным России государством, вплотную с ним граничащим, и удобным плацдармом для потенциально возможно военного наступления и нападения, военного конфликта, как это уже имеет место быть в Прибалтийских странах Латвии и Литве.

Вероятно, что тезисы и выводы данной статьи покажутся кому-то не совсем политкорректными, зато здесь есть одно неоспоримое преимущество, а именно то, что наглядно и без иллюзий показана всё усиливающаяся роль США как гегемона в современной мировой политике, которая проводится ими с позиции силы, как это и было в годы холодной войны. По сути, сегодня Соединёнными Штатами Америки проводится та же самая доктрина в отношении России и других «неудобных» стран мира, против которых США ещё и применяют военное оружие по своему усмотрению, не дожидаясь политических решений ООН. Политическая система США явно идёт в сторону установления мирового господства на принципах волюнтаризма, можно даже сказать, диктата одной отдельно взятой страны над всем миром, с чем, думается, сегодня не согласятся другие страны, особенно такие крупные, как страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Думается, что сегодня ни одна страна мира, пусть даже и самая сильная, не может и не должна распоряжаться судьбами других стран по своему одностороннему усмотрению и желанию, ниспровергать правящие режимы и устанавливать однодневные демократии, которые приводят к гражданским войнам, как это и произошло в Ливии, Сирии и Ираке [8].

Библиографический список

1. **Макиавелли, Н.** Государь // Жизнь Никколо Макьявелли: литературно-художественное издание / **Сост. Ю. В. Артемьева.** – СПб.: Лениздат, 1993. – 414 с.
2. Библия (Новый Завет, Еванг. от Матфея, гл. 12, ст. 25; Еванг. от Марка, гл. 3, ст.24-25).
3. Крымская война. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крымская_война
4. Проблема противоречий России и Запада «лишена простых решений» // <http://inosmi.ru/world/20140501/219972512.html>
5. Противоречие интересов России и стран Запада // Политическая аналитика. [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.politicalmind.ru/minsos-262-1.html>
6. **Арбатов, А. Г.** Россия и Запад глазами друг друга // [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/arat-15.html>
7. Российско-грузинский конфликт // [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: http://ru.privetkavkaz.wikia.com/wiki/Российско-грузинский_конфликт
8. Мир и война: 10 главных вооруженных конфликтов 2014 года // Русская служба ББС. [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/12/141229_yearender_2014_world_at_war

УДК 323.1

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
Е. А. Волкова
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
E. A. Volkova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru

Е. А. Волкова

РОЛЬ И РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается изменяющаяся роль института семьи в организации современной социальной жизни. Автор статьи приходит к выводу, что трансформация семьи и развитие семейных ценностей видоизменяет современное российское общество, превращая его в социум с совершенно иначе выстроенными социальными связями, в зависимости от состава участников.

Ключевые слова: институт семьи, социальные отношения в семье, семейные ценности.

E. A. Volkova

THE ROLE AND DEVELOPMENT OF FAMILY VALUES IN MODERN RUSSIA

The article examines the changing role of the family institution in the organization of modern social life. The author concludes that the transformation and development of family values change contemporary Russian society, modifying it and turning it into a completely different society aligned social connections, depending on the participants.

Key words: institution of the family, social relations in the family, family values.

Актуальность темы научного исследования института семьи и семейных ценностей определена глубинными трансформационными процессами, происходящими в современной российской семье, которые оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности общества и, прежде всего, его безопасность.

Характер такого сложного социального института, как семья определяется не только эволюцией внутрисемейных отношений, но и общественно-экономическими, историческими, национальными и другими внешними условиями, которые постоянно изменяются. Современный нам институт семьи развивается и трансформируется вместе с нашим обществом, оставаясь при этом его неотъемлемой частью. В этой связи мы видим, что в современной России появляются новые формы семейно-брачных отношений, которые отвечают новым социальным, политическим и экономическим потребностям российского трансформирующегося общества.

В новых социально-экономических условиях перед современными людьми возникает проблема выбора между семейным бытом и одиночеством. Если ранее общество смотрело на вступление в брак людей, достигших определённого брачного возраста, как на обязательную необходимость, то сегодня нет каких-то строгих общественных норм, которые считали бы это обязательным. Наоборот, сегодня многое зависит от индивидуальных предпочтений, соотношения путей личностной самореализации с семейным бытом и т.д.

Роль современной российской семьи и семейных ценностей в формировании и сохранении социальных ценностей как предмет научного исследования представляет интерес для многих социальных наук, в том числе демографии, психологии, социологии, социальной философии и др. При этом особое внимание уделяется изучению различных внешних

факторов - экономических, экологических, биологических факторов, влияющим на микроклимат семьи.

Именно поэтому большинство современных исследований проблем семьи основывается на анализе тесной взаимосвязи семьи и социальных ценностей. Изучение семейного быта через рассмотрение социальных ценностей способствует созданию целостной и динамичной картины воззрений на современную семью и семейные отношения. В целом, вообще проблема ценностей является одной из центральных тем в гуманитарных науках, в том числе и в социологии. Это связано с тем, что ценности являются фундаментальной основой развития общества. Современное российское общество сталкивается со множеством проблем, обусловленных трансформационными процессами, происходящими во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в сфере семьи, которая является важнейшим элементом социальной структуры общества. Положение семьи в обществе служит своеобразным “барометром”, своего рода индикатором его состояния, показывает уровень и степень социально-культурного развития.

Наиболее развернутая характеристика семьи как социального института дана отечественными специалистами: “Семья как общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства, как основная ячейка общества, выполняет важнейшие социальные функции, играет особую роль в жизни человека, его защите, формировании личности, удовлетворении духовных потребностей, обеспечении первичной социализации” [1. С. 159].

Семья исследуется социологами, как правило, в двух аспектах: как малая социальная группа, объединяющая, в первую очередь, детей и родителей, и как социальный институт. Семья как социальный институт – это комплекс социальных норм, образцов поведения, прав и обязанностей, которые регулируют отношения между супругами, родителями и детьми и воздействуют со стороны общества на семейные отношения. Основа для социальных отношений – это прежде всего семейные роли. Исполнение семейной роли зависит от правильного формирования ролевого образа, включающего ответы на важнейшие вопросы о том, какие правила, нормы диктует общество в отношении семьи и какого поведения от вас ждут и т.д.

Современный социальный институт семьи, надо это признать, видоизменяется, и в силу этого многие традиционные семейные ценности утрачивают свою прежнюю актуальность и значимость для наших современников.

Само понятие “семейные ценности” является довольно ёмким понятием, и в каждой культуре его могут толковать по-разному. В настоящее время этот термин часто используется в политических и других дебатах в контексте мировой тенденции снижения значимости семейных ценностей после окончания Второй мировой войны. Проблема ценностей в особенно острой форме возникает в таком обществе, в котором обесценивается культурная традиция и идеологические установки которого тем или иным образом дискредитируются [2].

Семейные ценности (также традиционные семейные ценности) — это культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Сторонники традиционных семейных ценностей часто придают семье статус единственной морально допустимой ячейки общества [3].

В традиционной системе ценностей семья всегда занимала видное место. История отечественных семейных традиций весьма интересна и занятна. Например, современным супругам было бы любопытно узнать, что до 1917 г. без ведома мужа жена не могла поехать даже к собственной маме, если та жила в другом городе. Или если строптивая супруга проявляла упорство и непослушание, то мужчина имел полное право заявить на неё в полицию, и бедную женщину снимали с поезда и под конвоем водворяли обратно в дом законного супруга. Однако сегодня следует признать, что супружеские отношения возникают часто вне семьи и брака, и это мало заботит как большинство современных

мужчин, так и женщин. Современные женщины порой ограничиваются наличием если не любви, то во всяком случае симпатией и уважением со стороны мужчины и его материальной поддержкой, опекой или, по крайней мере, заботой, считая этого вполне достаточным для себя обстоятельством.

Если, к примеру, в начале XX в. русская семья имела в среднем 8 - 10 детей, то к концу 1930-х гг. этот показатель упал до 6 - 7. Новая волна уменьшения числа детей в семьях пришла на 1960-е гг., а в настоящее время данный показатель равен 1,5 - 2. Негативные проявления в области семьи и семейных ценностей – это далеко не частный случай их проявления.

Семейные ценности — это явная (открыто одобряемая и культивируемая в кругу семьи) или неявная характерная для семьи совокупность представлений, которая влияет на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия и т.п. [4. С. 23]. Основная особенность семейных ценностей заключается в том, что их ориентация направлена на благо человека, семьи и жизни на земле. В семейных ценностях соединяется забота о человеке, его признании как ценности, любовь и уважение к нему, почтительность и благоговение перед человеческой и всякой другой жизнью. Формирование семейных ценностей есть важная необходимость. Ни одна нация, ни одна культурная общность не сумела обойтись без семьи, играющей важную роль в укреплении здоровья и воспитания, обеспечении экономического и социального процесса общества, в улучшении демографических процессов.

Для большинства людей семейные ценности приблизительно одинаковы, а именно: взаимное уважение и любовь, родительство, верность, доверие, связь с родителями, дом. Словом, всё то, что и образует семью как таковую. Кроме того, сама семья представляет собой собирательный элемент всех этих факторов, и она - тоже ценность.

Среди семейных ценностей традиционно выделяются две основные группы, а именно: материальные и духовные семейные ценности. Среди материальных семейных ценностей обычно называют жилищные условия, престижную высокооплачиваемую работу, социальный статус, материальную обеспеченность всем необходимым.

В отличие от родительских семей, где материально обеспеченная жизнь является основной материальной ценностью семьи, в молодых семьях выделяется различие значимости семейных ценностей. Выявлено доминирование ценности жилищных условий и материального обеспечения над престижной работой и социальным статусом, что, несомненно, связано с зависимостью молодой семьи от родителей в период становления новой молодой семьи и её первичной социализации [5. С. 120].

Среди духовных ценностей российских семей мы выделяем здоровье членов семьи, детей, ценность самой семьи, духовность, а также уровень культуры и образования членов семьи. Духовные ценности семьи имеют значительные отличия в критериях здоровья членов семьи и ценности самой семьи у родителей, тогда как молодежь выделяет основной ценностью саму семью и в последующем детей и здоровья. У молодежи духовность выделена как самый низкий групповой ранг, в отличие от родителей [5. С. 121]. Кроме того, социологический интерес представляет тот факт, что, согласно нашему опросу, современная российская молодёжь ставит в основу внутрисемейных взаимоотношений, прежде всего, уважение (1-е место), а потом уже любовь (2-е место) с тем добавлением, что идеальным вариантом является тот случай, когда в семье имеются и взаимное уважение, и взаимная любовь членов семьи друг к другу.

Обращаясь к проблеме трансформации семейных ценностей в российском обществе, необходимо обратить внимание на целый ряд данных социологических исследований. Первоочередными среди семейных ценностей выступают такие устремления, как жить в достатке (55% опрошенных), воспитать хороших детей (40%), иметь хорошую семью (39%). Ценности «второго плана» - высокооплачиваемая работа (29%), жизнь в гармонии с самим собой (27%). Для каждого пятого респондента главное - вести здоровый образ жизни, а также любить и быть любимым (21% и 19%). Менее важно - посмотреть мир (15%), сделать

карьеру (14%), быть интеллектуалом (10%). Иметь много свободного времени или жить не обремененными излишними обязательствами хотели бы по 7% респондентов. Все возрастные группы респондентов на первое место поставили жизнь в достатке. Причиной вступления людей в брак каждый второй опрошенный (50%) считает возможность быть вместе с любимым человеком, каждый третий (39%) - необходимость продолжения своего рода, каждый четвертый (26%) - спасение от одиночества, гарантию стабильной старости. Немало и тех (16%), кто рассматривает семью как «коммерческий проект», основанный сугубо на расчете. Мужчины чаще женщин рассматривают брак как средство продолжения рода (44% и 36%), но реже - как «лекарство от одиночества» [6. С. 80].

Немаловажен следующий факт: несмотря на то, что респонденты вполне отчетливо распределяют семейные ценности по шкалам значимости, вопрос о роли этих ценностей остается всё же открытым - уровень значимости ценностей постепенно падает. Так, 31% опрошенных видят причину культурного и ценностного кризиса в состоянии общественной морали, указывая на ослабление традиционных семейных ценностей. В свою очередь, 45% принявших участие в опросе, полагают, что необходимо развивать социальную и культурную инфраструктуру, необходимую для содержания и воспитания подрастающего поколения в духе традиционных ценностей. В условиях социокультурной трансформации и утраты обществом ценностной доминанты проявились следующие тенденции в развитии взаимоотношений в семье: отношения равенства между супругами становятся преобладающей тенденцией; усиливается эгалитарный характер супружеских отношений; видоизменяется традиционная проблема лидерства в семье. Всё это свидетельствует о том, что происходит трансформация семейных ценностей, предполагающая в перспективе семью, построенную на других основаниях, и порождающая новые мировоззренческие установки [7. С. 18].

Особенно перспективной в формировании семейных ценностей является студенческая молодежь, стоящая на пороге жизненного самоопределения, так как ценнейшим социально-психологическим приобретением юности является открытие своего внутреннего мира, приобретение жизненно важных ценностей и взаимоотношений с окружающими, близкими, самим собой.

Другое научное исследование, проведённое среди студенческой молодёжи, показало, насколько семейные ценности являются значимыми для студенческой среды. Исследование показало, что структуру семейных ценностных предпочтений современной молодежи можно разделить на три группы, а именно: 1. Первая группа семейных ценностей: работа, общение со сверстниками, досуг; 2. Вторая группа семейных ценностей: здоровье, учеба, семья, брак, любовь; 3. Третья группа семейных ценностей: религия, общество, страна, среда обитания. Полученные в результате социологического опроса результаты показали следующее, а именно:

1. Подавляющее большинство (65,5%) девушек считает, что наиболее приоритетным на ближайшее будущее является: получить высшее образование, а молодые люди полагают, что приоритетом является (34%) материальное благополучие;

2. У девушек на втором месте материальное благосостояние (19%);

3. Семья занимает третье место как у девушек (14,3%), так и молодых людей (23%);

4. Общение с друзьями занимает четвертое место как у девушек (1,2 %), так и у парней (14%);

5. Зарегистрированный брак предпочитают подавляющее большинство опрошенных студенток 62%. Менее половины опрошенных парней (46%) выбрали зарегистрированный брак;

6. 79% всех опрошенных респондентов ответили, что приоритетным для вступления в брак является взаимная любовь и уважение, и точно так же ответило абсолютное большинство респонденток. Кроме того, 9% девушек отметили значимость материального положения, 7% отметили социальный статус и 5% выбрали категорию «другое», где чаще всего встречались ответы «всё выше перечисленное» и «ум» [8. С. 42].

Из полученных результатов видно, что процесс формирования семейных ценностей у студенческой молодежи происходит достаточно активно, но различается по половому признаку, то есть весьма по-разному проявляется у девушек и молодых людей. Кстати, семейные ценности для девушек являются более значимыми.

В настоящее время для значительной части наших молодых современников гораздо важнее индивидуальное материальное благополучие, получение высшего образования, общение с друзьями. Сегодня престиж высшего образования постоянно возрастает, поэтому увеличивается и число студентов, которые уверены, что после окончания учебы в вузе им удастся получить достойное материальное вознаграждение по выбранной специальности (профессии).

Таким образом, как показывают научные исследования, что, впрочем, и неудивительно, ведущие групповые ранги в общей системе ценностей в основном занимают материальные ценности, как в родительских, так и в молодых российских семьях. Различиями являются другое отношение молодежи к индивидуальным и духовным ценностям, что, скорее всего, характерно для потребностей молодежного возраста. Следовательно, основной причиной этих отличий является своеобразная реакция молодежи к семейным ценностям в современных социально-экономических условиях. Такое распределение рангов значимости ценностей во многом обусловлено современной социально-экономической ситуацией в нашей стране.

В развитых странах проблем на семейном фронте не меньше, чем в развивающейся России. Ослабли социальные ограничения в сфере семейного поведения, расширились рамки индивидуального поведения, возросло разнообразие форм и типов отношений в семейной сфере. Всё большее количество детей растёт с одним из неродных родителей. Повторные браки разведённых, совместная жизнь, аналогичная браку, и т.д.

Естественной основой, так сказать, “ядром” современной семьи становится самая прочная в глазах общества “связка” – мать и её дети, причём, иногда от различных отцов и браков. Подтверждается поговорка, что матерей создаёт природа, а отцов – общество. Современному обществу не удаётся задача сделать из мужчин отцов. Это – вполне закономерный для модернизируемого общества переход к новым формам брачных и семейных отношений, оформление которых еще не закончено, в силу чего часто говорят о кризисе семьи как социального института.

Проблемы современной семьи относятся к числу наиболее важных и актуальных социальных проблем современности. Её значимость определяется тем, что семья – это один из основных социальных институтов общества, “краеугольный камень” человеческой жизни, и этот институт в настоящее время переживает серьёзный кризис. На вопрос, переживает ли современная семья кризис? – есть все основания дать утвердительный ответ.

Статистика браков и разводов в России за 2013-2014 гг. показывает, что желающих узаконить отношения становится всё меньше, а разорвать брачный союз – всё больше. Так, если за первый квартал 2013 г. было зарегистрировано 218 070 браков, то в 2014 г. – 207 825, то есть на 10 245 меньше. Обратная ситуация наблюдается с разводами: в 2013 году их число за указанный период составило 157 065, в 2014 году – 172 310, то есть на 15 245 больше. Отсюда видно, что с каждым годом популярность зарегистрированного брака в России падает. Есть даже мнение, что “институт семьи себя исчерпал, и если раньше большинство наших соотечественников считало, что сохранить ячейку общества необходимо любой ценой, то сейчас россияне не видят в разводе ничего страшного” [9].

Кризис современной семьи проявляется по нескольким параметрам, а именно:

- в росте числа разводов супругов;
- в увеличении количества добрачных и внебрачных детей;
- во взаимном отчуждении членов семьи;
- в ослаблении воспитательного воздействия родителей на детей;
- в увеличении числа неполных семей;

- в преобладании т.н. нуклеарных семей - супружеских или партнёрских семей, состоящих из родителей (родителя) и детей, либо только из супругов [10];
- в замене традиционных ролей, которые играли муж и жена;
- семья перестаёт зависеть от социальных норм и санкций, снижается ценность семьи с детьми;
- в росте количества социальных сирот [11].

Следствием кризиса семьи являются многочисленные проблемы детства: у детей нарушены процессы формирования духовно-нравственной сферы; отсутствуют чёткие представления о пороке и добродетели, ответственности перед своей семьёй, обществом, нацией и государством. Нарушение процессов формирования духовно-нравственной сферы приводят к таким негативным последствиям в поведении детей и подростков, как проституция, наркомания, алкоголизм, криминал, гражданская пассивность, уход из семьи. В научной литературе отмечается, что "современная семья утратила свои воспитательные функции, что приводит к вступлению в самостоятельную жизнь нравственно – инфантильных и духовно – неполноценных молодых людей, что подрывает благосостояние, безопасность, стабильность российского общества" [9].

В настоящее время многообразные и крайне острые проблемы российской семьи определяются как общемировыми тенденциями, характерными для промышленно развитых стран, так и спецификой переживаемого нашей страной новыми историческими условиями переходного периода:

- увеличивается малодетность семьи (доля однодетных семей достигает 31% от общего числа семей, с двумя детьми – 21,4%, а многодетные семьи составляют – 5,3%);
- активно растёт число неполных семей (сегодня в России их 5,2 млн., из них 98% составляют семьи, состоящие из матери и одного ребенка);
- растёт число детей, рожденных вне брака (в 2011 г. каждый третий ребенок в России рожден вне официального брака!);
- увеличивается численность социально незащищенной, уязвимой группы детей, в первую очередь детей из бедных семей, из семей беженцев и вынужденных переселенцев;
- снижается воспитательный потенциал семьи; на учете в органах внутренних дел состоят 125 тыс. родителей, уклоняющихся от воспитания детей или оказывающих на них отрицательное влияние; более 2 млн. детей не посещают школы; 70% подростков, употребляющих наркотики, проживают в неблагополучных семьях;
- растёт детская безнадзорность и беспризорность; распространяется насилие в семьях россиян – физическое, сексуальное, психологическое; 50 тыс. детей ежегодно убегают из своих семей; в семьях совершается около 30% умышленных убийств; ежегодно около 2 млн. детей жестоко избиваются родителями, а 2 тыс. детей заканчивают жизнь самоубийством [12].

Слабая социальная защищенность, материальные трудности, испытываемые семьёй в настоящее время, привели к сокращению рождаемости в России и формированию нового типа семьи - бездетной. Для современной городской семьи характерным типом семейных отношений можно считать тип, при котором супруги проживают там, где есть возможность совместного проживания, в том числе снимая жильё в наём. Проведенный среди молодежи социологический опрос, показал, что молодые люди, вступающие в брачный союз, не осуждают браки по расчету. Лишь 33,3% респондентов осуждают такие браки, с пониманием к нему относятся - 50,2%, а 16,5% даже "хотели бы иметь такую возможность" [13].

Современные браки довольно сильно "постарели". Средний возраст вступающих в брак за последние 10 лет увеличился среди женщин на 2 года, среди мужчин - на 5 лет. Тенденция, характерная для западных стран, создавать семью, решив профессиональные, материальные, жилищные и др. проблемы, наблюдается и в России. В настоящее время браки, как правило, являются разновозрастными, и иногда весьма прилично. Обычно при этом один из членов брачного союза, чаще старший, берет на себя ответственность за решение экономических, хозяйственно-бытовых и других проблем. И хотя семейные

психологи считают оптимальной разницу в возрасте супругов 5 - 7 лет, для современных браков характерна разница в 15 - 20 лет (причем, не всегда женщина является моложе мужчины) [14].

Изменение общественных отношений коснулось и проблем современной семьи. В практике семейных отношений имеют место фиктивные браки. В такой зарегистрированной форме брак характерен для столиц и крупных промышленных и культурных центров России, основой их становится получение определенных, прежде всего, материальных выгод.

Семья как сложная многофункциональная система выполняет ряд взаимосвязанных функций. Функция семьи - это способ проявления активности, жизнедеятельности её членов. К функциям следует отнести: экономическую, хозяйственно-бытовую, рекреативную, или психологическую, репродуктивную, воспитательную и др. По мнению учёных социологов, репродуктивная функция семьи является основной общественной функцией, в основе которой лежит инстинктивное стремление человека к продолжению своего рода [15]. Тем не менее, роль семьи не сводится только к роли "биологической" фабрики. Выполняя эту значимую функцию, семья является ответственной за физическое, психическое и интеллектуальное развитие ребенка, она выступает своеобразным регулятором рождаемости.

Человек приобретает ценность для общества только тогда, когда он становится личностью, и становление ее требует целенаправленного, систематического воздействия. Именно семья с ее постоянным и естественным характером воздействия призвана (формировать черты характера, убеждения, взгляды, мировоззрение ребенка. Поэтому выделение воспитательной функции семьи как основной имеет общественный смысл. Для каждого человека семья выполняет эмоциональную и рекреативную функции, защищающие человека от стрессовых и экстремальных ситуаций. Уют и тепло домашнего очага, реализация потребности человека в доверительном и эмоциональном общении, сочувствие, сопереживание, поддержка - всё это позволяет человеку быть более стойким к условиям современной беспокойной жизни.

Сущность и содержание экономической функции состоит в ведении не только общего хозяйства, но и в экономической поддержке детей и других членов семьи в период их нетрудоспособности. Естественно, что в период социально-экономических преобразований в обществе претерпевают значительные изменения и функции семьи. Ведущей в историческом прошлом являлась экономическая функция семьи, подчиняющая себе все остальные: глава семьи - мужчина - был организатором общего труда, дети рано включались в жизнь взрослых. Экономическая функция всецело определяла воспитательную и репродуктивную функции. В настоящее время экономическая функция семьи не отмерла, но значительно видоизменилась. Изменение функций семьи тесно связано именно с кризисными ситуациями в современной семье. Российская семья переживает тяжелый кризис. Утрачено значительное число семейно-нравственных традиций, изменилось отношение родителей к детям, в значительной мере разрушен психологический микросоциум семьи, ослаблена её воспитательная функция. Ребёнок часто живёт в условиях социально-психологической депривации, испытывает дефицит эмоциональной поддержки, семья не гарантирует ему защищённости.

Семейное воздействие на детей уникально по интенсивности и результативности. Оно осуществляется непрерывно, одновременно охватывая все стороны формирования личности, и продолжается многие годы. Это воздействие основано, прежде всего, на эмоциональных отношениях между родителями и детьми становится одним из основных факторов семейного благополучия.

Отчуждение родителей от детей, младших поколений от старших на фоне ущемления общечеловеческой и религиозной морали, ослабления ценностей семейного благополучия привело в конце 1980-х - начале 1990-х гг. к тому разгулу безнравственности и социальной патологии, который ярче всего раскрывает социальный кризис нашего общества, кризис экзистенциальных ценностей. Исходя из вышесказанного, России потребуются гораздо больше времени на преобразование всего строя жизни, переориентации его на интересы

семьи, чем западным странам. Отсюда, начинать государственную политику, направленную на семью, и думать о том, как сделать её эффективной, нам надо раньше.

Бездетность и малодетность стали достаточно распространенным явлением на большей части территории России, да и не только. Резкое снижение материального уровня вынуждает молодые семьи отказываться от рождения второго и третьего ребенка и откладывать появление первого. Семьи с двумя и большим числом детей чаще попадают в зону бедности и в этой ситуации не могут обеспечить своим детям полноценного питания, содержания и образования.

Современная ситуация в России (экономический кризис, нагнетание социальной и политической напряженности, межэтнические конфликты, растущая материальная и социальная поляризация общества и т.д.) обострила положение семьи. У миллионов семей резко ухудшились условия реализации социальных функций - репродуктивной, экзистенциального содержания и первичной социализации детей. Проблемы российской семьи выходят на поверхность, становятся заметными не только для специалистов. Это - падение рождаемости, рост смертности, уменьшение брачности и рост разводимости, увеличение частоты добрачных половых связей, увеличение частоты ранних и сверхранних, а также внебрачных рождений. Это и беспрецедентный рост числа отказов от детей и даже их убийств, и галопирующая подростковая и увы, детская преступность, и нарастание эмоционального отчуждения между членами семьи. Это и растущее предпочтение т.н. альтернативных форм брачной и семейной жизни, включая рост числа одиночек, неполных семей, бракоподобных отношений и квазисемей, рост числа брачных сожительства. Это и рост семейной девиации - злоупотребление алкоголем и наркотиками, рост семейного насилия и т.д.

Поэтому в данной связи многие социологи отмечают кризис семейно-брачных отношений, который проявляет себя в деформации семейных ценностей у большинства населения, в том числе у молодёжи. Современные социальные институты не в полном объёме осуществляют функции семейной социализации. Старшее поколение подчас не может дать подрастающему поколению пример позитивного семейного взаимодействия, с которым можно идентифицировать своё поведение в отношении будущей семьи. При этом молодёжь зачастую не имеет собственного опыта укрепления семейных отношений, что делает её весьма уязвимой для влияния «внесемейных» ценностей. В результате современные российские исследователи всё чаще констатируют слабую ориентацию подрастающего поколения на создание семьи и недостаточную подготовку молодых людей к семейному образу жизни [16].

По мнению специалистов, современная семья перестает быть основным способом включения молодого поколения в культурную традицию. Переход от традиционных семейных ценностей к светским привел к формированию качественно нового взгляда на ценность семейных отношений как фундамента для формирования благополучного семейного союза. Для традиционной модели семейных отношений характерными были такие ценности, как чувство значимости и необходимости семьи, гибкость в решении семейных проблем, взаимное уважение, честность по отношению к друг другу, умение прощать, наличие ответственности перед собой и своей семьей, внимание и щедрость к близким, общение с близкими - наличие диалога, укрепление семейных уз за счет следования традициям, обычаям, культуре.

В современных условиях семейные ценности изменились, приобрели новый смысл и значение, несколько утратили свою значимость как ценности. Самой большой проблемой, затрагивающей семейные ценности, является то, что они выступают как само собой разумеющееся явление. Такое положение ценностей указывает на отсутствие настоящего уважения к ценностям семейной жизни, их роли и влиянию на семью, ее развитие и функционирование в поле общественных отношений современности. Если для традиционного восприятия семьи характерно уважение к ценностям как спланированному семейным узы фактору, то в современном обществе наиболее важным фактором выступает

выражение свободы, самоопределения, самореализации личности. Вследствие этого теряется эмоциональная связь внутри семьи, общесемейная и духовная культура между членами семьи. Именно кризис семейных отношений привел к деформации роли семейных ценностей, выполняющих ведущую роль в процессе формирования благоприятного климата внутри семьи [17. С. 21].

В настоящее время изменения социальной и культурной среды усиливают противоречия между семейными и внесемейными отношениями, происходит разрушение институциональных основ традиционной семьи. Кризис семьи с несколькими детьми и пожизненного брака – это общемировой процесс, ярче всего проявляющийся в развитых странах. Малодетность – глобальная проблема нашего времени, возникшая вследствие исторического ослабления института семьи, разрушения семейного производства и превращения членов семьи в наемных работников, не имеющих новых, рыночных стимулов к рождению детей вообще. Современная деградация семьи как супружеского союза, союза родителей и детей и хозяйственного объединения, то есть как института, не выполняющего своих кардинальных функций – прямой итог прекращения инерционного действия норм семейного образа жизни, ухода в небытие семейного производства. Достаточно трех столетий вне семейного, ориентированного на рынок производства, чтобы иссякла потребность в детях как таковая. Новое общество не заботится о создании новых стимулов к рождению детей. Поэтому существует такая массовая потребность в однодетности в условиях рыночной экономики (наемный труд). Если рыночная экономика не изменится в этом отношении, то через одно демографическое поколение начнется ослабление потребности людей и в одном – единственном ребенке.

Задача государственной политики укрепления семьи состоит в том, чтобы создать в рыночной системе совершенно новую рыночную мотивацию к обзаведению семьей и детьми. Материнство и отцовство, по логике, должны стать профессиональным занятием, таким же, как любое другое дело. Общество должно испытывать потребность, заинтересованность в том, чтобы семья выполняла свои функции воспроизводства и социализации новых поколений. Вследствие этих явлений в жизни общества произошло изменение традиционной системы семейных ценностей, однако новой единой, целостной системы семейных ценностей в современной России пока не сложилось.

Таким образом, используя специфику философского и научного осмысления семьи, при котором семья рассматривается как особый социальный институт, выполняющий одну из важнейших функций общества – создание, воспроизводство и сохранение социальных ценностей, и, учитывая одну из важнейших тенденций современной цивилизации – стремление к индивидуализации и личностной самореализации человека, можно взвешенно оценить эволюционные процессы, происходящие в семье в XXI веке, строить прогнозы, разрабатывать проекты государственной семейной политики.

В настоящее время в России реализуется целый комплекс мер по демографическому развитию нашей страны [18]. И важнейшая роль в этой работе отводится семье, ведь ценности, прививаемые в детстве, остаются у человека на всю жизнь. Данная тема очень актуальна сегодня, когда в качестве приоритетного направления регионального социально-экономического развития обозначают развитие человеческого потенциала, становление и основное развитие которого происходит, на наш взгляд, именно в семье.

В современных условиях семейные ценности переживают сложный, неоднозначный период в своем развитии, меняясь, с одной стороны, под воздействием социально-культурных факторов, с другой – под воздействием внутренних процессов, происходящих в семье. Ценностные ориентиры находятся в тесной зависимости от процессов, происходящих в обществе и господствующей культуре, значимости и их роли как для отдельной личности, так и для общества в целом [19. С. 9].

В то же время, в процессе трансформации института семьи и брака, изменились такие семейные ценности, как общность хозяйственных интересов, значимость родства, особая роль отца в семье, семейно-свадебная обрядность, грамотное распределение семейных

обязанностей. Однако неизменными для современной семьи остались такие ценности, как материнство и родительство, особая роль женщины в семье, традиционная моногамия, уважение и любовь между членами семьи. Устранение подчиненного положения института семьи в обществе на всех уровнях общественной жизни - первостепенная задача общества и каждой отдельной семьи в целом. Каждый член общества должен иметь четкое представление о тех семейных ценностях, которые способствуют укреплению фундамента для создания крепкой и дружной семьи. Знание моральных и нравственных устоев играет важную роль в укреплении доверия к каждому члену семьи и повышению их уверенности. Семье, семейным ценностям принадлежит важная роль в ускорении культурного и социального развития общества, в воспитании подрастающего поколения, в достижении счастья каждым человеком [20. С. 5].

Между тем преувеличить важность этой социальной и культурной ячейки общества невозможно - необходимость семьи обусловлена потребностью человеческого общества в духовном и физическом воспроизводстве самого человека. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что как общество влияет на семейные ценности, создавая определенный тип семьи, так и семья оказывает немалое влияние на развитие и образ жизни всего общества.

Таким образом, семья – это важнейший институциональный элемент функционирования общества, его, так сказать, фундамент. Именно она оказывает непосредственное влияние на его всестороннее развитие путём воспроизводства населения, обогащения материальными и духовными ценностями, воспитания характера и формирования духовного опыта будущих граждан. Однако современные ценностные семейные ориентиры резко изменились: для людей исчезают мотивы, побуждающие вступать в брак, рожать и воспитывать детей.

Современная общественная практика показывает, что улучшение материальных условий в России не приводит к существенному увеличению числа детей в семье. Безусловно, экономический фактор играет важную роль, но причину существующих проблем нужно искать глубже – в сфере социально-нравственных установок. Следовательно, воспитание у молодёжи ценности семьи, формирование должного представления о семье являются одной из важнейших общественных задач. В рамках такой работы необходимо повышать уровень знаний молодых людей об основах семейной жизни и этике семейных отношений, продолжать работу по воспитанию у молодёжи традиционных семейных ценностей.

Нашему обществу необходимо, наконец, понять, что смысл жизни человека заключается не только в меркантильном личном интересе и накоплении материальных ценностей и богатстве, что можно проследить по востребованной в нашем обществе популярной литературе [21]. И что, помимо этого, существуют духовные ценности, имеющие не менее важное значение, чем ценности материальные. И самого пристального внимания заслуживают семейные ценности рождения и воспитания детей, которые, безусловно, потребуют немалых затрат денежных средств и вложений капитала. Однако экономический империализм в этом отношении не должен возводиться в абсолют, чтобы не перепутать цель и средство для её достижения. Поэтому в настоящее время ведущая роль семейных ценностей для развития института семьи и других социальных институтов, в том числе институтов образования и культуры, на наш взгляд, всё ещё остаётся бесспорной.

Библиографический список

1. Дармодехин, С. В. Семья в системе социальных отношений современного общества / С. В. Дармодехин // Мир психологии. – 2008. - № 3. - С.158-169.
2. Аксиология. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аксиология>
3. Семейные ценности. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Семейные ценности](https://ru.wikipedia.org/wiki/Семейные_ценности)

4. **Вербина, Г. Г.** Психология семьи: курс лекций / Г. Г. Вербина; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2006. – 238 с.
5. **Анафьянова, Т. В.** Особенности развития иерархии семейных ценностей молодой семьи / Т. В. Анафьянова // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 8 – С. 119-122. URL: http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=6463
6. **Порохнюк, Е. В.** Эволюция семейных ценностей в процессе трансформации традиционной семьи в российском и восточном обществах: социологический анализ / Е. В. Порохнюк // Вестник Астраханского государственного технического университета. Выпуск № 1 (55). 2013. - С. 79-81.
7. **Здравомыслова, О. М.** Статус и карьера женщины в современных условиях / О. М. Здравомыслова. – М., 2000. – 224 с.
8. **Жильцова, Ю. В.** Формирование семейных ценностей у студенческой молодежи / Ю. В. Жильцова, И.Р. Сорокина // Современная психология: материалы II межд. науч. конф. (г. Пермь, июль 2014 г.). – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 41-43. URL: <http://www.moluch.ru/conf/psy/archive/111/5654/>
9. **Тихонова, Н. А.** Христианские ценности в формировании семейных традиций в современной России / Н. А. Тихонова // Ежеквартальный информационно-методический журнал «Образование Ямала». 2014. № 6. // URL: <http://yamal-obr.ru/articles/chrcenn-5/>
10. Нуклеарная семья. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нуклеарная_семья
11. **Молчанова, С. В.** Семья и брак как социальные институты. Традиционные семейные ценности. Тенденции развития семьи в современном мире. Государственная поддержка семьи / С. В. Молчанова // URL: <http://festival.1september.ru/articles/614417/>
12. Проблемы развития социального института «семья» в России // URL: <http://voluntary.ru/dictionary/913/word/problemu-razvitija-socialnogo-instituta-semja-v-rosi>
13. Семья - социальный институт формирования личности // URL: <http://www.family-life.narod.ru/Page0-1.htm>
14. **Бендлер, Р.** Беседы. Свободы - это всё. Любовь - это всё остальное / Р. Бендлер, О. Фицпатрик . – М.: «Твои книги», 2009. - 384 с.
15. **Харчев, А. Г.** Исследования семьи: на пороге нового этапа / А. Г. Харчев // Социс. 1986. № 3.
16. **Заливанский, Б.** Семейные ценности современной молодежи / Б. Заливанский, Е. Самохвалова // URL: <http://belsolidarnost.ru/semeynye-cennosti-sovremennoj-molodyozhi/>
17. **Боулдинг, К.Э.** Роль женщины: от прошлого к настоящему / К.Э. Боулдинг. - М., 2001. – 240 с.
18. Традиционные семейные ценности в современной России. В Ульяновской области обсудят вопросы семейных ценностей. // URL: <http://73online.ru/readnews/31312>
19. **Глушкова, А. Е.** Роль современной российской семьи в формировании и сохранении социальных ценностей: Автореф. дис... канд. философ. Наук / А. Е. Глушкова. – Чита: Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, 2011. – 24 с.
20. **Иксанова, Ю.А.** Роль семьи в формировании и сохранении семейных ценностей / Ю.А. Иксанова // URL: www.firo.ru/wp-content/uploads/2012/10/Iksanova.doc
21. **Кийосаки, К.** Богатая женщина / К. Кийосаки; пер. с англ. И.В. Гродель. – 2-е изд. - - Минск: «Попурри», 2009. – 304 с.; Богатая русская женщина. Руководство по инвестированию для женщин / Авт.- составитель В. Надеждина. – Минск: «Харвест», 2010. – 256 с.

УДК 328

*Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
С.И. Дмитриева
Студентка 4 курса факультета международных
отношений Е.Б. Минашкина.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-951-554-37-45,
e-mail: kattyvuorik@mail.ru*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of
International Relations and World Policy Chair
S.I. Dmitrieva
student of VSU
E. B. Minashkina
Russia, Voronezh, tel. 8-951-554-37-45,
e-mail: kattyvuorik@mail.ru*

С. И. Дмитриева, Е. Б. Минашкина

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем современной мировой политики – проблеме ядерной программы Ирана. В ней освещены основные вехи развития ИЯП, переговорный процесс с группой стран "5+1", целью которого является урегулирование спорных вопросов и заключение всеобъемлющего соглашения. Также в статье делается акцент на странах-партнерах ИРИ в области атомной энергетики.

Ключевые слова: Иранская ядерная программа, группа "5+1", Российско-иранской сотрудничество, "Бушер", санкции.

S. I. Dmitrieva, E.B. Minashkina

NUCLEAR PROGRAM OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: MILESTONES

The article is devoted to one of the most topical issues of world politics – the Iranian nuclear program and explains the reasons for the Islamic Republic of Iran to seek nuclear weapons possession. It reflects the milestones in the development of the INP, the negotiation process with a group of "5 + 1", the purpose of which is to settle disputes and to conclude a comprehensive agreement. The article also focuses on the partner countries of Iran in the field of nuclear energy.

Key words: Iran's nuclear program, group of "5 + 1", the Russian-Iranian cooperation, «the Bushehr issue», sanctions.

Иранская ядерная проблема является одной из самых главных на повестке дня. Одни эксперты склоняются к мнению о том, что Иран, в силу геополитического положения и стремления к региональному лидерству, стремится обладать ядерным оружием. Другие эксперты вторят официальному Тегерану, который заявляет, что страна использует свое право на создание «мирного атома» [1].

Развитие атомной энергетики в Исламской Республике берет начало со времен правления шаха М. Пехлеви, тогда в середине 50-х гг. был создан Атомный Центр в Тегеранском университете. На сегодняшний день научно-техническая база состоит из трех ядерных центров:

- Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр при Тегеранском университете;
- Исфahanский ядерный исследовательский центр;
- Ядерный исследовательский центр сельского хозяйства и медицины в Карадже. Исследовательская деятельность также осуществляется и на АЭС в Бушере.

Следует отметить, что изначально разработки в ядерной области велись под руководством США, с которыми у Ирана в 1957 г. было подписано Соглашение о мирном использовании ядерной энергии. В соответствии с данным соглашением США обязались поставлять ИРИ необходимые установки, специалистов и необходимые материалы.

В период с 1967 по 1977 гг. в один ряд с США встали Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, а также ФРГ. Сотрудничество с европейскими странами привело к заключению контрактов на поставку ядерного топлива и оборудования для будущих АЭС, обучение специалистов, а также строительство двух АЭС в Бушере и Ахвазе. К 1994 г. планировалось завершить становление энергетической базы в ИРИ, но эти планы были всерьез подорваны. В Иране прошла революция 1978–1979 гг., а затем развернулась Ирано-иракская война 1980-1988 гг. После этих событий исследования были заморожены, а все достигнутые с европейскими и американскими партнерами договоренности были аннулированы. Более того, к середине 1990-х годов под давлением США от сотрудничества с Ираном в области ядерной энергетики отказались практически все страны, способные экспортировать ядерные установки и технологии.

В сентябре 1992 г. в Пекине между Ираном и КНР был подписан протокол о сотрудничестве в области атомной энергетики, в рамках которого Китай должен был поставлять в ядерный центр в Исфахане оборудование и установки для проведения комплексных научно-исследовательских работ. Также с КНР было заключено Соглашения о строительстве двух легководных реакторов мощностью 300 МВт каждый. Однако проекты были сорваны, так как КНР под давлением США отказалась от сотрудничества с Ираном.

Пожалуй, самым надежным партнером Ирана в области ядерных исследований является Россия, с которой были подписаны соглашения о сотрудничестве в этой сфере. Например, в 1992 г. было заключено Соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях». В соответствии с этими соглашениями предусматривались возможности поставки в ИРИ ядерных реакторов, совместные научные исследования, производство изотопов для медицинской и техникой сфер, а также подготовка иранских специалистов.

В 1995 г. в Москву прибыл президент Организации атомной энергии Ирана Реза Амроллахи. В ходе его визита был подписан контракт, по которому Иран в период с 2001 по 2011 гг. должны были поставлять ядерное топливо для АЭС в Бушере на сумму 300 млн. долл. Важным фактом является то, что в контракте процедура возвращения отработанного ядерного топлива (ОЯТ) не была детально прописана [2]. В те времена ОЯТ классифицировалось как радиоактивные отходы, которые на территорию РФ ввозить запрещалось действующим тогда законодательством. Но в феврале 2005 г., после внесения поправок в закон, представители обеих стран подписали соглашение, регулирующее процесс возврата ОЯТ [3].

3 октября 1997 г. президент ОАЭИ Реза Амроллахи во время встречи с генеральным директором МАГАТЭ Хансом Бликсом заявил, что Иран намерен в ближайшем будущем около 20% своих энергетических потребностей покрывать за счет ядерной энергетики, причем при помощи российских специалистов планируется построить еще три энергетических ядерных реактора: два реактора ВВЭР-440 и один ВВЭР-1000, который должен быть адаптирован под конструкции, сооруженные ранее немецкими специалистами в Бушере. [4]. В сентябре 2002 г. было объявлено о планах строительства в течение ближайших 20 лет АЭС общей мощностью 6 тыс. МВт [5]. В 2004 г. иранский посол в России подтвердил эти планы, сократив срок их реализации до 10 лет [6].

В 2003 г. Иран открыто объявил, что избрал курс на развитие ядерной программы, а в конце года состоялось подписание Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, который не был ратифицирован.

В 2004 г. в ИРИ обнаружили незаявленные центрифуги, что насторожило мировое сообщество. Западные страны, в числе которых США и Израиль, были весьма обеспокоены намерениями Ирана и попытались вынудить официальные власти отказаться от ядерных разработок. Изначально переговоры с ИРИ вели Франция, Германия и Великобритания,

затем группа "5+1" (Россия, Китай, США, Великобритания, Франция и Германия), а также продолжались переговоры с экспертами МАГАТЭ.

Затем в 2005 г. меджлис принял закон, в соответствии с которым правительство ИРИ обязалось развивать полный ядерный топливный цикл [7].

За последние несколько лет Совет Безопасности ООН принял 5 резолюций – 1696 (от 31 июля 2006 г.), 1737 (от 23 декабря 2006 г.), 1747 (от 24 марта 2007 г.), 1803 (от 3 марта 2008 г.) и 1835 (от 27 сентября 2008 г.). В них Ирану указывали на необходимость возобновления сотрудничества с экспертами МАГАТЭ, а также поддержания сотрудничества с мировым сообществом. Резолюции 1737, 1747, 1803 предусматривали введение экономических санкций в отношении ИРИ. Данные меры привели к политической изоляции ИРИ и серьезному внутреннему кризису страны. Несмотря на то, что во время президентства Ахмадинежада (2005–2013) Исламская Республика заработала 1,2 трлн долл., большая часть из которых была получена от продажи нефти, это не улучшило обстановку в стране.

С июля 2012 г. в ответ на развитие Ираном ядерной программы страны ЕС ввели эмбарго на импорт иранской нефти. От этого перспективы иранской элиты на перераспределение доходов, получаемых от нефтяных продаж, заметно ухудшились.

В марте 2008 г. официальный представитель правительства Ирана Голямхосейн Эльхам отметил, что «переговоры по иранской ядерной проблеме с “шестеркой” стран – международных посредников либо с другой отдельной страной больше проводиться не будут» [8]. Официальные власти Тегерана жестко осудили введение санкций, назвав их незаконным методом давления на страну, и выразили свою готовность исполнять требования Дополнительного протокола и других дополнительных документов в случае возврата ядерного досье из Совета Безопасности в МАГАТЭ.

16 ноября 2009 г. генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадей представил доклад, в котором сообщалось, что Иран не прекращал дообогащение урана и не останавливал проекты, связанные с тяжелой водой (ядерный реактор в Араке). Более того ИРИ не исполняла пункты Дополнительного протокола и приостанавливала сотрудничество с МАГАТЭ.

Однако в 2010 г. произошел новый разворот во внешней политике ИРИ, и в Женеве были возобновлены переговоры с представителями "шестерки".

В 2013 г. Организация по атомной энергии Ирана обнародовала программу строительства каскада АЭС, рассчитанную на 15 лет, в которую вошли 16 площадок.

С приходом к власти Хасана Роухани, который вступил в должность 3 августа 2013 г., произошли перестановки в вертикали власти. Так на пост министра иностранных дел утвердили соратника Роухани Мохаммада Джавада Зарифа. С его появлением в МИДе переговоры с "шестеркой" стали более продуктивными и регулярными.

11 ноября 2013 г. Иран и его партнеры по переговорам подписали Соглашения по "дорожной карте" дальнейшего сотрудничества, направленного на обеспечение мирного характера ядерной программы Ирана. МАГАТЭ провело инспекцию реактора на тяжелой воде в Араке и урановой шахты в Гачине (провинция Хормозган), а также получило доступ к информации о строительстве новых ядерных объектов.

24 ноября 2013 г., после целого ряда переговоров, было подписано Предварительное (Женевское) соглашение, вступившее в силу 20 января 2014 г. В результате Иран получил право развивать свою ядерную программу, но при этом сокращал обогащение урана и обязался не строить и не вводить в эксплуатацию реактор на тяжелой воде в Араке, который, по мнению экспертов, способен производить оружейный плутоний. Западные страны частично снимали санкции, в частности были разблокированы счета иранских компаний в зарубежных банках.

В Вене со 2 по 15 июля 2014 г. стороны вновь не смогли договориться, так как позиции по параметрам программы по обогащению урана сильно разнятся. Западные страны настаивают на сокращении числа центрифуг с 20 тыс. до 10 тыс. и на усилении контроля за их работой. Однако Иран требует увеличения числа центрифуг хотя бы до 50 тыс. в

течение действия Всеобъемлющего соглашения. По данным Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ), стране необходимо 190 тыс. центрифуг, что позволит стране покрыть свои потребности в обогащенном уране для производства топлива для АЭС и использовать его в других мирных целях, в том числе в медицинской и промышленной сфере[9].

По срокам и графикам выполнения пунктов соглашения тоже существуют разногласия. Иран настаивает на том, что действие соглашения, накладывающего ограничение на развитие ядерной программы до установления мирного характера разработок, должно длиться 5-7 лет, а западные страны говорят о 10-20 годах.

Реактор в Араке также вызывает подозрения у экспертов, но и возможность его реконфигурации тоже приводит к дискуссиям. Также не удалось договориться о дальнейшей судьбе иранского завода в Форду, в котором в настоящее время более 2 тыс. центрифуг обогащают уран до 5% (до Промежуточного соглашения 2013 г. уран обогащался на заводе до 20%). США заявляют о необходимости закрытия завода. ОАЭИ предложила три варианта перепрофилирования:

- создать на его основе научно-исследовательский центр как вспомогательный объект для ядерного центра в Натанзе;
- перепрофилировать завод в Форду в центр для получения устойчивых изотопов;
- создать в Форду физический научно-исследовательский центр и учредить на его базе лабораторию по изучению космической радиации, которая сможет проводить исследования в интересах других стран.

17 августа 2014 г. в Тегеране президент ИРИ Хасан Роухани встретился с гендиректором МАГАТЭ ЮкияАmano. В ходе встречи он отметил, что "Иран ничего больше не хочет, кроме соблюдения его законных прав, включая право на обогащение урана в мирных целях" [10]. Президент ИРИ подчеркнул, что за последние 12 лет "представители МАГАТЭ регулярно посещали иранские мирные ядерные объекты и неоднократно заявляли, что не обнаруживали никаких признаков отклонения в иранской ядерной программе" [11]. Роухани призвал МАГАТЭ быть беспристрастным в решении иранской ядерной проблемы. Он также отметил, что в целях достижения прогресса "Иран нуждается в современных, в том числе ядерных технологиях, связанных с получением электроэнергии, медициной, сельским хозяйством и промышленностью" [12].

Военный характер разработок ИРИ тоже актуальный и нерешенный вопрос. Если все же рассмотреть его подробнее, то в первую очередь, обратим внимание на то, что в ИРИ находятся крупные залежи урановой руды в провинции Йезд (до 100–150 кв.км), в провинциях Азербайджан, Исфahan, Белуджистан, Хоросан и Систан [13]. В промышленных масштабах разработка этих залежей началась лишь в 2000-х гг. В 1992–1993 гг. в данных регионах проводились специальные проверки Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Эксперты утверждают, что у Ирана запасов урана хватит лишь на 20 лет работы двух реакторов. А получаемый из природного урана концентрат может использоваться в качестве исходного компонента ядерного топлива для тяжеловодных реакторов (как реактор в Араке). Вашингтон же уверен в том, что власти ИРИ намерены создать запасы уранового концентрата для реактора, который будет разрабатывать плутоний для ядерного оружия.

В соответствии со статьей 4 Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ИРИ, как и любая другая страна, наделена правом создавать установки дообогащения урана до 4–5 %, что допустимо для исследований в мирных целях. Однако, дообогащение урана с 4–5 % до 95 % (уровень создания ОМУ) при наличии соответствующей базы не составит труда [14].

Также обвинительным мотивом является приобретение Ираном ядерных компонентов на черном рынке в 1980—1990-е годы [15]. Кроме того, активно используется довод о развитии иранской ракетной программы. Тегеран во время президента Ахмадинежада форсированными темпами осваивал советские, северокорейские и китайские ракетные

технологии с целью разработки баллистических ракет средней дальности, которые на Ближнем и Среднем Востоке имеют стратегическое значение. В результате были созданы и приняты на вооружение жидкостные ракеты «Шехаб-3» («Шехаб-3М») и «Гадр-1», в ближайшей перспективе возможно окончание работ по созданию твердотопливной ракеты «Саджиль-2» [16].

Вопрос развития иранской ядерной программы остается нерешенным и противоречивым. Официальная позиция "шестерки" заключается в том, что после выполнения Ираном всех своих обязательств перед международным сообществом, предоставления убедительных доказательств о мирном характере ядерной программы, ратификации Дополнительного протокола к Договору о нераспространении ядерного оружия 1970, все ограничения на развитие мирной ядерной программы должны быть полностью сняты. Исламская Республика Иран требует от Западных стран конкретных гарантий и серьезных уступок, на которые некоторые страны не готовы идти. Чем закончится столь длинный путь к итоговому соглашению, покажет время.

Библиографический список

1. Роухани: "секретные ядерные объекты" Ирана - намеренная ложь // URL: http://www.iran.ru/news/politics/96393/Rouhani_sekretnye_yadernye_obekty_Irana_namerenna_ya_lozh (дата обращения: 16.02.2015)
2. **Henry, P.** Iran to buy 4 Reactors, Says Russia // Moscow Time. – 1995. – Aug. 30.
3. Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. А. Арбатова, В. Наумкина. – Carnegie Endowment for International Peace. – М., 2005. – С. 18.
4. **Хлопков, А.** Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях / А. Хлопков // Научные записки ПИР-Центра. 2001. № 18. – С. 14.
5. **Тимербаев, Р.** Ближний Восток и атомная проблема / Р. Тимербаев // Ядерный контроль. 2003. Т. 9, № 3. – С. 24.
6. **Шафеи Г.** Углубление отношений с Россией не тактический прием, а осознанное желание / Г. Шафеи // Ядерный контроль. 2004. Т. 10, № 4. – С. 12.
7. Станет ли иранский атом персидским ковром для России? // Ядерный контроль. 2005. Т. 11, № 2. – С. 8.
8. **Сурков, Н.** Аналитик: Иран бросил новый вызов Западу // URL: http://www.ng.ru/world/2008-03-17/1_challenge.html (дата обращения: 16.02.2015)
9. Ядерная программа Ирана. Досье. // URL: <http://tass.ru/info/1408136> (дата обращения: 16.02.2015)
10. Иран намерен развивать сотрудничество с МАГАТЭ // URL: <http://vesti.az/news/214745> (дата обращения: 16.02.2015)
11. Там же.
12. Там же.
13. **Gerardi, G., Aharinejad M.** An Assessment of Iran's Nuclear Facilities // Nonproliferation Review. – 1995. – Spring-Summer. – P. 211.
14. Russia-Iran Reactor Deal Still on Track // Moscow Times. – 1995. – Sept. 30.
15. **Сажин, В.** Аналитик: Выбор Тегерана - URL: http://nvo.ng.ru/ng_energiya/2012-04-10/9_iran.html (дата обращения: 16.02.2015)
16. **Сафранчук, И.** Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества / И. Сафранчук // Научные записки ПИР-Центра. 1998. № 8. – С. 15.
17. Новый вызов после "холодной войны": распространение оружия массового уничтожения (Открытый доклад СВР за 1993 г.) // Официальный сайт СВР РФ / URL: <http://svr.gov.ru/material/2-1.html>. (дата обращения: 16.02.2015)

УДК 321

*Воронежский государственный университет,
Кандидат политических наук, доцент кафедры
социологии и политологии*

Е. Б. Зюзина.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 221-27-43;

e-mail: elenaborisonavgu@mail.ru

*Кандидат политических наук, преподаватель
кафедры социологии и политологии*

А. А. Романовский.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 221-27-43;

e-mail: politologvrn@mail.ru

Voronezh State University

*PhD in Political Sciences, Associate Professor of
Sociology and Political Science Chair*

E. B. Zyuzina.

Russia, Voronezh, tel. (473) 221-27-43;

e-mail: elenaborisonavgu@mail.ru

*PhD in Political Sciences, Lecturer of Sociology and
Political Science Chair,*

A. A. Romanovsky.

Russia, Voronezh, tel. (473) 221-27-43;

e-mail: politologvrn@mail.ru

Е. Б. Зюзина, А. А. Романовский

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье проанализированы нововведения в законодательстве по организации местного самоуправления в России, обобщены первые шаги их практической реализации, представлены различные точки зрения относительно содержания и возможных последствий данной реформы, показаны особенности опыта организации местного самоуправления в Воронежской области.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформы, муниципальное образование, муниципальный район, городской округ, глава муниципального образования, сити-менеджер.

E. B. Zyuzina, A. A. Romanovsky

**THE PROBLEMS OF LOCAL GOVERNMENT REFORM IN CONTEMPORARY RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF VORONEZH REGION)**

The article analyzes the innovation in the legislation on the organization of local government in Russia, summarizes the first steps of their implementation and presents different points of view regarding the content and the possible consequences of this reform, describes the features of the experience of the organization of local government in the Voronezh region.

Key words: local government, reforms, municipality, municipal district, city district, the head of the municipality, city manager.

Вступивший в силу Федеральный Закон Российской Федерации № 136 от 27 мая 2014 г. «О внесении изменений в статью 26 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» внес ряд нововведений в практику организации местного самоуправления в нашем государстве. Обобщая их, можно выделить следующие основные моменты:

1. *Формирование двухступенчатой системы в городских округах.* Согласно новым изменениям в законодательстве предполагается, что в крупных городах (городских округах) может появиться новая муниципальная единица – «внутригородской район». Законодательством он определяется как внутригородское муниципальное образование на части территории городского округа с внутригородским делением, в границах которого местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления [1]. В этом случае часть полномочий

отдается районным советам, а общегородские проблемы решаются городским представительным органом.

2. *Способы формирования представительных органов муниципальной власти.* Согласно принятым нововведениям способы формирования представительных органов муниципальной власти определяются законодательством субъектов Российской Федерации на их усмотрение. Федеральное законодательство дает регионам право выбора из следующих моделей формирования представительных органов муниципальных районов: а) он может состоять из делегированных глав поселений и депутатов представительных органов поселений, входящих в состав муниципального района; б) может избираться на муниципальных выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Аналогичные варианты предлагаются при формировании представительного органа городского округа, если в нем образованы внутригородские районы.

3. *Способы наделения полномочиями глав муниципальных образований.* Новыми поправками регионам предлагают самим определять, как избирать глав муниципальных образований – напрямую населением или из состава представительного органа власти. Согласно обновленному законодательству по решению субъекта Российской Федерации глава города (муниципального района) может избираться всеобщим голосованием, либо представительным органом (городской Думой, Советом народных депутатов района и т.п.) из своего состава. В первом случае он возглавляет либо городскую администрацию (и становится полноценным главой - «модель сильного мэра»), либо представительный орган – тогда главой администрации становится приглашенный по контракту «сити-менеджер», а у мэра остаются преимущественно формальные функции («гибридная модель»). Глава муниципального образования, выбранный депутатами, автоматически возглавляет представительный орган, а главой администрации становится сити-менеджер (модель «сити-менеджер»). «Сити-менеджеры» выбираются специальными конкурсными комиссиями, куда входит половина представителей субъекта РФ и половина представителей муниципалитета – депутаты представительного органа, представители общественных организаций.

В январе 2015 года в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были внесены поправки, согласно которым нанятые по контракту сити-менеджеры наделяются статусом полноценных глав муниципальных образований, а выполнявшие функции глав муниципалитетов в этих случаях спикеры местных советов остаются лишь в статусе председателей представительных органов [2]. Вводится и еще одна возможная модель организации муниципальных органов власти – в случае избрания главы муниципалитета представительным органом из своего состава, он теперь может возглавить местную администрацию (при этом его депутатские полномочия прекращаются).

4. *Разграничение полномочий.* В законе обозначена новая схема разделения полномочий между муниципальными районами и поселениями, а также между городским округом и внутригородскими районами. Местному самоуправлению обновленное законодательство оставляет «несгораемый остаток» полномочий: 13 – для сельских поселений, 16 – для всех остальных типов муниципальных образований. Субъекты Федерации также могут делегировать местному самоуправлению дополнительные вопросы местного значения, подкрепляя их финансовыми возможностями. Так, например, к числу полномочий внутригородского района относятся: исполнение и формирование районного бюджета, распоряжение имуществом в муниципальной собственности, пожарная безопасность, услуги связи, общественное питание, досуг, благоустройство территорий, торговля. Законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные вопросы местного значения для внутригородских районов и поселений с передачей необходимых для их осуществления материальных ресурсов и финансовых средств.

Предложенные в законе новеллы вызвали множество споров. Анализируя широкий спектр разнообразных мнений относительно очередной реформы местного самоуправления

можно выделить полярные точки зрения. Сторонники реформ высказывают следующие аргументы «за»:

- проведенные реформы будут способствовать приближению муниципальной власти к населению (в масштабах крупного городского округа единые органы муниципальной власти не в состоянии решать все стоящие задачи);

- способ формирования представительного органа муниципальных районов из делегатов поселений существенно удешевляет и упрощает процесс формирования органов местного самоуправления в муниципальном районе, а также обеспечивает непосредственное взаимодействие между районными и поселенческими властями;

- проведенные реформы предотвращают от конфликта элит – губернатора и законодательного собрания, которые теперь смогут договариваться в вопросе о назначении глав городов;

- назначенные сити-менеджеры акцентируют внимание на хозяйственных, а не политических вопросах, что позволит эффективнее решать социально-экономические задачи;

- в результате реформ повышается вариативность, то есть передача регионам возможности самостоятельно выбирать систему самоуправления [3].

Противниками реформ выступили некоторые представители муниципальной власти, а также ряд экспертов, в частности политологов. Ими отмечаются следующие недостатки:

- двухуровневая система местного самоуправления в крупных городах неизбежно повлечет удвоение властных структур, увеличение количества муниципальных служащих и, как следствие, увеличение расходов на содержание управленческого аппарата;

- разделение города на самостоятельные муниципальные образования может повлечь за собой определенные сложности с точки зрения сохранения единства городского хозяйства; положения закона никак не затрагивают вопросы, касающиеся имущественной, налоговой и вообще финансовой составляющей деятельности внутригородских районов;

- перекладывание значительной части полномочий сельских и городских поселений на районный уровень лишает низовой уровень самостоятельности в решении важных вопросов;

- новая система формирования представительных органов на районном уровне (делегирующие депутатов от поселений) может привести к возникновению конфликтов интересов у депутатов, вынужденных одновременно отстаивать потребности и района, и сельского поселения, делегатами которого они являются; есть вероятность решения проблем, стоящих перед районным советом, по остаточному принципу, в силу нехватки времени;

- нововведения способствуют усилению властной вертикали в силу сокращения количества муниципальных выборов, умаления избирательных прав граждан, сокращения возможностей граждан влиять на местную власть, политической безответственности сити-менеджера, привязке местного самоуправления к системе государственной власти;

- произойдет утрата управленческой стабильности в силу возможного разнообразия реализации моделей управления в регионах [4-6].

К концу ноября субъекты Российской Федерации должны были привести свое законодательство в соответствие с федеральным и принять решения, как формировать власть на местах. В частности, прежде всего, должен был быть решен вопрос: отменяются ли выборы мэров и будут ли городские думы формироваться из делегированных муниципальными районами депутатов, а не избираться. В 14 субъектах Российской Федерации депутаты и губернаторы высказывали намерение сохранить всенародные выборы (в их числе Красноярский край, Новосибирская, Сахалинская, Томская области). Законы, согласно которым отменены прямые выборы глав муниципальных образований и депутатов, приняты в Республике Алтай, Нижегородской, Челябинской, Орловской, Ростовской, Свердловской, Самарской областях и в ряде других регионов. По итогам реформы в 2014 году прямые выборы мэра были отменены в 11 административных центрах субъектов Российской Федерации, сократив число избираемых мэров до 21. Всего же прямые выборы мэров отменены уже в 49 региональных столицах [7]. Более чем из полусотни региональных

центров, отменивших выборы мэра до 2014 года, ни один не пересмотрел прежнего решения, хотя такая возможность законом о реформе местного самоуправления предусмотрена. Из 13 крупнейших городов-миллионников прямые выборы мэров возможно будут сохранены только в трех – Новосибирске, Красноярске и Воронеже.

Рассмотрим особенности организации практики местного самоуправления в Воронежской области, в том числе в контексте недавних изменений федерального и регионального законодательства.

В настоящее время в Воронежской области действует 506 муниципальных образований: 3 городских округа, 31 муниципальный район, 28 городских и 444 сельских поселений.

Институциональный дизайн сложившейся к данному моменту системы местного самоуправления в регионе был обусловлен приходом в 2009 г. на должность губернатора области бывшего федерального министра А.В. Гордеева. Взяв курс на обновление кадрового состава областной исполнительной власти, борьбу со сложившимися на тот период в политической элите региона «кланами» и решение других внутривластных проблем, новый глава региона столкнулся и с достаточно серьезным препятствием в сфере политики на уровне местной власти, трактованной как «двоевластие» [8. С. 167].

В ряде муниципальных районов и городских округов наблюдалось открытое противостояние между главой района и главой райадминистрации, что в свою очередь негативно сказывалось на управлении муниципалитетами. Стремясь решить данную проблему, губернатор дал импульс для развития действующей сегодня системы, показавшей себя вполне работоспособной. В большинстве муниципалитетов была закреплена практика, когда глава муниципального района (городского округа), избранный из числа депутатов, исполняет полномочия на непостоянной основе, а глава администрации назначается представительным органом по результатам конкурса. На сегодняшний день такая система действует в двух городских округах из трех – Борисоглебском и г. Нововоронеже, а также в 28-ми из 31-го муниципальных районах.

Опыт применения в Воронежской области института «сити-менеджера» позволил нивелировать ряд управленческих рисков. В частности, риски квалификационные. К лицу, претендующему на данную должность, в соответствии с Законом Воронежской области № 175-ОЗ «О муниципальной службе в Воронежской области» предъявляется ряд обязательных требований, которые создают предпосылки для назначения главой администрации муниципального образования по контракту наиболее компетентного претендента. Вместе с тем, процедура всенародных выборов на практике не гарантирует избрание главой муниципалитета, который также станет главой администрации, эффективного, опытного и компетентного руководителя и сопряжена с возможностью прихода к власти «случайного» человека (посредством использования PR-технологий, популистских заявлений и т.п.), не ставящего своей целью социально-экономическое развитие муниципального образования. Кроме этого, выборы влекут необходимость привлечения для организации избирательной кампании значительных финансовых средств. На практике часто это приводит к зависимости кандидата от структур, осуществляющих такую поддержку, что впоследствии выражается в лоббировании избранными главами местного самоуправления интересов своих спонсоров (например, агрохолдингов). Немаловажным аргументом в поддержку института сити-менеджера может являться также снижение рисков утраты контроля за всенародно избранным главой администрации. В случае невыполнения обязательств и задач по развитию территории расторжение представительным органом контракта с сити-менеджером является юридически и технически гораздо более простой процедурой, нежели отзыв избранного населением главы муниципального образования-главы администрации. Данный фактор имеет важное значение с учетом того, что реформа системы местного самоуправления должна обеспечить не только сокращение непродуктивных бюджетных затрат, но и сформировать баланс полномочий между исполнительно-распорядительными и

представительными органами муниципальной власти, наладить эффективные рычаги взаимного воздействия и контроля.

Несмотря на преимущество такой системы муниципального управления, она, конечно, содержит и определенные риски. Так, концентрация власти в одних руках дает большую возможность и для злоупотреблений со стороны сити-менеджеров. В том числе и с целью минимизации таких негативных явлений по инициативе А.В. Гордеева была выстроена сеть общественных приемных губернатора в районах, которые призваны обеспечить обратную связь региональной власти с населением. Кроме этого, было принято решение выходить на ежегодное соглашение между областным правительством и муниципалитетами. Указанные в соглашении критерии о достижении значений региональных показателей эффективного развития позволяют оценивать ситуацию в муниципальном образовании, динамику социально-экономической и общественно-политической ситуации, давать персональную оценку главы администрации района [9. С. 4]. Немаловажно, что муниципальные районы и городские округа, достигшие наилучших показателей, определенных соглашением, поощряются за счет средств областного бюджета.

Следует заметить, что в Воронежской области полного отказа от выборов глав муниципалитетов даже на уровне городских округов и муниципальных районов не произошло. Более того, на сегодняшний день Воронеж – единственный городской округ среди административных центров регионов ЦФО, где сохраняются всенародные выборы мэра. Помимо этого главы местного самоуправления избираются населением непосредственно в Аннинском, Лискинском и Новоусманском районах.

30.10.2014 г. Воронежской областной Думой был принят областной закон «О порядке формирования органов местного самоуправления в Воронежской области и о сроках их полномочий», который предварительно был обсужден с общественностью [10]. В итоге, в отличие от целого ряда субъектов РФ, где аналогичными законами жестко, на безальтернативной основе, закреплены модели формирования органов местного самоуправления, зачастую полностью исключая возможность проведения всенародных выборов, в Воронежской области муниципалитеты сами вправе выбрать из возможных вариантов формирования органов местной власти: для представительных органов – выборы или делегирование, для глав – также всенародные выборы или избрание из состава депутатов. Еще раз отметим, что решение о том, какой способ формирования органа местного самоуправления избрать в Воронежской области, принимает сам муниципалитет.

По нашим данным, выборы представительных органов сохранят 10 муниципальных районов. В то же время планируется переход к формированию представительных органов 15 районов из глав и депутатов представительных органов поселенческого уровня. В Воронежской области советы народных депутатов уже формируются путем делегирования представителей поселений в Новохоперском, Подгоренском, Рамонском, Репьевском и Эртильском муниципальных районах. Такой способ формирования позволяет повысить эффективность взаимодействия между органами местного самоуправления муниципальных районов и входящих в их состав поселений. Кроме этого позволяет сократить расходы на проведение избирательных кампаний и минимизировать те риски, которые они порой несут. К слову, в Воронежской области были случаи, когда в местные представительные органы с использованием «грязных» избирательных технологий активно избирались депутаты, не имеющие никакой связи с этими муниципалитетами.

Изначально поднимался вопрос и о введении «двухуровневой» системы в административном центре, но в результате от этой схемы на данном этапе было решено отказаться – областной закон ее не предусматривает. В июне 2014 г. управление региональной политики правительства области провело заседание Воронежского клуба политологов (регулярно действующая коммуникативная площадка с участием политических журналистов, представителей политологического академического сообщества региона и т.п.) по теме «Модели реформы органов местного самоуправления городов России: что лучше для Воронежа?». По мнению экспертов, в случае реализации «двухуровневой» системы в

Воронеже серьезной проблемой могла бы стать легитимность выборов во внутригородские советы. Высказывалось опасение, что подобные советы депутатов будут ангажированы или местным капиталом, или политическими силами, ориентированными не на деятельное решение городских проблем, а на достижение собственных узкокорыстных целей.

В то же время было решено изменить систему выборов в представительный орган административного центра – при сохранении численности состава Воронежской городской Думы (36 депутатов) избирательная система была изменена с мажоритарной (18 двухмандатных округов) на смешанную – 12 депутатов будут избираться по пропорциональной избирательной системе, остальные 24 – в одномандатных избирательных округах.

Обеспечение управляемости, экономической самостоятельности, социальной стабильности и инвестиционной привлекательности территорий муниципальных образований являются первоочередными задачами органов местного самоуправления. Анализ показывает, что сложившаяся на данный момент система организации муниципальной власти в Воронежской области учитывает специфику конкретных муниципальных образований, но в результате политической практики, очевидно, и она в дальнейшем потребует совершенствования и развития. В муниципальных образованиях необходимо создать условия для более гибкого и эффективного администрирования, исключения возможности возникновения иррациональных моделей организации органов муниципальной власти. Вводимые на федеральном уровне новшества в системе местного самоуправления должны учитывать данные аспекты.

Говорить об эффективности или неэффективности вводимых инноваций в целом в России пока рано. Очевидно, что масштабная реформа местного самоуправления на данный момент не предлагает решений многих стоящих перед местным самоуправлением задач, среди которых особенно стоит выделить необеспеченность имеющихся полномочий собственными финансами. В нынешних бюджетно-налоговых условиях большинство муниципальных образований являются дотационными и не в состоянии самостоятельно решать социально-экономические проблемы. Еще одним сдерживающим фактором реформ является пассивность самого населения, невостребованность местного самоуправления как инструмента демократии массовым сознанием. Поэтому одним из направлений реформы местного самоуправления, особенно в сельских поселениях, должно стать обучение широких слоев населения тому, как пользоваться для обустройства среды обитания демократическими правами, в том числе возможностями законодательства о местном самоуправлении.

Библиографический список

1. Федеральный Закон Российской Федерации № 136 от 27 мая 2014 г. «О внесении изменений в статью 263 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – (<http://www.rg.ru/2014/05/30/samoupravlenie-dok.html>)
2. Федеральный закон Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. N 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – (<http://www.rg.ru/2015/02/06/izbir-dok.html>)
3. Свердловские единороссы выступили в поддержку реформы местного самоуправления - (<http://ekaterinburg.bezformata.ru/listnews/podderzhku-reformi-mestnogo-samoupravleniya/18412112>)

4. **Макаркин, А.** Народу не оставят права выбора / А. Макаркин. – (<http://www.novayagazeta.ru/politics/65726.html>)
5. **Чаннов, С. Е.** Местное самоуправление 2014 год – реформа четвертая / С. Н. Чаннов, – (http://kizilov-inc.ru/sites/default/files/gm_articles/mestgo_samoupravlenie_2014_god.pdf)
6. **Дергачев, В.** Выборов станет меньше. / В. Дергачев – (http://www.gazeta.ru/politics/2014/05/20_a_6041649.shtml)
7. **Городецкая, Н.** Сити-менеджеры шагают по миллионникам. / Н. Городецкая – (<http://www.kommersant.ru/doc/2603480>)
8. **Селютин, В. И.** Некоторые политические итоги реформы системы местного самоуправления в России и ее региональные особенности / В. И. Селютин. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. – 2013. – № 2. – С. 167–168.
9. **Гордеев, А. В.** Путь к ликвидации «двоевластия» / А. В. Гордеев. // Самоуправление: теория и практика. – 2009. – № 7–8. – С. 4 – 5.
10. О порядке формирования органов местного самоуправления в Воронежской области и о сроках их полномочий: Закон Воронежской области от 10.11.2014 г. № 149-ОЗ – (<http://pravo.govrn.ru/?q=node/2677>)

УДК 314.74

*Воронежский государственный университет,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,
В. Н. Морозова
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru
Российский государственный социальный
университет, Филиал г. Воронеж
Кандидат исторических наук, кафедра социальной
работы и права социального обеспечения
Д. П. Золотарев
Россия, г. Воронеж, тел. +79601140209
e-mail: solotarew@yandex.ru*

*Voronezh State University,
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department
V. N. Morozova
Russia, Voronezh, tel. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru
Russian State Social University,
Branch, Voronezh
PhD in History of Social Work and Social Security
Law Chair
D. P. Zolotarev
Russia, Voronezh, tel. +79601140209
e-mail: solotarew@yandex.ru*

В. Н. Морозова, Д. П. Золотарев

ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

Статья посвящена опыту Германии по интеграции мигрантов в принимающее общество, выявлению эффективных механизмов адаптации иммигрантов и анализу основных проблем осуществления германской интеграционной политики.

Ключевые слова: модели интеграции мигрантов, правовое регулирование иммиграции, институциональная база миграционной политики, модель аккультурации

V. N. Morozova, D. P. Zolotarev

GERMAN EXPERIENCE OF MIGRANTS INTEGRATION INTO HOST SOCIETY

Article is devoted to the experience of Germany in integrating migrants into host society, finds out mechanisms of migrants' adaptation and analyzes the main problems of German integration policy implementation.

Key words: migrants' integration patterns, legal regulation of migration, institutional basis of migration policy, acculturation pattern.

В условиях глобальных миграционных трендов государства, выбравшие для себя путь принимающего общества, должны четко представлять, что эффективность управления миграционными процессами обусловлена, прежде всего, разработанностью правовых механизмов, обеспечивающих законное пребывание мигрантов на территории страны и их включенность в повседневную жизнь принимающего их общества.

Германию и Россию в плане разработки стратегий по правовому регулированию миграции объединяет необходимость учета не только внешней, но и внутренней миграции. Это обусловило ставку на адаптацию существующего в миграционной сфере законодательства к реалиям внутривнутриполитической и международной обстановок.

Немецкое законодательство в области миграционной политики регулирует иммиграционные и интеграционные процессы. При этом последние рассматриваются как неотъемлемая часть иммиграционной политики в целом. Германская модель аккультурации иммигрантов, или «модель без гражданства», основывается на восприятии мигрантами базовых принципов немецкого общества, но национальная идентичность мигрантов при этом не затрагивается.

Приведем некоторые статистические данные о мигрантах и структуре иммиграционных потоков в Германию.

Как свидетельствуют данные отчета Федерального министерства по мигрантам и переселенцам, в 2013 году в Германию прибыло 127023 мигранта, что существенно выше, чем в 2012 году – 77 651 человек [1]. При выборе места проживания иммигранты отдают предпочтение Северной Вестфалии (21,6%), Баварии (15%), Баден-Вюртенбергу (12%), Гессену (7%) Берлину (5,5 %). Наименьшее количество иностранцев проживает в Мекленбург-Передней Померании (2%), Бремене (1 %) и Гамбурге (2,9%), в Саарланде (1 %) [1].

Больше всего иммигрантов в Германию прибыло в 2013 году из России – 14 887 человек (примечательно, что в 2012 году РФ находилась только на 8 месте), а также из Сирии и Сербии [1].

Что касается возрастной структуры прибывшего населения, то по сравнению с 2010-2012 годами, когда на первом месте по количеству были мигранты от 35 до 40 лет, на втором – мигранты от 30 до 35 лет, на третьем – мигранты от 40 до 45 лет [1], ситуация с 2013 года существенно изменилась. Теперь в иммиграционных потоках преобладают мигранты до 16 лет (31%), на втором месте – мигранты 18-25 лет (21%), на третьем месте – мигранты от 25 до 30 лет (15%), причем доли мужчин и женщин также почти одинаковы [1].

Говоря о семейном статусе мигрантов, следует отметить, что большинство мигрантов женаты на иностранках или замужем за иностранцами, на втором месте мигранты, не имеющие семейных отношений, на третьем – разведенные мигранты, на четвертом – вдовцы/вдовы [1].

Современная иммиграционная политика объединенной Германии характеризуется, с одной стороны, проведением рестриктивной политики в отношении беженцев, этнических переселенцев и нелегальных иммигрантов, с другой – дифференцированным, избирательным подходом к категории трудовых иммигрантов определенных специальностей из стран Центральной и Восточной Европы [2].

На официальном уровне немецкие власти только в 2004 году признали, что Германия является страной иммиграции, а иммиграционные процессы в значительной степени влияют на формирование германского общества и требуют особого государственного регулирования. Отражением этого стал закон «Об иммиграции» 2004 года [3], в котором интеграционная политика была названа важнейшей государственной задачей.

Утвержденный по инициативе Ангелы Меркель в 2007 году масштабный государственный проект – «Национальный план по интеграции» [4] – объединил в себе более 400 отдельных интеграционных мер. В рамках принятого плана с 1 сентября 2008 г. на постоянной основе вводился тест для получения гражданства, ориентированный на иностранцев, проживающих в Германии, но не имеющих немецкого свидетельства об окончании школы. 2008 год был провозглашен годом интеграции.

Обязательный характер интеграционных курсов многими мигрантами был воспринят без энтузиазма. Было очевидно, что получать социальные пособия и не ускорять интеграцию в немецкое общество – вариант более предпочтительный для мигрантов [5].

После признания канцлером ФРГ А. Меркель провала механизмов политики мультикультурной интеграции в 2010 году принятия каких-либо принципиально новых интеграционных программ не последовало. Государство пошло по пути ужесточения законодательства [6]. Так, в 2011 г. в закон об иммиграции были внесены поправки. Большая их часть касалась именно интеграционной политики. Был усилен контроль за теми мигрантами, которые не желали проходить интеграционные курсы. Вид на жительство представлялся данным мигрантам на срок, не более одного года. Изменились требования и к семейным парам, в которых один из супругов претендует на вид на жительство. Сделать это возможным стало не ранее, чем спустя три года после совместного проживания в браке. А дети-подростки получали вид на жительство только при условии посещения германских школ и интегрированности (в том числе языковой) в немецкое общество.

В настоящее время миграционная модель аккультурации Германии сочетает в себе политику приема и интеграции переселяющихся этнических немцев на основе действующего «принципа происхождения» с приоритетной политикой привлечения высококвалифицированных иммигрантов [7].

Германия обладает не только широкой законодательной, но и институциональной базой для реализации интеграционной политики.

В германской интеграционной политике представляется эффективным четкое распределение полномочий на федеральном и земельном уровнях. Так, землям отданы значительные полномочия в вопросах «принимать – не принимать» мигрантов и в каком количестве. Городские власти заняты оказанием временной материальной помощи беженцам, поиском и предложением вакансий, организацией интеграционных курсов.

Задачи министерств и ведомств не дублируют друг друга, а четко разграничены. Функции реализации миграционной политики на федеральном уровне осуществляет Федеральное ведомство по мигрантам и переселенцам [8]. На страницах его сайта содержится подробная информация о законодательной базе Германии в сфере регулирования положения мигрантов, об условиях предоставления гражданства, об интеграционных курсах для разных групп мигрантов, о страховании, культуре и др. Ведомство имеет филиалы во всех федеральных землях, ответственные за предоставление убежища и координирующие интеграцию в региональном контексте [9].

Федеральное министерство иностранных дел рассматривает заявления на выдачу въездных виз [10]. Федеральное министерство внутренних дел в рамках своей компетенции следит за соблюдением миграционного законодательства, рассматривает заявления на предоставление гражданства, принимает решения о возможных депортациях [11]. За политику интеграции трудовых иммигрантов отвечает Федеральное министерство труда и социальных дел [12]. Осуществление интеграционной политики также связано с деятельностью Федерального ведомства по труду, осуществляющего выдачу разрешений на работу и не допускающего незаконное использование иностранной рабочей силы [13].

Большое значение для адаптации на местах имеют также общины, причем, их помощь переселенцам возведена в ранг законодательной нормы. В настоящее время очевидна неравномерность интеграции со стороны различных диаспор. В силу культурных, религиозных отличий от западного общества, наибольшие проблемы в интеграции возникают у турецкой диаспоры, предпочитающей жить обособленно [14]. Неоднозначны успехи еврейской диаспоры: с одной стороны, ее представители стремятся к интеграции, а с другой – стараются не отходить от традиций еврейского народа, религии, истории [15]. Более удачно интегрируется русская диаспора, хотя и здесь существуют свои сложности [16].

Основной проблемой остается поиск баланса между интересами иммигрантов (особенно трудовых), антимигрантски настроенной общественностью и базовыми демократическими принципами государства. Решению этой проблемы призваны содействовать интеграционные программы, по количеству которых Германия опережает другие западные страны.

Характеризуя германскую интеграционную политику, следует отметить ее двусторонний характер. Безусловно, инициатива большей части программ исходит от государства, но и общественность, со своей стороны, прилагает ряд усилий. Следует также учитывать, что интеграционная политика лишь создает условия для успешного включения иммигранта в национальное социальное государство, далее многое зависит от него самого.

Уже упомянутый Национальный план по интеграции, разработанный Германией в 2007 году на долгосрочную перспективу и скорректированный в 2012 году, включал в себя:

- качественное и количественное улучшение интеграционных курсов, предоставление дифференцированных программ;
- расширение содействия в изучении профессионального языка;
- разработку концепции общего языкового содействия в детских дневных учреждениях,

- поддержку экономической инициативы «Хартия многообразия» в рамках проводимой кампании «Многообразие как возможность» и др. [17].

В настоящее время существуют многочисленные программы, облегчающие интеграцию и предназначенные для определенных целевых групп мигрантов. Например, для школьников и молодежи с миграционным прошлым в возрасте от 12 до 27 лет существуют специальные образовательные программы, предоставляющие возможность изучить как минимум два языка; действуют программы для родителей-мигрантов по воспитанию детей, а также различные программы по организации свободного времени для детей, молодежи и взрослых [18].

Интеграционные программы направлены, прежде всего, на содействие языковой интеграции мигрантов, которая рассматривается в качестве условия для равноправного доступа людей с миграционным прошлым к образованию, профессиональной подготовке, к увеличению конкурентоспособности на рынке труда [18]. Для детей и молодежи из семей мигрантов хорошее знание немецкого языка является важной предпосылкой успешного обучения в школе, и, тем самым, залогом успешной профессиональной и общественной интеграции.

Основными элементами программ содействия в изучении немецкого языка германскими мигрантами являются изучение немецкого языка в качестве второго иностранного языка в детских садах и школах, формирование базовых языковых знаний, содействие в изучении языка старшими возрастными группами [19].

Изучение немецкого языка начинается с детского сада. Вид и объем изучаемого материала варьируются в зависимости от земли, в которой проживает мигрант. Перед поступлением в школу с детьми проводятся «вступительные» языковые тесты для выявления уровня владения языком. Для детей в возрасте до 6 лет существуют предложения по изучению языка с участием родителей [19].

Особенно нуждаются в содействии изучению немецкого языка старшие возрастные группы, поскольку они должны как можно быстрее интегрироваться в трудовую сферу или пройти соответствующую профессиональную переподготовку.

Наряду с языковым курсом трудоемкостью 600 часов, активно реализуется 45-часовой ориентационный курс, предоставляющий базовые знания о правовой системе, истории и культуре Германии [18].

Немаловажным звеном в политике интеграции выступает образовательная интеграция иммигрантов как важный шаг на пути интеграции в трудовую среду. Детям мигрантов сложнее поступить в высшую школу, о чем свидетельствует статистика: только 23% иностранных учеников поступают в гимназии, в то время как количество немецких учеников, поступающих в гимназию, составляет 46% [18]. По данным на сентябрь 2014 года, количество лиц с миграционным прошлым, зачисленных в немецкие вузы составляет около 126 000 человек [20].

Немаловажную роль в образовательных успехах молодежи с миграционным прошлым играют социально-экономическое положение в семье. Девушки-мигрантки значительно успешнее юношей-мигрантов в получении образования. В то же время мигранты второго и третьего поколения показывают лучшие результаты в образовании, чем их предшественники.

В настоящее время в рамках наиболее привлекательных для мигрантов образовательных программ по бизнес-администрированию практически во всех высших учебных заведениях предлагаются курсы по межкультурным коммуникациям.

В то же время проявляется существенная проблема – необходимость повышения квалификации специалистов, ведущих интеграционные курсы, с учетом формирования навыков межкультурного общения и работы в интернациональной мультикультурной среде.

Успехи интеграционной политики в Германии оказались далеки от первоначальных замыслов. То, что механизмы политики мультикультуризма в Германии потерпели полный провал, канцлер Ангела Меркель признала в 2010 году, призвав иммигрантов «учить немецкий язык и уважать христианские ценности, если они хотят жить и работать в

Германии. В противном случае Германия не будет терпеть у себя тех иммигрантов, которые ничего не делают для интеграции в местное общество» [22].

С 2012 года стала отмечаться тенденция сокращения срока интеграционных курсов, в том числе и по финансовым причинам, но при сохранении требований к необходимости их прохождения. В итоге, согласно статистическим данным Федерального ведомства по мигрантам и переселенцам, в 2012 году 128 171 человек приняли участие в интеграционных программах, в 2013 году – 167516 человек [1]; а всего с 2005 по 2014 годы в интеграционных курсах участвовало 1 433258 иммигрантов [21].

Согласно постановлению Европейского суда в ноябре 2014 года, Германия может отказывать безработным мигрантам из других стран-членов ЕС в выплате пособий, если они «неактивно» занимаются поиском работы, не знают языка и не имеют профессионального образования. Кроме того, это же решение суда зафиксировало, что иммигранты из других стран-членов ЕС могут находиться в другой стране Евросоюза в течение трех месяцев. При этом принимающая страна не связана обязательствами платить мигрантам социальные пособия [23]. Таким образом, суд прекратил практику так называемого «социального туризма» в Европе, на чем уже давно настаивала ФРГ.

На фоне кризиса идей и практики мультикультурализма перспективы германской интеграционной модели зависят в том числе и от способности выстраивания отношений между федеральным и земельным уровнями, что позволяет государству эффективно и своевременно реагировать на импульсы «снизу», а, значит, может повысить успешность реализации программ по интеграции мигрантов.

Германия не отказывается от политики мультикультурализма как идеи, она констатирует необходимость корректировки механизмов ее осуществления, в том числе и путем смещения акцента в сторону обязательных интеграционных программ. Благодаря созданным программам изучения немецкого языка для разных целевых групп, процесс интеграции ускоряется, так как интеграция начинается с изучения языка страны, в которую мигрировал иностранец, однако интеграция не всегда проходит успешно.

Пример Германии доказывает, что меры по регулированию миграции должны носить комплексный характер, затрагивая не только правовую, но и экономическую, социальную сферы и включая в себя организационные мероприятия по содействию интеграции иммигрантов, благодаря которым последние чувствуют себя частью немецкого общества.

В условиях, когда интеграционный процесс связан и с интересами самих мигрантов, и интересами германского общества, его ключевым фактором следует считать взаимное признание и толерантность. Важным элементом эффективной интеграционной политики является сотрудничество внутри страны, то есть между гражданским обществом, этническими группами или диаспорами, и на международном уровне – между странами происхождения и странами, принимающими мигрантов.

Следует также подчеркнуть, что неэффективность механизмов политики мультикультурализма является индикатором, в каком направлении необходимо корректировать правовую базу работы с мигрантами в дальнейшем, сохраняя при этом наиболее действенные и эффективные программы и проекты.

Библиографический список

1. Das Bundesamt in Zahlen 2013: Asyl, Migration, ausländische Bevölkerung und Integration / hg. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – (http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschueren/bundesamt-in-zahlen-2013.pdf?__blob=publicationFile)
2. Дебпер, С. Трудовые мигранты в в Германии: угроза или благо? / С. Дебпер. – 2011. – (www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=910)
3. Zuwanderungsgesetz. – 2004. – (<http://www.aufenthaltstitel.de/stichwort/zuwg.html>)
4. Integrationsprogramm in Deutschland. – (www.bmi.bund.de)

5. **Творогова, С. В.** Трансформируя пространство различий. Опыт интеграции этнокультурных меньшинств в Германии / С. В. Творогова. – (www.jsps.hse.ru/data/2012/10/03/1244539038/Tvorogova_Transformirui%20pristanstvo.pdf)
6. **Греслер, Б.** Иммигранты в Германии: интеграционная политика ФРГ требует доработки / Б. Греслер. – (<http://www.dw.de/a-3770164>)
7. **Баде, К.** Интеграция и иммиграция в Германии / К. Баде. – (www.deutschland.de/ru/topic/obshchestvo/obshchestvointegraciya/immigraciya-i-integraciya-v-germanii)
8. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – (www.bamf.de)
9. Aufbau // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – (http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Sonstige/organigramm.pdf?__blob=publicationFile)
10. Auswärtiges Amt. – (www.auswaertiges-amt.de/DE/Startseite_node.html)
11. Bundesministerium des Innern Deutschlands. – (www.bmi.bund.de/DE/Home/startseite_node.html)
12. Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (www.bmas.de/DE/Startseite/start.html)
13. Bundesagentur für Arbeit. – (www.arbeitsagentur.de)
14. **Большова, Н.** Германия: мигранты турецкого происхождения почти не вовлечены в политическую жизнь / Н. Большова. – (<http://www.mgimo.ru/news/experts/document240923.phtml>)
15. **Островский, А.** Проблемы и пути еврейской интеграции в Германии / А. Островский. – (<http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer1/Ostrovsky1.htm>)
16. **Лебедева, С. Г.** Проблемы адаптации русскоязычного населения в Германии на рубеже XX-XXI вв. / С. Г. Лебедева // Экономическая, социальная и психологическая адаптация личности в современных условиях, 2007. – С. 35-41.
17. **Бемер, М.** Национальный план интеграции – вклад Германии в формирование европейской политики интеграции / М. Бемер. – (http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/Issue_No10/N10_National_integration_plan_ru.pdf)
18. Bundesweites Integrationsprogramm. – (www.bmi.bund.de/cae/servlet/contentblob/1303978/publicationFile/96911/integrations)
19. Integration im Wandel der Generationen / hg. BAMF. – (http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/BlickpunktIntegration/2013/2013-01.pdf?__blob=publicationFile)
20. Bericht zur Integrationskursgeschäftsstatistik für den Zeitraum vom 01.01. bis 30.09.2014. – (http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Integrationskurse/Kursträger/Statistiken/2014-quartal-3-integrationskursgeschaeftsstatistik-bund.pdf?__blob=publicationFile)
21. Geschäftsstatistik zum Integrationskurs. – (<http://www.bamf.de/DE/Infothek/Statistiken/InGe/inge-node.html>)
22. В дебрях интеграции // Новостной ресурс. – (<http://lenta.ru/articles/2010/10/19/integration>)
23. Европейский суд разрешил Германии не выплачивать пособия безработным мигрантам // Новостное агентство «Город новостей». – (<http://www.city-n.ru/view/349025.html>)

УДК 316.422.42

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И.И. Садовая

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I.I. Sadovaya

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

И. И. Садовая

ЗРЕЛОСТЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА — ГАРАНТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается приоритетная роль институтов гражданского общества в деле организации современной государственной и национальной безопасности. По мнению автора статьи, исторически сформировавшиеся и подготовленные к диалогу с государством институты гражданского общества могут эффективно и мирным путём решать возникающие социально-экономические и политические проблемы современности.

Ключевые слова: гражданское общество, институты, государственная и национальная безопасность, социальный прогресс.

I. I. Sadovaya

THE MATURITY OF CIVIL SOCIETY'S INSTITUTIONS AS THE GUARANTY OF THE NATIONAL SAFETY

The article discusses the primary role of civil society in the organization of the modern state and national safety. According to the author, historically formed and prepared to engage in a dialogue with the state institutions of civil society can effectively and peacefully resolve emerging social, economic and political issues of the day.

Key words: civil society, institutions, state and national safety, social progress.

Понятие “гражданское общество” впервые употребляется Дж. Локком и А. Смитом для отражения исторического развития общества и его перехода от дикого природного состояния к цивилизованному положению [1]. Это понятие анализировали многие представители общественной мысли, начиная с Гегеля и Маркса до современных авторов XXI в. Под гражданским обществом они понимали общество на определенной стадии его развития, включающее добровольно сформировавшиеся негосударственные структуры в экономической, социально-политической и духовной сферах жизнедеятельности общества.

Гражданское общество позиционируется как общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости и социальной солидарности сильных и слабых [2]. Это означает, что важнейшим условием существования свободного общества в России является не только раскрепощение частной инициативы, но и развитая система социальной поддержки. Свободное общество может быть построено только в рамках стабильной политической системы, которая исключает любой произвол и предполагает активную роль государства в создании экономического порядка, имеющего целью благосостояние для всех. Рынок – это не самоцель, а только экономическое средство и своего рода инструмент достижения свободы и достатка всех граждан России. Задача государства в том, чтобы ориентировать свободный рынок на достижение социальных целей, а не в том, чтобы его к этому принуждать.

Современное гражданское общество исторически завоевало своё священное право на физическое существование и политическую значимость благодаря определенной системе

гарантий со стороны государства. В этом заключается взаимообусловленность и взаимозависимость гражданского общества и правового государства. Постепенное развитие правового государства, являющееся условием существования демократического строя, содержит в себе не только традиционное разделение власти на три ветви, но и дополняющее их разделение между гражданским обществом и государством.

Развитое гражданское общество выступает исторической предпосылкой становления правового государства. Без зрелого гражданского общества невозможно построение демократической политической системы. Только сознательные, свободные и политически активные граждане способны создавать наиболее рациональные формы коллективной жизни. Со своей стороны, государство призвано обеспечивать необходимые институциональные и другие условия для реализации прав и свобод личностей и социальных групп.

Все институты гражданского общества можно подразделить на несколько основных групп. Это – организованные формы, в которых индивид:

1) получает средства к удовлетворению жизненных потребностей в пище, одежде, жилье и т. д. Эти средства индивид может получить в производственных организациях, потребительских и профессиональных союзах и т.д.;

2) удовлетворяет потребности в продолжении рода, общении, духовном и физическом совершенстве и т. д. Этому способствуют семья, церковь, образовательные и научные учреждения, творческие союзы, спортивные общества и т. д.;

3) удовлетворяет потребности в управлении жизнью общества. Здесь интересы реализуются посредством участия в функционировании политических партий и движений.

Способность отдельных граждан, различных организаций граждан отстаивать свои частные интересы, возможность их удовлетворения по собственному усмотрению, не нарушая при этом чужих частных и общественных интересов, характеризует зрелость институтов гражданского общества.

Эволюция институтов гражданского общества должна выступать как естественная основа стабильности государственных институтов, в том числе и в России. И даже более того, зрелость социальных институтов гражданского общества является твёрдой гарантией, своего рода залогом государственной и национальной безопасности, а также социального прогресса. Воспитанные и культурные граждане в цивилизованном обществе не станут братья за оружие и выходить на улицы, устраивая погромы. В этом случае, они предпочтут цивилизованный путь и прибегнут к помощи гражданских институтов, таких, как суды и общественные выборы, ибо это – единственные правовые механизмы, могущие исправить ситуацию в нужную самому обществу сторону. Проблема, однако, возникает из-за того, что само общество часто не знает, чего оно само хочет, ведь общество неоднородно и состоит из различных групп с подчас противоречивыми взглядами, мнениями и суждениями. Здесь также может таиться опасность того, что во главе государства окажется диктатор и господствующая политическая партия, которая откажется признавать демократические институты гражданского общества и будет им противостоять. В этом случае общество должно найти в себе силы исправить создавшуюся ситуацию и свергнуть политическую тиранию. Таким образом, мы считаем, что государство и гражданское общество должны постоянно взаимодействовать, а ещё лучше сотрудничать и находиться, так сказать, в постоянном и конструктивном диалоге друг с другом.

И действительно, гражданское общество - это сфера самостоятельного проявления инициатив свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Согласно классической схеме Д. Истона, гражданское общество выступает как своеобразный “фильтр” требований и поддержки общества к политической системе [3. С. 320]. Развитое гражданское общество является важнейшей предпосылкой построения современного правового государства и его равноправным партнером [4].

Главными признаками зрелого гражданского общества являются следующие критерии, а именно: наличие в обществе свободных владельцев средств производства; развитая демократия; правовая защищённость граждан; определённый уровень гражданской культуры; наиболее полное обеспечение прав и свобод человека; свободное самоуправление; конкуренция образующих его структур и различных групп людей; свободно формирующиеся общественные мнения и плюрализм; легитимность институтов.

Как известно, институты гражданского общества – это, прежде всего, политические партии, общественные организации, неправительственные, некоммерческие организации и другие виды объединений граждан. Гражданское общество подразумевает участие граждан в институциональном развитии своего общества. Следовательно, в деле построения гражданского общества важны различные объединения граждан, такие, как некоммерческие организации (НКО), свободная пресса (независимые СМИ), другие важнейшие институты гражданского общества – церковь, семья, профсоюзы и другие институты, выполняющие функцию ограничения абсолютной и бесконтрольной власти государства.

Система сдерживания и противовесов по отношению к государственной власти – вот, что представляет собой сформировавшееся гражданское общество, которому не нужно прибегать к насилию для того, чтобы внести необходимые изменения в строй общественной жизни. Только цивилизованные методы и способы борьбы, которые являются вполне эффективными и успешными, являются отличительными признаками зрелого гражданского общества. В этом случае сами условия для возникновения конфликтов между представителями общества и государства исчезают сами собой, и общество и государственные институты власти и управления гармонично сосуществуют и уравновешивают друг друга в институциональных рамках механизма правового государства. Правовое государство возможно только в том случае, если законы соблюдает сама власть. Современное российское общество далеко от гражданского, пока оно остается пассивным объектом манипуляций со стороны власти. В целом речь идет о едином и достаточно последовательном процессе приспособления политической сферы к такому типу развития, при котором государство (власть) играет центральную роль в структурировании экономических, политических и социальных отношений.

Воспрепятствовать возвращению авторитарных и тоталитарных проявлений в нашей стране как раз и призвано гражданское общество, построению которого могут и должны способствовать следующие институциональные факторы, а именно:

- признание гражданских, политических и социальных прав неотъемлемой частью социума;
- создание многочисленных организаций, ассоциаций и институтов, поддержка их разнообразия;
- деятельность средств массовой информации в условиях свободы и плюрализма;
- финансовая поддержка политических партий, их независимость от государства;
- создание упрощенной законодательной базы для учреждения всевозможных фондов и других инструментов благотворительности, для развития малого бизнеса;
- предоставление самоуправления основным институтам (церковь, университеты, сфера искусства и т.д.);
- реализация принципа субсидиарности, то есть передачи права принятия решения и делегирование ответственности на тот уровень, на котором эти решения будут выполняться.

Из своего жизненного опыта мы можем сделать вывод, что в современной России ещё только началось формирование полноценного гражданского общества, и некоторые его институты действуют реально. Становление гражданского общества в России находится на начальной стадии своего развития, хотя уже предприняты некоторые шаги со стороны главы государства, например, создан Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Зрелость институтов гражданского общества должна способствовать укреплению либерального социального порядка. Данный тезис перекликается с марксистским тезисом о

том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [5. С. 354.]. В противоположность этому тезису можно утверждать, что ни одна «менее развитая страна» не повторила исторического пути и не установила у себя те же самые институты, которые демонстрировала ей страна «промышленно более развитая» [6].

Неудачи в либеральном государственном строительстве российская политическая элита видит вовсе не в своих действиях, а в несформировавшемся гражданском обществе, т.е. отсталом российском народе. В этом смысле достаточно показательным явился ответ на вопрос корреспондента газеты «Time» Президента Российской Федерации В.В. Путина о возможности доверять населению прямые выборы губернатора: «Дело не в населении, а дело в том, что у нас, к сожалению, еще так называемое гражданское общество является недостаточно развитым, вот на что мы должны обратить внимание» [7].

Государством даже была создана «Федеральная программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации». Иными словами, современный статус правящей элиты является исторически закономерным для российского народа. Эта «закономерность», конечно же, отрицает в принципе всяческое сопротивление любому произволу этого «правового» государства.

Естественно, гражданское общество западного образца возможно в России разве что только в основных чертах. Попытка государства построить гражданское общество предполагает равный диалог с населением. А для этого правящей элите нужно определиться, служит ли она российскому народу, народам Запада или только преследует свои собственные корыстные интересы. Россия находится в начале пути становления гражданского общества. Для этого уже сделаны некоторые шаги как со стороны государства, так и со стороны всего населения страны, то есть общества в целом.

В ряде западных исследований отрицается само существование гражданского общества в России, самобытность организации его рассматривается в качестве архаики [8]. Это подводит необходимый фундамент для обоснования рецепции конструкции гражданского общества западного образца. Однако при рассмотрении истории СССР исследователи «вынуждены» признать факт наличия гражданского общества, но с отдельными оговорками, сводящими его существование к простой формальности.

Прежде всего, доказывается, что гражданское общество - это наследство, доставшееся со времен Российской империи; доказывается, что в СССР гражданское общество было практически ликвидировано в конце 1920-х гг. Государство расширило свою сферу влияния вплоть до семейных отношений, жестко регламентировало гражданские отношения, добилось отчуждения граждан от многих интересов, потребностей, связанных с признанием человека, его свобод, собственности. Естественные права человека отрицались на государственном уровне. В юридическом плане отрицание естественных прав человека опиралось на позитивистскую доктрину, которая признает правом то, что закреплено законом, в политическом - на классовую идеологию.

Хотя все же советское государство предоставляло своим гражданам возможности по самоорганизации и самодеятельности, прежде всего, в общественной сфере, хотя и держало эти процессы под жестким контролем. Институтами гражданского общества в СССР были: Советы, профессиональные союзы, общественные организации (комсомол, пионерия, ДОСААФ, комитеты защиты мира, ветеранские организации и союзы и др.), научные, просветительские и творческие объединения, кружки самодеятельности и клубы по интересам, общества трезвости и т.д. В СМИ поощрялись критика и самокритика, заседали товарищеские суды, работали домкомы, отношения людей во многом регулировались нормами «советской морали», в важных пунктах совпадавшей с «общечеловеческой». Деятельность религиозных институтов официально не поощрялась, но и не запрещалась полностью.

Некоторые исследователи полагают, что в России на сегодняшний момент существует гражданское общество, состоящее из политической и экономической элиты и бюрократии.

Именно такое «общество» подпадает под основные критерии западных теорий. Остальное российское население просто находится за бортом правовых и экономических реформ в новом качестве «крепостных». Правовые и экономические реформы достигли успеха именно в отношении такого гражданского общества [9].

В настоящее время гражданские движения в России переживают настоящий бум. Возникают всё новые профессиональные, молодежные, экологические, культурные и иные объединения; однако их количественный рост опережает рост качественный. Некоторые организации появляются как ответ на сиюминутные проблемы (например, союзы обманутых вкладчиков), другие с самого начала носят открыто ангажированный политический характер («Женщины России», Партия пенсионеров). Контроль над подобными объединениями со стороны государства значительно облегчается, а многие из гражданских инициатив, становясь предметом политического торга, утрачивают свою альтернативность и общезначимый характер. Тем самым нивелируются основные черты гражданского общества: неполитический характер, противоречивость и альтернативность политической системе. Самоуправляющиеся структурные элементы начинают строиться по принципу все расширяющего свои функции государства.

Свободное общество может быть построено только в том случае, если в этом заинтересовано большинство. Обязанность государства - в создании условий для того, чтобы от свободы выиграло максимально возможное число граждан. Право на свободу имеют не только богатые и сильные, но также бедные и слабые. Последние должны иметь шанс её получить. В этом - отличие современного социального либерализма от его радикальной версии XIX в.

Социальный либерализм XXI в. ориентирован на проведение реформ в интересах всех без исключения граждан России, а не только преуспевающего меньшинства. Пересмотр прежних подходов к реформам необходим, учитывая масштабы социального расслоения и диспропорций регионального развития России, угрожающие в будущем её единству. Цивилизованное распределение национального дохода должно быть таким же приоритетом государственной политики, как и его рост.

В современной России не разрешено одно из базовых противоречий между российским социумом и государством: потребность в самостоятельно организованной среде повседневной жизни, регулируемой недвусмысленными, понятными гражданам нормами, находится в противоречии с односторонней зависимостью ее организации от социальных институтов, пользующихся властными полномочиями для произвольной регламентации гражданских прав. С ней сталкивается не только большинство граждан, но и активисты общественных организаций. В России распространено мнение о том, что законодательство создает возможности для административного произвола.

Среди трудностей становления российского гражданского общества отечественными исследователями отмечается не только распад традиционных норм и социокультурных связей, но и возникновение завышенных материальных и статусных ожиданий [10]. Эти ожидания, особенно на ранних, незрелых стадиях построения гражданского общества, чаще всего не могут быть реализованы, так как они сформировались из традиционного, архаического духовного и психологического склада народа, основанного на российских традициях и менталитете. Эти массовые ожидания и чаяния были универсальной ответной реакцией на тяготы перехода к новым "многогранным горизонтам свободы" в новых условиях рыночной экономики.

Эволюция институтов гражданского общества в России должна привести к созданию долговременной и прочной основы для стабильности не только самого гражданского общества, но и институтов государства, что будет способствовать дальнейшему развитию процессов мирной кооперации общественных сил и государства во имя процветания всех и каждого члена нашего общества. "В условиях новой геополитической ситуации и противоречивого транзита нашей страны к устойчивому развитию существенно возрастает, как очевидно, актуальность проблемы обеспечения национальной безопасности России, в

архитектонике которой особую иерархическую позицию занимает экологическая безопасность” [11. С. 3].

По нашему мнению, зрелость институтов гражданского общества в любой стране мира может служить реальной гарантией государственной и национальной безопасности, это – конкретная основа для адекватного и своевременного ответа на внешние и внутренние вызовы современности, и в первую очередь в сфере безопасности по самым различным её направлениям в текущих условиях глобализации.

Таким образом, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы, а именно:

1. Зрелые институты гражданского общества являются важнейшим элементом в тонко настроенной очень чувствительной системе сдержек и противовесов современного общества, позволяющим контролировать и ограничивать деятельность институтов государственной власти и бизнеса, предотвращая нарушения закона и их чрезмерное вмешательство в частную жизнь граждан.

2. Зрелые институты гражданского общества позволяют эффективно продвигать интересы различных социальных групп, защищать их права, в том числе посредством выдвижения законодательных инициатив.

3. Зрелые институты гражданского общества, функционирующие на основе сотрудничества и кооперации различных социальных групп, сглаживают социальные противоречия и гармонизируют общественные отношения.

4. Зрелые институты гражданского общества позволяют устранять нежелательные административные, экономические и институциональные барьеры в политической и экономической системе, препятствующих нормальному течению жизненно важных и рабочих процессов. Как отмечают специалисты, “успешное решение комплекса задач российской экономики в посткризисный период требует огромных усилий, времени по преодолению институциональных, экономических, технологических, административных, социальных и других барьеров и консолидации всех ресурсов и слоёв общества” [12. С. 12].

Итак, гражданские институты не только позволяют современному обществу нормально и эффективно функционировать и обеспечивают его стабильную жизнедеятельность, но и, что сегодня немаловажно, гарантируют его относительную безопасность, то есть защищенность жизненно важных интересов личности, семьи и общества от внутренних и внешних угроз. Институты гражданского общества при условии достижения ими достаточной социальной и политической зрелости закономерно обеспечивают различные виды и уровни защищённости и безопасности, в том числе социальную, экологическую, экономическую, политическую и прочие виды безопасности [13].

В этом плане институты гражданского общества являются ключевой гарантией сохранности самого общества и эффективности национальной безопасности, ведь без развитого гражданского общества не будет и сознательных и грамотных граждан, готовых и умеющих служить в армии или в системе правоохранительных органов власти и т.д. Для обеспечения различных видов безопасности, и в первую очередь - национальной безопасности, необходимо создание и всемерное развитие институтов гражданского общества, системы социальных стандартов, в выработке которых посильное участие может принять и само общество, и государство. Получается, что обе эти силы, которые вынуждены сосуществовать, противоречиво взаимодействуя и взаимно влияя друг на друга, могут улучшить качество своих институтов, что непременно отразится на качестве жизни населения страны и его безопасности. Поэтому в этой связи мы и склонны утверждать, что зрелые институты гражданского общества – это гарантия национальной безопасности для любой страны мира.

Библиографический список

1. **Смит, А.** Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Изд-во «Эксмо», 2007. – 960 с.

2. Гражданское общество. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданское_общество
3. **Easton, D. A.** Framework for Political Analysis. London; Sydney; Toronto; New Delhi; Токуо, 1965. См. также: **Истон, Д. А.** Системный анализ политической жизни / Д. А. Истон // Режим доступа: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/iston.htm>
4. **Баренбойм, П. Д.** Правовое государство как партнер гражданского общества / П. Д. Баренбойм // Законодательство и экономика. – 2010. – № 9.
5. **Маркс, К.,** / К. Жильцова Ю.В.Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд. – Т. 25. Ч. 2.
6. **Ореховский, П. А.** Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора / П.А. Ореховский // Вопросы экономики. –2011. –№ 5. // Лаборатория Экономического Анализа. Электронный ресурс. URL: <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php@htmlfile=orekhovsky-27.htm>
7. "Предлагаю говорить по-честному...". Владимир Путин дал интервью журналу Time // Российская газета. – 2007. – 21 декабря. - № 287 (4550). // Электронный ресурс. URL: <http://www.rg.ru/2007/12/20/putin-time.html>
8. **Левин, И. Б.** Гражданское общество на Западе и в России / И. Б. Левин // Электронный ресурс. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Levin_1996_5.pdf
9. **Попов, Е. А.** Современное гражданское общество в России: проблемы становления и регионального развития / Е. А. Попов // Социодинамика. – 2012. – № 1.
10. **Рябев, В. В.** Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления / В. В. Рябев // Вестник МГТУ. – 2010. – Том 13. – № 2. – С. 439-445.
11. **Смышляев, В. А.** Экологическая безопасность России: теоретико-методологические основы политологического анализа / В. А. Смышляев. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 172с.
12. Экономические и институциональные барьеры в посткризисной экономике России / **Под ред. Д. А. Мещерякова.** – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012. – 191 с.
13. Социальная безопасность - основа социальной политики. По материалам Пленарного заседания Общественной палаты РФ. 25 сентября 2008 г.// Институт проблем гражданского общества. Электронный ресурс. URL: <http://inpgorsoft.ru/508/586/>; **Ромашенко, Т. Д.** Экономическая безопасность национального хозяйства: теория, методология, формирование в России: монография / Т. Д. Ромашенко. - Воронеж: Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 215 с.; **Федосова, С. П.** Экономическая безопасность России в условиях глобализации. / С. П. Федосова. – Воронеж: Научная книга, 2006. – 217 с.

УДК 93

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран*

И. В. Форет

*Студент 3-его курса кафедры регионоведения
экономики зарубежных стран*

С. С. Степняк

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 239-29-31;

e-mail: irinaforet@mail.ru;

e-mail: sss1994@gmail.com

Voronezh State University

*PhD in History, Associate Professor of Regional Studies
and Economics of Foreign Countries Chair,*

I. V. Foret

*Student of 3-rd grade of Regional Studies and Economics
of Foreign Countries Chair*

S. S. Stepniak

Russia, Voronezh, tel. (473) 239-29-31;

e-mail: irinaforet@mail.ru;

e-mail: sss1994@gmail.com

И. В. Форет, С. С. Степняк

**ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ И
ЭВТАНИЗИИ ВО ФРАНЦИИ**

Подход к пониманию добровольного и принудительного лишения жизни в Европе различается. Споры, как в академической, так и в обывательской среде все больше делят французское общество на два диаметрально противоположных лагеря – сторонников смертной казни и эвтаназии и их противников. Однако проблема гармонизации правовых норм национального и европейского права вносит еще больший диссонанс в этот и без того парциальный и животрепещущий вопрос для французов.

Ключевые слова: эвтаназия, смертная казнь, Франция, коллизия, диспут.

I. V. Foret, S. S. Stepniak

**LEGAL AND SOCIAL PROBLEMS OF THE DEATH PENALTY AND EUTHANASIA IN
FRANCE**

The approach to the understanding of voluntary and forced deprivations of life in Europe differs. The debates in academic and popular media increasingly divide French society into two diametrically opposed camps - supporters of the death penalty and euthanasia and their opponents. However the problem of harmonization of legal norms of national and European law making even greater dissonance in this already complicated and burning question for French.

Keywords: euthanasia, the death penalty, France, collision, dispute.

Чрезвычайно важной особенностью, как и применения, так и отношения французов к смертной казни и самому факту лишения человека жизни было то, что именно Франция была последней страной в Европе, где была совершена последняя казнь путем отсечения головы в 1977 году. Примечательно, что бы казнен именно выходец из Туниса за зверское насилие и убийство своей подруги. Однако уже в 1981 году, Франсуа Миттеран, почти сразу после прихода к власти решил ввести мораторий на казнь, и уже в 2007 году Национальная ассамблея проголосовала за ее полную отмену. Итак, Франция стала последней страной в Европе отменившей смертную казнь.

Французское общество прошло так называемое революционное развитие, в отличие от большинства европейских соседей. За последние 200 лет во Франции сменилось 5 республик, 3 монархии, и десятки правительств, включая коллаборационистский режим маршала Петена. Революционный террор, волнения 1830 года, Парижская коммуна, дело Дрейфуса, Первая и Вторая мировые войны наложили отпечаток “кровавого возмездия” за любое тяжкое преступление, и во французском обществе принято полагать, что человек заслуживающий смерти ее получает.

Например, во Франции уже в конце XVIII столетия смертная казнь назначалась в 119 случаях. По code penal 1810 года она назначалась еще в 39 случаях, причем за отцеубийство была сохранена даже квалифицированная смертная казнь, но это число было значительно уменьшено реформами 1832 и в особенности 1848 гг., отменившими эту казнь за политические преступления, хотя даже после этих реформ по числу случаев караемых смертью, французский кодекс на первую четверть XX столетия занимал одно из первых мест, причем смертная казнь назначалась не только за тяжкие виды убийства, но и за другие преступления, окончившиеся смертью потерпевшего, как кастрация, или грозившие опасностью жизни - лишение свободы, истязания, поджог, взрывы и т.п. [1]. Уже в XIX-XX веках во Франции сложилось два разных принципа мышления - что в казни преступника нет ничего плохого и что смертная казнь есть пережиток прошлого.

Изначально процесс отказа от смертной казни проходил исключительно на национальном уровне, последовательно от страны к стране. Однако в последнее время ведущие международные институты, такие как ООН и Европейский Совет, занялись вплотную этой проблемой. Вопрос о нецелесообразности применения смертной казни теперь относится к категории прав человека. Европейский Совет принял ряд документов, в том числе сначала протокол №6, запрещающий смертную казнь, за исключением периода военных действий. А затем и протокол №13, отменяющий высшую меру наказания без каких-либо ограничений.

Но такие политические партии как “Национальный Фронт” и даже их центристские коллеги “Союз за народное движение” имеющие влияние на парламент, заявляли, что за ряд преступлений смертная казнь вполне допустима. Однако же, мало их правых европейских коллег разделяют их мнение и не готовы декларировать уверенность в том, что смертная казнь может кардинально решить проблему преступности.

В целом, сложно говорить конкретно, но противоречия во французском обществе нарастают – становится как все больше сторонников смертной казни, так и их оппонентов. Юридически, в Европе смертная казнь запрещена, лишь в Англии она имеет место быть как альтернативный вариант наказания, но из-за особенностей прецедентного права на практике может применяться, однако при подобном исходе Англия потеряет место в фарватере самых гуманистических стран мира.

Невероятно точным здесь является высказывание Альбера Камю о восприятии смертной казни у себя на Родине да в Европе в целом: “Когда в Польше нацисты проводили прилюдные казни заложников, они затыкали рты жертв повязками, пропитанными гипсом, опасаясь, что из уст казнимых прозвучат призывы к сопротивлению и свободе. Нельзя цинично сравнивать участь этих невинных жертв с участью осужденных преступников. Но - исключая то обстоятельство, что у нас идут на гильотину не одни лишь преступники, - метод остается тем же самым. Мы скрываем медоточивыми речами правду о высшей мере наказания, о законности которой можно рассуждать лишь после того, как вникнешь в ее действительную суть. Прежде чем говорить о необходимости смертной казни, а затем ее замалчивать, нужно сначала сказать о том, чем она является на самом деле, а уж потом решать, необходима ли она” [2].

Социальные противоречия, возникающие из-за самого факта лишения человека жизни, выливаются в различные статьи, книги, требования, манифестации, различного рода политические инсинуации и саморекламу, проходящие под видом реформ уголовного законодательства (Например, российский закон об ужесточении ответственности за коррупцию [3].) Аналогичные веяния происходят и во французском обществе, когда у власти находятся сторонники прав человека и гражданина, не принимающие ни в каком виде возвращение смертной казни, но пытающиеся также снискать себе определенную популярность, не имея сильной электоральной поддержки.

В ноябре 2007 года в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи ООН после затяжных дискуссий и напряженного противостояния 99 голосами "за" при 52 "против" и 33 "воздержавшихся" был принят проект резолюции о введении моратория на смертную казнь

В принятом проекте отмечается, что на сегодняшний день нет никаких убедительных доказательств того, что смертная казнь является фактором сдерживания. В нем подчеркивается, что любые ошибки или недостатки системы правосудия в условиях ее применения имеют необратимый и непоправимый характер. Представители Сингапура, Египта и ряда других делегаций заявили, что отсутствие консенсуса по проекту резолюции приведет к еще большей конфронтации в Комитете и не будет способствовать укреплению сотрудничества в сфере защиты прав человека. Формально проект подлежит одобрению на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Никогда раньше обсуждение вопроса о смертной казни в рамках Третьего комитета не приводило к принятию резолюции. Она считалась "непроходной" в рамках форума, где голосуют все государства - члены ООН. В апреле 2005 года такая резолюция была принята в рамках Комиссии ООН по правам человека 26 голосами "за" при 17 "против" и 10 воздержавшихся. Все предыдущие попытки провести эту резолюцию в рамках Третьего комитета заканчивались снятием ее с рассмотрения.

И все же, несмотря на общий перевес сторонников моратория, документ этот не будет в итоге принят, так как категорически "против" сразу два члена Совета Безопасности - США и Китай [4].

Логично прийти к выводу, что принудительное умерщвление уже теряет какую-либо силу наказания, так как доминирующий принцип неотвратимости, но не жесткости наказания в Европе является определяющим. Смертная казнь становится одним из методов политической борьбы, борьбы за электорат, борьбы за власть и могущество. Право на жизнь – основополагающее право гуманистической Европы – не разделяют как большинство маргиналов, так и убежденные журналисты, политики-регионалы, популисты, да и часть простых французов. В умах простых французских граждан прочно засела вера в то, что казнь можно применять по отношению к преступникам, совершившим громкое и зверское преступление - инстинкт линчевателя по-прежнему бытует у многих европейцев, тем самым внося сильный разлад и разобщенность и без того расколотую Европу, создающую иллюзию стабильности.

Перейдя от принудительного лишения жизни к добровольному, стоит отметить, что эта проблема не менее, если не более, дискуссионна.

Эвтаназия, как некоторые леворадикалы выражаются – "должна стать свободой страдающей души". В отличие от смертной казни эвтаназия добровольна. В 1987 году была опубликована Декларация об эвтаназии и вот что в ней прописано: Эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, неэтична. Это не исключает необходимости уважительного отношения врачей к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания [5].

Здесь стоит упомянуть, что существует пассивная и активная эвтаназия. Пассивную часто можно спутать с *паллиативной помощью* – активной всеобъемлющей забота о больных, болезнь которых не поддается излечению, а также контролирование боли и других симптомов, решение психологических, социальных и духовных проблем. Цель паллиативной помощи - обеспечить максимально возможное высокое качество жизни для больного и его семьи. Многие не получают оптимального лечения из-за того, что в ближайших больницах нет нужного оборудования, или медицинский персонал не имеет необходимых знаний и навыков, чтобы осуществлять уход за неизлечимо больными пациентами.

Пассивная же эвтаназия представляет собой намеренное прекращение медиками поддерживающей терапии. Впервые во Франции вопрос о применении эвтаназии был поднят в XIX веке студентами-медиками, считающими, что уход из жизни по своей воле является "примордиальным", основополагающим правом любого человека. Однако, клятва

Гиппократ отвергает умерщвление пациента – “Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла” [6].

Что же касается социально-правовой точки зрения, то в 2004 г. пассивная эвтаназия была разрешена во Франции (согласно опросу, во Франции 85% населения выступают за легализацию). В данном случае, мнение мирового сообщества не отличится единством, так как у многих стран-участниц ООН свое мнение на счет эвтаназии – некоторые страны доходят до откровенного порицания тех, кто еще не ввел у себя разрешение на добровольную смерть – как, например, Нидерланды, первые легализовавшие у себя активную стадию эвтаназии и даже призывающие практиковать эвтаназийный туризм - передвижение лиц, желающих покончить с собой в тех страны (Нидерланды, Бельгия, Швейцария, Люксембург, некоторые штаты США), где не ведется уголовного преследования за совершение эвтаназии.

Эксперты комитета по правам человека Организации Объединенных Наций высказывают опасение, что закон об эвтаназии может привести к тому, что узаконенное самоубийство станет обычным делом, не вызывающим каких-либо особых эмоций. Сомнения специалистов вызывает и этический аспект эвтаназии для детей, а также возможность оказания давления на пациентов с целью обойти ограничения, оговоренные законом. Кроме того, эксперты опасаются, что легализация эвтаназии в отдельно взятой стране может послужить поводом к появлению особого вида туризма для людей, желающих свести счеты с жизнью [7].

Возвращаясь к Франции, стоит отметить, что существовало несколько громких дел, когда люди просили умертвить себя, тем самым, прекратить свои мучения. Например, на анонимном форуме *Infirmiers*, один из участников пишет следующее – “*Papa voulait mourir. Il avait essayé une fois. Même ça, ça lui a été refusé. Il ne pouvait plus parler, presque plus ouvrir les yeux, mais il entendait tout. Imaginez ce long cauchemar, ce que c'est que d'être emmuré dans son corps, dans un silence contraint, de ne plus pouvoir bouger les jambes, de ne plus pouvoir manger, ne plus arriver à aspirer un peu de jus d'orange avec une paille, puis d'avoir les mâchoires serrées à jamais, qui ne répondent plus, qui vous ferment définitivement tout contact avec l'extérieur. Lui était là-dedans. Deux semaines. A compter les jours, les nuits. Assommé de morphine, se réveillant d'un sommeil trouble, avant d'attendre dans une semi-conscience de tomber un peu plus bas. En France, on n'abrège pas les souffrances – on les soulage*“, что в переводе как “Папа хотел умереть. Однажды он попытался покончить с собой. Но и этого ему не удалось. Он не мог говорить, не открывал глаз, но слышал он все. Вы даже не представляете, какой это был кошмар. Каково это - быть пленником в собственном теле, не имея возможности говорить, двигать ногами, есть... Быть не в состоянии сделать даже глоток апельсинового сока через соломинку. Только представьте, что ваши челюсти навсегда сжались, их как будто нет, окончательно разорваны для вас все связи с окружающим миром. Ему пришлось через это пройти. Так было две недели. Дни и ночи. Он лежал под морфином и пытался забыться в беспокойном сне, проваливаясь все глубже и глубже. У нас во Франции не прекращают страдания, а только пытаются их облегчать” [8].

Или же история, которая просто всколыхнула французское общество, история Шанталь Себирь, француженки, больной раком. Пятидесятидвухлетняя женщина на протяжении семи лет страдала редкой неизлечимой формой рака носовой полости. Злокачественная опухоль изуродовала ее лицо, привела к потере зрения и вкуса и причиняла нестерпимую боль. Себир неоднократно обращалась в судебные инстанции и лично к президенту Франции Николя Саркози с просьбой разрешить ей эвтаназию смертельную инъекцию, позволившую бы умереть быстро, легко, в окружении семьи и будучи в сознании. Но всюду она получила отказ. Всё закончилось 20 марта 2008 года, когда Шанталь Себир была найдена у себя дома мертвой. При вскрытии обнаружилось, что Себир совершила самоубийство - отравилась барбитуратами. Ее ужасная участь вызвала во Франции большой резонанс. Многие политические и общественные организации требуют пересмотра законодательства и разрешения эвтаназии. Правительство обещало провести «анализ и

оценку» действующих правил и на этом и остановилось [9], боясь идти дальше своих обещаний.

Негативное отношение к самоубийству или к содействию при уходе из жизни практически во религиозных учениях, жители стран Евросоюза в каждом конкретном случае получившем широкую огласку, выступали за избавление больных от мучений. В странах с имеющимся судебным прецедентом, высшие судебные органы зачастую отказывают в уголовном преследовании для лиц, оказавших помощь безнадежно больным людям при уходе их жизни. Законодательная легализация эвтаназии в странах Бенилюкса позволяет всем жителям ЕС легально, реализовать свое право на жизнь и смерть.

Французское общество по-прежнему расколото. Сторонники эвтаназии апеллируют к правам, к изначальным правам человека, что понятие блага, превалирования жизненных удовольствий над страданиями есть понятие жизни, что недопустимо причинять бесполезную боль и так страдающим людям, просящим о последней услуге [10]. Противники же (здесь проблема эвтаназии для авторов представляется как один из камней преткновения евроскептиков и правых – один считают ее новым эволюционным институтом либеральной демократии, другие – “легализованным убийством”) апеллируют, если не сказать взывают, к тому, что жизнь дана не для того, что бы человек мог ее пресечь, даже по своей воле, не говоря о том, что тезис, утверждающий, что содержание и обслуживание безнадежно больного обходится очень дорого, как и семье, так и государству, вовсе выходит за все допустимые рамки морали и нравственности.

При серьезных разногласиях, дегармонизации национального и наднационального прав, европейское право умело втиснуло в свои директивы, которые постоянно дополняются, понятие о снятии презумпции невиновности с врача, умертвившего своего пациента в рамках терапии эвтаназии. Формально презумпция невиновности распространяется, прежде всего, на обвиняемого, т.е. лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Эта особенность в отношении врача, вошла в коллизионный спор с Европейской конвенцией прав человека и основных свобод 1950, и до сих пор эта юридическая неурядица не решена, но и она не доставляет никакого дискомфорта европейским законодателям.

Как видно из описанного, спор о необходимости введения терапии эвтаназии будет вестись еще очень долго. Французские законодатели, видимо, избегают различных животрепещущих тем, таких как налоговая политика, политика в отношении так называемых *syndicats* – профсоюзов и обеспеченности населения рабочими местами, проблем безработицы, которая во Франции побилла все рекорды, особенно среди молодежи, и прочих других, на которых как раз и зиждется все французское общество и государственность.

В заключение стоит отметить, как было сказано ранее, проблемы умерщвления людей всегда буду педалировать как и обычными гражданами, так и высшими эшелонами власти. Соблюдение баланса между законотворчеством и социальным настроением – вот один из столпов всего Евросоюза, который, почему-то, активно игнорируется. Два страта – общественное мнение и гармонизированность и проработанность норм законодательной базы – больше не коррелируется в головах большинства французских политиков, которые в свою очередь выбрали проблему гомосексуализма одной из определяющих европейское общество. Выбрав радикально различающуюся риторику, популисты, демагоги, да и просто маргиналы или даже “власть предержавшие” для поддержания иллюзии политического процесса, опустили до того, что морально-нравственные проблемы своего народа они отдали на откуп брюссельской бюрократии, мало что смыслящей в проблемах национальных государств. Примером того служит избрание Франсуа Олланда президентом Франции, сдержавшим лишь одно предвыборное обещание – легализацию однополых браков. Он, как представляется автором, решил перевести Францию в авангард стран с максимально либерализованными социально-правовыми нормами, тем самым забыв о

настоящих проблемах своей страны. Что касается конкретно моратория на смертную казнь и терапии эвтаназии - это дело каждого государства, которое должно понимать, что берет на себя не только ответственность лишать жизни человека за совершенные им преступления, но и ответственность за само решение о казни. А процесс ухода из жизни, по воле человека, должен быть исключительно добровольным и взвешенным решением, которое в свою очередь, должно если не поддерживаться государствам, то хотя бы не осуждаться и не криминализироваться. Таким образом, авторы еще раз обозначили одни из самых громких проблем современной Франции, поставив под сомнение целесообразность ее членства в Евросоюзе.

Библиографический список

1. **Форет И. В.** Проблема применения смертной казни в РФ и странах Западной Европы / И. В. Форет // Актуальные проблемы государства и права в Европе. – Воронеж, 2008. – С.82 -87.
2. **Камю А.** Изнанка и лицо: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во "Фолио", 1998. – 864с. (Серия "Антология мысли"). – С. 577- 624, 860.
3. http://www.gazeta.ru/politics/2015/03/11_a_6502909.shtml
4. **Форет И. В.** Проблема применения смертной казни в РФ и странах Западной Европы / И. В. Форет // Актуальные проблемы государства и права в Европе. – Воронеж, 2008. – С.82 -87.
5. **Крылов Н. Е.** Эвтаназия: уголовно-правовой аспект / Н. Е. Крылов // Вестник московского университета. – Серия 11. Право. – 2000. – №2. – С.36.
6. **Гиппократ.** Избранные книги. – М., 1994. – С. 87-88.
7. **Дмитриев Ю.** Конституционное право человека и гражданина на осуществление эвтаназии в России // Право и жизнь. 2000., № 24.
8. <http://www.atlantico.fr/rdv/revue-blogs/fin-vie-mort-choisie-avis-medecin-673172.html>
9. <http://www.medportal.ru/budzdorova/things/1107>
10. **Гусейнов А. А.,** Эвтаназия / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян // Этика. – М., Гардарики, 2000. – С. 425–433.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 (6), 2015

Научный журнал

Подписано в печать 16.06.2015. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 13,3. Усл.-печ.л.13,3. Тираж 500 экз. Заказ № _____